БИБЛІОТЕКА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.
SEMPER IMMOTA FIDES
АЛУПКА.
Шкафъ Р
Полка XIV № 9/а
К № 734
АДМ
КМ 7769
АДМ

БИБЛИОТЕКА
Алупкинского Государств.
Дворца - Музея
ОТДЕЛ М.С.В.
ИНВ. № 6403
ШИФР.

Инв. № 9146
Объект № 3
12,9,13

Інв. № Б-6868

БИБЛИОТ
Пе

ПОРУБЕЖНИКИ

КАНВА

ДЛЯ РОМАНОВЪ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ

II

ПОРУБЕЖНИКИ

КАНВА

ДЛЯ РОМАНОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. СКАЛЬКОВСКАГО.

„J'ai plus cherché à d'écrire minutieusement des moeurs nationales, qu'à combiner artificiellement des événements. Je dois avouer qu'à mon grand regret, je me suis senti dans l'impuissance de réunir ces deux conditions d'un bon roman“.....

Walter Scott. (L'antiquaire.)

ВЫПУСКЪ IV.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. НИТЧЕ.

1850.

II

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Одесса, 28 февраля 1849 года.

Цензоръ *В. Пахманъ.*

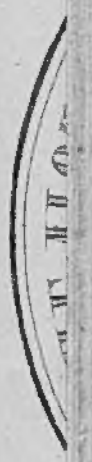
ПОРУБЕЖНИКИ

КАНВА ДЛЯ РОМАНОВЪ.

ВЫПУСКЪ IV.

МАМАЙ.

Повѣсть 1758 — 1760 годовъ.



II

ЧАСТЬ II.

ЯСЫРЪ.

II

МАМАЙ.

ЧАСТЬ II.

I.

Лишь только вечерняя пушка раздалась съ крѣпостнаго вала, три всадника, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, выступили изъ воротъ крѣпости и переѣдъ мостъ пустились скорою рысью по степямъ, придерживаясь дороги къ раскольничьимъ поселеніямъ на Ингулѣ : у Клинцовъ и Калиновки. Тамъ должны они были переночевать и избрать дорогу по указанію ихъ проводника. Одинъ изъ нихъ, гдѣ только мѣстность позволяла, ѣхалъ впереди и часто такъ задумчиво и беззаботно, что добрая степная лошадь обрывала поводья и уносила его въ сторону. Тогда одинъ изъ ѣдущихъ позади, весьма стройный мужчина, съ черными, лунѣ угрожающими усами, выбѣгалъ впередъ и удерживалъ коня, быстро скакавшаго въ даль степей покрытыхъ весеннею травою. Такъ проѣхали они верстъ пятьнадцать и къ ночи остановились въ балочкѣ, выходящей съ права отъ Ингула. Въ углубленіи сребрился прудикъ и нѣчто

въ родѣ садика — бѣлая изба рѣзко отражалась отъ тѣни вербъ ее окружавшихъ.

— Бабкинъ! — что это такое?

— Чортъ одинъ ихъ знаетъ В. Б., а не наша братья капральство, — это похоже больше на западню, нежели на человѣческое жилище. — Богъ мой! какъ вспомню наши Орловскія селенія — домишки сѣрые, правда не много грязные, рубленные, всѣ въ струнку — словно гренадеры...

— Не болтай любезный такъ громко ни про Орловскую твою губернію, ни про солдатъ, помни что мы *купеческіе дѣти.*

— Баринъ! — сказалъ третій всадникъ, — надобно дать конямъ отдохнуть...

— Да что это за поселокъ?

— *Поповъ хуторъ.* — Тутъ я бывалъ не разъ.

— А Клинцы не далеко?

— Раскольничья слободка?

— Да раскольничья.

— Версты двѣ, но туда не надобно ѣхать — эти кацапы сей часъ насъ выдадутъ. Отъ крѣпости недалеко и вѣрно многіе васъ знаютъ.

— Меня въ особенности — я ихъ таки колачивалъ на ярмаркахъ, и при постройкѣ города [1]).

---

[1]) Часть Елисаветграда до сихъ поръ называютъ *Перскіе*, т. е. *Пермскіе лагери*, въ память Пермскаго карабинернаго полка, строившаго вмѣстѣ съ другими, изъ внутри Россіи высланными людьми, крѣпость св. Елисаветы.

Подъѣхавъ ближе, они увидѣли избу очень похожую на Запорожскій зимовникъ, только слишкомъ близкую къ селенію чтобы имѣть столь же уединенную прелесть. Собака почуявъ пришельцовъ встрѣтила ихъ жестокимъ лаемъ. Какой-то старикъ, съ зажженнымъ каганцемъ въ рукахъ, вышелъ изъ дверей и пригласилъ ихъ на ночлегъ. Изба была очень мала и душна, но довольно чиста. Бѣдность пробивалась во всемъ, только не въ пріемѣ гостей. Огонь немедленно запылалъ, ваганчикъ съ водою повѣшенъ на треножкахъ, мука замѣшана и чрезъ часъ добрыя гречневыя галушки съ молокомъ явились на столѣ, въ облакѣ ароматныхъ паровъ. Бабкинъ, по приказанію офицера, принесъ изъ саквы бутылку водки и ужинъ былъ роскошный, въ сравненіи съ ежедневными лишеніями Новороссіянъ въ тѣ времена и въ такой глуши. Поручикъ хорошо выдерживалъ свой характеръ, но Бабкинъ и ободранный изъ кожи казался бы всегда кавалерійскимъ вахмистромъ. Хозяинъ, посмотрѣвъ многократно на обоихъ, и выпивъ вторую чарку горѣлки, сказалъ въ полголоса проводнику :

— Степанку! кто цей панычь?

— А кто его знаетъ, може и панычь.

— А цей вотъ, москаль (солдатъ). Что вы въ пѣхоту (на грабежъ) идете?

— Нѣтъ, кажется на заработки идутъ. —

И оба засмѣялись. Такъ жизнь уединенная, въ вѣчной борьбѣ съ природою и злыми сосѣдями, дѣлаетъ и простаго человѣка довольно прозорливымъ физіогномистомъ.

Поручикъ осмотрѣвъ эту бѣднѣйшую избу, замѣтилъ

однакожъ одну, неслыханную для степняковъ того времени роскошь : двѣ или три свѣжія просфиры и десятокъ книгъ повидимому церковной формы, если не содержанія. Старикъ даже казалось и постели не имѣлъ, — но положивъ на узкой скамьѣ свой тулупъ и подушку отъ сѣдла, просилъ поручика лечь спать, присовокупивъ что его москаль, показывая на Бабкина и молодикъ, лягутъ въ *клуть* (подъ навѣсомъ).

— А ты дядя, гдѣжъ ляжешь?

— Вотъ тутъ пане! — показывая на *покуть*, т. е. «красный уголъ» избы подъ образами, — я ночью не сплю, а молюсь Богу за мои смертельные грѣхи... днемъ немного усну на твоемъ мѣстѣ.

— И ты никогда ночью не спишь? — съ удивленіемъ спросилъ Страшковъ.

— Не сплю и уже давно, Богъ покаралъ меня за мои грѣхи... — и взявъ одну книгу, оказавшуюся псалтыремъ, началъ читать съ явнымъ вниманіемъ и набожностію. Поручикъ тоже сдѣлавъ три земные поклона, совершилъ молитву и не раздѣваясь закутался въ плащь и прилегъ на своей постелѣ. Бабкинъ вмѣстѣ съ саквами принесъ его пистолеты и саблю и положилъ подъ подушку, а выходя сказалъ что навѣсъ очень близко и при малѣйшемъ шумѣ онъ будетъ на ногахъ.

Страшковъ сдѣлавъ столь небольшой переѣздъ ни мало не усталъ и не имѣлъ ко сну охоты, да и мысли его волновавшія не давали ему покоя. Еще и пяти часовъ не прошло какъ онъ оставилъ свою милую, а уже казалось, цѣлая вѣчность была между ними; — долго онъ си-

лился припомнить милыя черты ея по напрасно. — Это дурной знакъ! подумалъ онъ — говорятъ это предсказаніе долгой разлуки или чьей-либо смерти, — ужъ вѣрно моей. Дай господи чтобы она только была счастлива!... Но старикъ нашъ чего-то ужасно поблѣднѣлъ.

— Что тебѣ дѣдушка — уже не боленъ ли ты?

— Уже, уже пѣтухъ запѣлъ, мой часъ пришелъ! — и закрывъ глаза рукою началъ на Малороссійскій ладъ произносить псаломъ : «По велицѣй милости твоей помилуй мя Боже.» —

Это крайне удивило Страшкова и онъ молча наблюдалъ за движеніями своего хозяина. Наконецъ видя что тотъ какъ бы пораженный ужасомъ, съ открытымъ ртомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ повалился на землю со скамьи, онъ схватился съ постели, поднялъ несчастнаго, уложилъ его на своей подушкѣ и старался привести въ чувство. Но больше часу прошло прежде чѣмъ онъ опомнился и первое слово имъ произнесенное было :

— Не буду — ей Богу больше не буду! — и быстро вскочивъ съ постели, подбѣжалъ къ покуту и ставъ на колѣни, усердно опять началъ молиться и бить поклоны.

— Видно тяжелый грѣхъ лежитъ на его душѣ, подумалъ офицеръ — не былъ ли онъ въ какой-нибудь изъ шаекъ, о которыхъ намъ разсказывалъ этотъ злодѣй Коваль. Надобно его пораспросить. —

Старикъ совершенно прійдя въ себя взялъ ковшъ воды, духомъ его выпилъ и осмотрѣвшись на всѣ стороны, увидѣлъ офицера сидѣвшаго и одѣтаго, съ саблею подъ мышкою. Онъ видимо смутился и сказалъ :

— Ну паноче, видѣли вы поганое *дѣло*. Богъ тяжко и давно караетъ меня за мои грѣхи — тяжко! тяжко!

— Лучше покаяться рѣшительно нежели такъ мучиться, одною молитвою крови человѣческой не выкупишь.

— Крови человѣческой? — какой крови?

— Если ты самъ, или съ другими убивалъ или грабилъ на степяхъ, то покайся, укажи на своихъ сообщниковъ, пусть правосудіе накажетъ ихъ и тебя: — тогда Богъ проститъ тебѣ хотя въ томъ мірѣ.

— Что вамъ паноче, ужъ не моя ли болѣсть на васъ напала? выпейте ковшикъ воды.

— Какъ болесть? — я говорю о покаяніи — а ты...

— Пане, я каюсь, очень каюсь, покутую всякій день, а мой грѣхъ не такъ великъ; я не убивалъ и не грабилъ и не кралъ чужого добра; вотъ лучше послушайте — я вамъ всю правду разскажу:

«Я былъ дьячкомъ при О.....й церкви лѣтъ съ десять и меня уже хотѣли за хорошій голосъ и знаніе церковнаго устава посвятить въ діякопы, какъ случилось со мною большое несчастіе. Не далеко отъ насъ шелъ обозъ греческій съ товарами, да завезъ чуму; одна ихъ женщина съ чумы померла въ самомъ нашемъ селѣ, и у насъ въ церкви ее отпѣвали да хоронили. Я былъ всегда столь же бѣдный какъ и теперь и жена моя не разъ мнѣ пеняла, что нѣтъ у нея ни платья, ни платка добраго, ни коралей, какъ у другихъ. Наступила ночь и мнѣ пришлось читать около мертвой псалтырь; уходя домой священникъ приказалъ мнѣ подъ секретомъ, чтобы не

трогать даже гроба у этой мертвой, ибо она «чумная.» Я чумы тогда не боялся и когда всѣ разошлись, подошелъ смѣло къ покойницѣ, чтобы разсмотрѣть ее по ближе. Молодая была женщина, вся въ шелковомъ платьѣ, съ краспымъ шалевымъ платкомъ на головѣ и краснымъ же платочкомъ на поясѣ; а коралей, а перстней, Боже ты мой! такъ и зарябѣло у меня въ глазахъ. Я себѣ подумалъ: жёпка померла, на что ей корали, на что ей платки? — а мужъ и люди ея далеко уже заѣхали, попу заплатили; — дай-ка я возьму себѣ и для жены что-нибудь. А чума? — атъ соби чума! какъ бы не такъ! Вотъ чортъ меня и попуталъ... Я снялъ сперва поясъ, та и прикрылъ ее сукномъ что было на ногахъ. Послѣ снялъ перстень одинъ хорошій золотой, что называютъ *сигнетъ*[1]) и двѣ низки коралей. Послѣ началъ читать псалтырь до самаго утра. Послѣ обѣда ее похоронили со всею осторожностію, — священникъ нашъ былъ строгій и разумный человѣкъ; — угостили насъ всѣхъ на греческія деньги и все пошло какъ прежде, никто и не замѣтилъ моей покражи. Я два дня подождалъ да и отдалъ женѣ платочекъ червоный, а дочкѣ корали, себѣ же взялъ сигнетъ, повѣсилъ его на жолтомъ снурочкѣ да носилъ на шеѣ, чтобъ люди злымъ глазомъ на меня не смотрѣли. Ажь тутъ Богъ меня и покаралъ.... Ахъ папе! папе; не дай вамъ Боже брать чужое добро, — не дай Боже! и святая Божа-маты не дай вамъ того!

---

[1]) *Sygnet, sigillum,* перстень съ печатью.

«На третій вечеръ, жена моя стонетъ и говоритъ что ей голова болитъ и подъ сердцемъ печётъ... да все пьетъ воду; — да вотъ и дочка такъ и валяется на печи да кричитъ воды! воды! — Я самъ хожу ровно шальный — видно хороба опутала всѣхъ насъ. Я засвѣтилъ свѣчу, накурилъ избу ладономъ, да и взялъ отчитывать хоробу... не читается... — Вмѣсто словъ въ книгѣ все вижу то свѣчи церковныя, то намитки, то черный гробъ, то барвинки что кладутъ на вѣко... — Пойду-ка да прилягу, не пройдетъ ли хоть моя боль — подумалъ я, и легъ на своей постели, — тогда у меня была хата не много чище и подушки двѣ, или три. Лежу, а горячка такъ и бьетъ, а дочка все стонетъ и плачетъ... Вдругъ пѣтухъ запѣлъ... — Слышу что-то какъ-бы по церковному поетъ; — пѣтъ не по церковному... ворота мои отпираются, — кто бы то былъ? — подумалъ я и хотѣлъ было встать — не могу — что-то какъ приковало меня къ постели. Сѣнцы отпираются и я слышу кто-то поетъ :

«Люди сплятъ,
«Кони сплятъ,
«Люди сплятъ,
«Куры сплятъ,
«Тилько мій злодій не спитъ —
«Мое добро сторожитъ.

Я весь обомлѣлъ — особенно когда двери отворились... гу! съ нами крестная сила! — Смотрю полумертвый... та самая Гречанка что мы поховали предо мною стоитъ, все въ своемъ шелковомъ платьи съ крас-

нымъ платочкомъ на головѣ, и поетъ себѣ показывая на меня :

«Люди сплятъ,
«Кони сплятъ;
«Люди сплятъ,
«Куры сплятъ,
«Тилько ты злодію не спишь —
«Мое добро держишь!!

«Я хотѣлъ читать про себя : «Отче нашъ», хотѣлъ креститься, не можно; — лежу какъ мертвый, — она ко мнѣ — да хвать меня за шею — сорвала сигнетъ съ снуркомъ и погрозивъ рукою пошла назадъ... Еще долго слышалось мнѣ ея пѣніе — но послѣ я обомлѣлъ совсѣмъ и уже на другой день, кажись въ полдни, я проснулся весь въ холодномъ поту, какъ-бы выкупался. Я всталъ, перекрестился предъ образомъ, обмылся водою — смотрю : сигнета на мнѣ уже нѣтъ, а жена и дочка на печи молчатъ. Я до нихъ, спрашиваю : здоровы ли? — вставайте; не слышатъ и молчатъ : — я туда — Боже, Боже! обѣ они померли несчастныя въ туже злополучную ночь.

«Перепугавшись до смерти, я побѣжалъ къ попу и все разсказалъ какъ на исповѣди; — онъ меня взялъ да и заперъ въ свою клуню, жёнку и дочь раздѣли, отпѣли, да зарыли далеко въ землю, а все мое добро и платье жены, и самую хату сожгли. Какъ прошелъ мѣсяцъ меня выпустили и отъ церкви отрѣшили. Тогда я пошелъ бурлаковать, только книги тотъ попъ мнѣ подаровалъ, да двадцать гривень грошей, что мнѣ приходилось отъ цер-

ковной кружки. Мой братъ тутъ «сидѣлъ» когда-то «зимовникомъ» какъ еще Лисавета не было; хата его стояла пу́сткою... Я хату нашелъ и тутъ уже остался. Съ тѣхъ поръ гнѣвъ Божій палъ на меня — я ночью спать не могу — и всякій разъ таже «мара является и туже мнѣ пѣснь мнѣ напѣваетъ. Я думаю что развѣ въ сырой землѣ Богъ меня успокоитъ.» —

Поручику жаль стало этого несчастнаго старика, такъ сильно наказаннаго за свое святотатство. Онъ понялъ, что жена и дочь его умерли отъ чумы, что онъ спасся только однимъ чудомъ и что въ припадкѣ сильной горячки видѣлъ явленіе такъ сильно его напугавшее и сдѣлавшее эту монопанію. Онъ старался его успокоить и растолковать видѣніе, но все было напрасно — старикъ слегка и печально улыбаясь показывалъ ему на свою грудь и говорилъ :

— А сигнетъ пане! — сигнетъ?

— Быть можетъ кто-нибудь укралъ его въ твоей болѣзни.

— Ой пане, пане, видно что вы еще панычь (молодой баринъ); что ни въ Бога, ни въ мару не вѣрите. —

Между тѣмъ солнце яркимъ пурпуромъ на востокѣ дало знать о своемъ приближеніи и появленіи дня. — Поручикъ добрые полчаса потерялъ пока разбудилъ Бабкина — обѣщавшаго спѣшить на помощь при первомъ зовѣ или тревогѣ — и они пустились въ далнѣйшій путь. Къ полудню остановились часа на два на рѣчкѣ Сугаклеи у мельника совершенно глухаго, и давъ отдохнуть лошадямъ, къ ночи были уже на вершинахъ Мертво-водья

въ какомъ-то зимовнику, который нашли запертымъ. Проводникъ сказалъ что онъ знаетъ хозяина, что онъ вѣрно *гонитъ* дубы на переправѣ въ Соколахъ и что можно располагаться здѣсь безъ церемоніи. Измученный безсонницею и двѣнадцати-часовою ѣздою по палящему солнцу, въ степяхъ почти засохшихъ отъ зноя не смотря на весну, Страшковъ легъ отдохнуть, а Бабкину приказалъ стать на часахъ у самой постели его, обѣщая смѣнить его въ свою очередь. Молодой парень не согласился почевать въ избѣ, подъ предлогомъ жары и расположился на дворѣ, на свѣжемъ прекрасномъ камышѣ найденномъ въ зимовникѣ.

Сонъ Страшкова не смотря на усталость былъ однакожъ весьма безпокоенъ; ему безпрестанно грезилась крѣпость — берегъ Ингула, — на возвышеніи небольшой домикъ — и вездѣ Селестина, въ страхѣ преслѣдуемая то вепремъ, то волкомъ, то какимъ-то чудовищемъ въ длинныхъ усахъ и съ сѣдымъ висящимъ чубомъ. Онъ боролся съ этимъ видѣніемъ часа два, наконецъ кошмаръ овладѣлъ имъ вполнѣ, ему казалось что его кто-то удерживалъ на дорогѣ, по которой онъ стремился на помощь своей любезной. — Напрасно рвался онъ изъ магическихъ узъ преграды своей, напрасно кричалъ, — голосъ замиралъ въ горлѣ — и онъ уже изнемогалъ отъ тяжести его давившей, прерывавшей его дыханіе, — когда къ крайней радости своей онъ проснулся. Онъ мигомъ хотѣлъ спрыгнуть съ кровати — но какая-то истинная тяжесть его опять опрокинула, — разглядѣвъ хорошо и ощупавъ эту тяжесть — къ крайней досадѣ нашелъ онъ

что это былъ его чуткій и вѣрный спутникъ вахмистръ Бабкинъ, уснувшій немедленно вмѣстѣ съ своимъ командиромъ и паденіемъ на него произвелъ впечатлѣніе принятое имъ за кошмаръ. Въ гнѣвѣ, поручикъ по военному обычаю поподчивалъ добрымъ толчкомъ капрала — но Бабкинъ не просыпался; — другой толчекъ — Бабкинъ только повернулся на другой бокъ... Выведенный изъ терпѣнія Страшковъ схватилъ нагайку и такъ щедро надѣлилъ ею своего карабинера, что весь сонъ пропалъ у него. —

— Съ права на лѣво заѣзжай! — закричалъ онъ во все горло и сдѣлавъ движеніе какъ бы хотѣлъ поворотить свою лошадь и, тогда опомнился.

— Ну хорошъ ты солдатъ негодный соня; такъ ты стоишь на часахъ?

— Виноватъ В. Б. — но право съ той проклятой схватки, гдѣ мы и В. Б. попались гайдамакамъ — я все какъ-то не свой. —

Это было обыкновенное средство обезоружить гнѣвъ Страшкова — но онъ рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ отослать своего капрала назадъ — боясь его оплошности и военной фигуры болѣе, чѣмъ самыхъ враговъ.

II.

Дорога до самыхъ Соколовъ, или «переправы на Татарскую сторону», шла тогда не прямо степью, какъ теперь, — но по берегу рѣчки «Мертвыхъ-водъ», вѣтвясь безпрестанными извилинами по причинѣ глубокихъ балокъ и провалинъ; окрестный край былъ совершенною пустынею. Не даромъ Поляки ходившіе сюда караванами назвали ее «Степью мертвыхъ» (stép umarłych) [1]). Самая переправа производилась на дубахъ рыбаками, имѣвшими здѣсь съ весны до конца осени нѣсколько шалашей, или земляпокъ. Кой-гдѣ по балкамъ и на берегу самаго Буга уже кочевали Татары Ногайскіе, — какъ на Турецкой землѣ, — ибо граница ничѣмъ послѣ Бѣлградскаго мира еще не была обозначена. Одно только свидѣтельствовало о Турецкомъ здѣсь прежнемъ или настоящемъ владычествѣ,

---

[1]) Такъ *Риччи-Занони* называетъ окрестности Вознесенска.

это двѣ или три старыя и почти развалившіяся мечети: одна на устьѣ рѣчки Арбузинки въ Мертво-водье, другая у самаго впаденья рѣчки Мертвыхъ-водъ въ Бугъ, въ балочкѣ, подъ тѣнью шелковицъ и вербъ. Никто не обиталъ вблизи и онѣ сохранились, только потому, что здѣсь были водоемы чистой ключевой воды, Турками когда-то вырытые и слѣдовательно равно были полезны какъ христіянамъ, такъ и мусульманамъ. Страшковъ не видя ни карауловъ, ни пикетовъ на устьѣ Арбузинки пустился далѣе и остановился у второй мечети, чтобы распросить кого-нибудь о дальнѣйшемъ пути въ чужой землѣ, а равно и узнать кой-что о походѣ полковника Чеснока. Подъѣхавъ къ колодезю онъ увидѣлъ тамъ, къ крайнему своему удивленію, кромѣ двухъ бурлаковъ лежавшихъ на землѣ и какъ видно шедшихъ куда-нибудь для «заработковъ», длинную зеленою краскою выкрашенную фуру — съ крышкою во всю длину и окошцами по всѣмъ четыремъ сторонамъ; ни дать ни взять добрая хата на колесахъ, — да и лучше многихъ городскихъ тогдашнихъ домиковъ нашихъ. Три лошади въ высокихъ хомутахъ съ побрякушками и чернымъ сукномъ, стояли подлѣ и изъ растянутаго мѣшка ѣли овесъ. Два человѣка въ темныхъ курткахъ и узкихъ панталонахъ, съ длиннѣйшими жилетами тоже темнаго цвѣта, что-то стряпали у разложеннаго огонька; волосы у нихъ были низко подстриженны спереди, а весьма длинные назади головы. Легко было догадаться что это были Нѣмцы, — но какъ забрели они сюда? — Бывало съ трудомъ заманешь ихъ въ крѣпость на армарку и то изъ ближайшихъ

польскихъ мѣстечекъ, съ конвоемъ и сальвогардіями, а тутъ настоящій фургонъ какъ бы въ большомъ Европейскомъ городѣ?! — Подошедъ ближе наши путешественники замѣтили что у нихъ даже охотничьяго ружья, или сабли не было. Но что всего болѣе удивило и поручика и его людей — это внутренность фуры : — тамъ сидѣла на кожаной подушкѣ молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, весьма пріятной наружности — даже красавица, еслибъ не слишкомъ бѣлокурые волосы безъ пуклей и отсутствіе почти бровей. Голубые глаза дѣвушки смотрѣли съ любопытствомъ на проѣзжихъ, но и безъ боязни и безъ застѣнчивости; въ ихъ выраженіи было столько кротости, столько нѣжности, что бѣдный поручикъ вздохнулъ невольно вспомня о своей Селестинѣ. Сошедъ съ лошади, онъ забывъ о своемъ инкогнито, кинулъ узду Бабкину, а самъ приблизился къ Нѣмцамъ и учтиво поклонясь сказалъ имъ по русски :

— Здравствуйте господа проѣзжіе. —

Нѣмцы поклонились тоже учтиво и вынявъ изъ рта коротенькія глиняныя трубочки, сказали «спасибо братъ.»

— Откуда ѣдете братцы?

— Съ Пруссіи.

— Какъ изъ Пруссіи? — какъ же вы пробрались сюда?

— Чрезъ Турска-земля.

— Вотъ какъ! — а куда если смѣю спросить?

— На Русска-земля. —

Страшковъ не выходилъ изъ изумленія — спокойно и тихо, не торопясь, дѣлали они себѣ на угольках

грѣпки изъ хлѣба, сыра и масла и запивали крошечными рюмочками водки — какъ бы не зная что они въ странѣ принадлежавшей дикимъ Ногайцамъ, подверженной набѣгамъ, — сто разъ вреднѣе Татаръ, — ненасытныхъ гайдамачьихъ шаекъ. Видя что Бабкинъ и проводникъ вступили въ длинный разговоръ съ бурлаками, онъ подсѣлъ ближе къ Нѣмцамъ и сказалъ имъ по нѣмецки:

— Очень радъ что встрѣтился съ вами почтенные господа, — я Русскій офицеръ изъ здѣшнихъ мѣстъ. —

Нѣмцы едва не проглотили своихъ трубокъ отъ удивленія. Отечественная рѣчь столь дорогая и въ чужеземной столицѣ, — здѣсь же въ пустынѣ показалась столь сладкою для германскаго уха, что даже обратила вниманіе голубоокой горлицы. — Vater! сказала она, это по нѣмецки!

— J-a-a-a! — весьма протяжно отвѣчалъ отецъ и снявъ шапку сказалъ тоже по нѣмецки: — вы русскій офицеръ — а въ этой одеждѣ?

— Государственная нужда, господа — казенное дѣло.

— Понимаемъ. — Staats-Geheimniss! — нѣсколько разъ повторили оба — и учтиво пригласили его раздѣлить съ ними кусокъ, неслыханнаго въ степяхъ татарскихъ — буттерброда!! Чтобы списскать ихъ довѣренность Страшковъ сказалъ прямо что онъ изъ крѣпости св. Елисаветы, ѣдетъ въ турецкія мѣста по службѣ и что крайне удивился нашедъ ихъ въ такихъ мѣстахъ, однихъ, безъ конвоя и даже, какъ кажется, почти безъ оружія.

— Почти! скажите прямо — безъ оружія; такъ долгъ и вѣра наша велятъ. Благочестивые отцы нашей

церкви, слѣдуя прямымъ путемъ по совѣту Божественнаго учителя, запретили намъ даже прикасаться къ оружію, говоря: что «тѣ которые меча имутъ отъ меча же и погибнутъ.»

— Какъ! даже не касаться оружія! — вы шутите, развѣ жъ оружіе не символъ, не преимущество дворянства и благородства?

— Въ нашихъ братствахъ нѣтъ ни дворянства, ни другихъ какихъ-либо различій сословія — а только одни христіяне.

— Но гдѣжъ край такой, край миѳологическій, въ которомъ бы звукъ оружія не раздавался день и ночь, гдѣ бы человѣкъ мирный и безоружный не ждалъ быть убитымъ, обиженнымъ, или ограбленнымъ, еслибы не былъ покровительствуемъ рядомъ съ силою законовъ, силою своего оружія?

— Наше братство считаетъ большимъ грѣхомъ полагать силу свою въ оружіи.

— Но для собственной защиты?...

— Даже для собственной защиты. —

Страшковъ онѣмѣлъ отъ удивленія и съ нѣкоторою досадою посмотрѣлъ на Нѣмцевъ, считая ихъ дерзкими комедіянтами, желавшими подшучивать надъ нимъ — русскимъ офицеромъ; но видъ старшаго изъ нихъ вмигъ обезоружилъ весь гнѣвъ его. Длинное, довольно смуглое лице его, свѣтло-голубые глаза, почти водянаго цвѣта, холодный взоръ, полумертвая улыбка, нѣкотораго рода принужденная величавость — все это давало понятіе скорѣе о мрачномъ энтузіастѣ, нежели о забавникѣ. Его

Инв. №

младшій товарищъ былъ почти такого же вида и такое же производилъ впечатлѣніе; только глаза его безпрестанно загорались и нѣжная улыбка являлась на устахъ, когда къ нему говорилъ старшій,... или поглядывалъ онъ на дверцы фургона, занятыя бѣлымъ личикомъ молодой дѣвушки.

— Не дивитесь моему изумленію господа, — въ наше время видѣть людей, которые охотно подставляютъ горло подъ ножъ Татарина, или пику гайдамацкую; признаюсь, я бы считалъ это романомъ въ родѣ повѣстей Радиссона или Вольтера, — еслибъ не видѣлъ васъ собственными глазами.

— Вы меня не понимаете молодой человѣкъ. Мы напротивъ, никогда не ищемъ опасностей, — мы даже не охотимся на звѣрей безъ крайней нужды; — ловить рыбу и птицъ сѣтями, или же въ дорогѣ, въ неурожай убить дичь изъ ружья, вѣра наша позволяетъ. Но опасностей, битвъ и драки мы должны избѣгать и защищаться отъ грубыхъ и дикихъ враговъ не оружіемъ, а кротостью, умомъ и даже хитростью — если такъ смѣемъ выразиться.

— Неужели вы съ такими правилами прошли благополучно отъ границъ Австріи чрезъ Молдавію, Буджакъ и Ногайщину.

— Вотъ г. Кнорре, будущій мой зять, вамъ скажетъ что мы не видѣли даже тѣни опасности.

— Да, — мой отецъ говоритъ всегда правду — вездѣ гдѣ было нужно мы дорого платили за эскортъ или

проводникамъ, но чаще шли одни, — и господь-силъ защитилъ нашъ путь.

Страшковъ невольно призадумался... — ну что, подумалъ онъ, если у насъ на самой русской границѣ, у цѣли ихъ странствованія, нападутъ на нихъ гайдамаки? — Этихъ волковъ ни эскортомъ, ни деньгами не только не проведешь, а еще болѣе замаишь. Надобно дать имъ добрый совѣтъ. — Позвольте мнѣ спросить васъ господа, если это не будетъ нескромность, съ кѣмъ имѣю я честь говорить и куда вы теперь ѣдете?

— Это легко намъ сказать: мы смиренные члены христіанскаго братства *Баптистовъ;* — не знаю слыхали-ль вы о насъ; въ Европѣ насъ зовутъ *Менонистами,* а я *Іоганъ Шуртеръ* изъ Маріенбурга въ Пруссіи, недостойный старшина одной такой благочестивой общины.

— Менониты!... да, да слыхалъ я о вашей сектѣ, — если не ошибаюсь, произшедшей отъ Анабаптистовъ.

— Точно, нашъ благочестивый учитель Симеонъ Мемно, — который вѣроятно покоится теперь на лонѣ превѣчнаго блаженства, — былъ ученикъ анабаптистовъ; но онъ преобразовалъ во многомъ это ученіе, отринувъ его фанатизмъ и политическія заблужденія; теперь кровопролитіями и военною славою не извѣстны наши братья, да насъ и не много. Еще въ Голландіи и Пруссіи имѣемъ значительныя общины, да нѣсколько семействъ въ Сѣверной Америкѣ.

— Куда же вы теперь ѣдете, г. Шуртеръ?

— Въ Пруссіи намъ теперь остаться трудно; мы вездѣ хлѣбопашцы и земли намъ нужно гораздо больше,

нежели эта страна удѣлить намъ можетъ. Къ тому же Пруссія при нынѣшнемъ королѣ Фридрихѣ II находится въ вѣчной войнѣ, не только съ имперіею, но и съ вашимъ государствомъ. Король требуетъ много солдатъ и денегъ; наши братства издержавъ половину своего достоянія на уплату рекрутъ и разнаго названія контрибуцій, были даже, къ стыду своему, принуждены служить съ ружьемъ и галебардами, какъ дикіе пандуры или польскіе поселяне. Когда мы собирались въ дорогу, уже гнѣвъ Божій палъ на короля Фридриха; — мечь вашихъ генераловъ, особенно нѣкоего еще молодаго Румянцова, нагрянулъ на него какъ фаланга Махабеевъ; подъ Гросъ-Эгендорфомъ Прусскіе генералы были побиты на голову и гордыня Фридриха была уничтожена. Нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ какъ-то познакомились съ вашимъ доблестнымъ полководцемъ и онъ-то совѣтовалъ намъ обратиться въ Россію — слывущую своимъ гостепріимствомъ — чтобы искать вѣротерпимости, мира и хлѣба подъ защитою престола вашей великой Монархини.

— О что касается до всего этого — то наша великая Императрица приметъ васъ какъ родныхъ дѣтей. Не знаю какъ только покажутся вамъ наши земли; говорятъ они не даромъ безлюдны и безплодны.

— Ваша земля, если она хотя столь плодородна какъ Ногайщина, — а здѣсь, вотъ я вижу, она и гораздо лучше, — будетъ земля обѣтованная въ сравненіи съ нашею родиною. Отъ Торна до Данцига, по обѣимъ сторонамъ Вислы, мы имѣемъ болѣе песковъ и таможенныхъ сборщиковъ, чѣмъ пажитей; болѣе болотъ

и тоней, нежели такихъ бархатныхъ ковровъ какъ ваши степи. Впрочемъ мы не спѣшимъ. Мы желаемъ проѣхать до Кіева, осмотрѣть пустыя земли на югѣ Россіи, а тамъ по совѣту старшихъ нашего братства, рѣшимся на что-либо.

— Но любезнѣйшій г. Шуртеръ — чтобы дойти до Кіева вамъ надобно еще верстъ до четырехсотъ пройти, и изъ нихъ болѣе двухсотъ нашею пустынею, — которая если не больше, то столь же опасна какъ и Турція. Но въ трехъ дняхъ пути отсюда вы найдете нашу новую крѣпость, гдѣ я имѣю честь служить — ее называютъ *Елисаветъ-Шлосз*; тамъ ручаюсь вамъ за хорошій пріемъ. Оберъ-комендантъ, — благородный русскій саповникъ, съ европейскимъ образованіемъ, — много вамъ поможетъ, но до крѣпости еще далеко и я боюсь, очень боюсь за васъ.

— Предоставьте насъ на волю Божію — мы не боялись Фридриха и не пугаемся ничего, развѣ нашихъ страстей и грѣховъ.

— Если позволите, я вамъ сдѣлаю одно предложеніе... моя служба требуетъ нѣкоторой тайны.., а со мною одинъ храбрый и вѣрный солдатъ, правда, но не много простъ и имѣетъ такую наружность, что на одномъ почлегѣ простой поселянинъ сей часъ узналъ его. Но повторяю, онъ храбръ, честенъ и усерденъ; я дамъ вамъ его въ провожатые, да напишу вамъ письмо къ другимъ лицамъ, которые вамъ много помогутъ.

— Не слыхали-ль вы г. офицеръ о Нѣмцахъ, хотя бы и не нашего исповѣданія, которые бы уже поселились въ здѣшнихъ мѣстахъ?

— Не слыхалъ до сихъ поръ... Но въ крѣпости не считая двухъ или трехъ Нѣмецкихъ офицеровъ, живетъ одно весьма почтенное семейство — котораго глава г. Фонъ-Кремеръ не только вашъ землякъ, но кажется близкій вамъ по вѣрѣ. —

Оба Нѣмца воскликнули отъ удивленія: — Г. Фонъ-Кремеръ! благочестивый и почтенный Фонъ-Кремеръ въ здѣшнихъ мѣстахъ?

— Развѣ вы его знаете?

— Какъ не знать намъ этого достойнаго мужа — краеы Моравскаго братства во всей Лузаціи? Онъ принадлежитъ къ старшиной анабаптистской фамиліи въ Богеміи. Знайте, что онъ сынъ старшины Гернгутерскаго синода, и даже близкій родственникъ извѣстнаго всему свѣту графа Цинцендорфа. —

Страшковъ признался въ душѣ, что онъ никогда не слыхалъ ни о Гернгутерскомъ синодѣ, ни объ этомъ *всѣмъ извѣстномъ* графѣ. Меноннистъ продолжалъ: —

— Хотя мы не одной съ нимъ школы, — но его жизнь была доселѣ настоящее «храненіе и созерцаніе имени Господня»[1]). Еслибы не заблужденія его юности, повлекшія его въ неравный бракъ, подобно грѣшному Самсону — витязю Господнему, — онъ былъ бы преемникомъ графа, котораго лампада жизни уже догараетъ. —

---

[1]) *Гернгутеръ* (Herrnhüter) «охранитель Господа» «имени Господня», — такъ называетъ себя братство Моравское; у насъ оно имѣетъ колоніи въ Саратовской губерніи, основанныя въ 1760 годахъ. Главнѣйшая изъ нихъ въ Сарептѣ.

Страшковъ покраснѣлъ до ушей... — Какъ не равный бракъ? — г-жа Кремеръ, которую я имѣю честь знать, весьма почтенная и добрая супруга.

— Мы не обижаемъ ее ни мало — молодой человѣкъ — мы говоримъ только въ духовномъ-смыслѣ, г-жа Кремеръ простая Славянка.

— Но и я вѣдь Славянинъ — г. Шуртеръ!...

— То мы и не будемъ говорить больше объ этомъ предметѣ... Я очень радъ что увижу стараго знакомаго.

— Увы! господа, едва ли вы найдете его въ живыхъ!

— Какъ развѣ онъ умираетъ?

— Быть можетъ уже и умеръ — если Богъ, старанія и молитвы жены не спасутъ его! —

Тутъ Страшковъ вкратцѣ разсказалъ имъ нападеніе гайдамакъ на домъ инженера и намекнулъ двумя словами о страсти его къ деньгамъ и кладамъ. Но о дочери не сказалъ онъ ни слова.

— Теперь я вамъ совѣтую отдохнуть еще немного и спѣшить въ путь; я сію минуту изготовлю вамъ кредитивное письмо къ оберъ-коменданту и поручу васъ моему сержанту. — Бабкинъ! накорми лошадь и будь готовъ къ отъѣзду въ Елисаветъ. — Бабкинъ хотя крайне удивленный, забывъ про свое *incognito*, немедля повернулся на лѣво кругомъ со всевозможною точностію, какъ бы на ученьи.

— Вотъ видите что этотъ человѣкъ однимъ движеньемъ измѣнилъ бы моей тайнѣ; — особенно среди злыхъ и хитрыхъ людей къ которымъ я отправляюсь. —

Нѣмцы поговорили что-то между собою, и Страш-

ковъ вынувъ листокъ взятой нарочно на рапорты бумаги и перо, написалъ краткое письмо Глѣбову, изложилъ причину возвращенія капрала, присовокупляя, что Чеснока еще нигдѣ не видно и что онъ желаетъ его искать на Русской сторонѣ рубежа, прежде чѣмъ перейти за границу. Но Бабкину онъ вручилъ другое гораздо длиннѣе посланіе — назначенное къ самому драгоцѣнному для него лицу — къ Селестинѣ! Онъ говорилъ ей: что эти три дня были для него тремя столѣтіями муки и тоски; что онъ все думалъ о ней и о ней одной, забывая гдѣ онъ и куда ѣдетъ. Онъ просилъ ее иногда молится за него, не забывать его, вспоминать хотя разъ въ день о немъ, а онъ не будетъ ни жить, ни дѣйствовать иначе какъ съ мыслью о своей милой, доброй, прекрасной, незабвенной Селестинѣ... Однимъ словомъ написалъ все то что мы, а вѣроятно и вы любезнѣйшіе читатели, писали уже не разъ и будете писать до скончанія міра, въ подобныхъ случаяхъ и эпохахъ жизни.

Когда письма были готовы, Нѣмецъ отворивъ дверцы отъ фургона, высадилъ оттуда прекрасную меноністку, одѣтую въ темную юпку и темной шпенцеръ весьма красиво обнимающій ея станъ, гибкій какъ у лани; на головѣ у нея былъ бѣлый кисейный платочекъ, едва скрывавшій великолѣпные бѣлокурые волосы, поднятые вверхъ. Она проворно поставила кофейникъ у огня, и добывъ сахару и варенъевъ, предложила все это Страшкову съ простотою, скромностью и любезностью — какой онъ не видалъ и въ салонахъ крѣпости — увы! столь же тогда рѣдкихъ какъ и теперь.

— Клархенъ! предложи кофе и слугамъ.

— О они не понимаютъ этого напитка; но если позволите, то они охотно выпьютъ по рюмкѣ вашей водки. —

Молодой менонистъ налилъ чарочку и подалъ сперва Бабкину, а послѣ Степану, ихъ проводнику. Они выпили и обтерши рукавомъ уста, низко поклонились и хотѣли уходить, когда Страшковъ сказалъ поселянину:

— Ты проживалъ въ степяхъ бурлакомъ и охотникомъ, — вѣрно хорошо знаешь играть на друмлѣ, пѣть пѣсни и танцовать: — позабавь барышню. — Проводникъ немедля вынулъ стальной инструментъ, положилъ его у рта, присвиснулъ и началъ веселую пѣсеньку:

«Колыбъ знала, колыбъ знала
Звидкиль милого выглядать...»

Но менонистка закинувъ покрывало немедленно ушла въ повозку, а старикъ съ пахмуреннымъ челомъ остановивъ пѣвца, сказалъ удивленному поручику:

— Ваше намѣреніе М. Г. было доброе, мы увѣрены; — вы не хотѣли насъ обидѣть ни зрѣлищемъ, ни звуками этихъ мірскихъ забавъ и плясокъ. — Но для насъ это сущее оскорбленіе. Нашъ домъ будетъ домомъ Ирода, — въ которомъ плясала дочь его, чтобы отуманить умъ гордаго и развратнаго царя Іудейскаго, — если бы мы дозволили флейтѣ, гуслямъ и свирѣлямъ, съ плясками и пѣснями осквернять наше жилище, освященное Божіимъ покровомъ. Но право, мы увѣрены въ чистотѣ вашего намѣренія... —

Страшковъ слушалъ эту рѣчь съ неизъяснимымъ

удивленіемъ. Подобно всѣмъ своимъ братьямъ военнымъ, онъ никогда не слыхалъ о религіозномъ ригоризмѣ пуританъ и меноннстовъ, и не могъ себѣ вообразить даже, чтобы музыка была изгнана изъ ихъ обычной жизни.

— Неужели вы глушаетесь и музыкою?

— Музыка назначена только для хвалы Божіей и еслибы намъ время позволило, мы бы съ дочерью спѣли одинъ изъ тѣхъ гимновъ, которымъ вѣнчанный и вдохновенный пророкъ и царь, научилъ родъ человѣческій, для его услажденія и спасенія.

— Теперь-то я понимаю почему такъ ненавидѣлъ наши балы полковникъ Кремеръ; — а я еще такъ на нихъ старался выплясывать! — подумалъ Страшковъ, и спѣшилъ извиниться и проститься съ Нѣмцами. Лошади были запряжены, оба менониста сѣли на козлахъ, Бабкинъ верхомъ поѣхалъ впередъ. Поручикъ съ своимъ вожатымъ остался у мечети, чтобы посовѣтоваться о дальнѣйшемъ направленіи своей дороги.

IIII.

Пока нѣмецкій фургонъ подымался на гору, взоръ Страшкова постоянно слѣдилъ за нимъ, прикованный мыслью къ письму, которое онъ послалъ своей Селестинѣ; даже Бабкинъ взявшій это нѣжное посланіе казался для него чѣмъ-то священнымъ... Невольная тоска сжимала его сердце какимъ-то горькимъ предчувствіемъ. Предчувствіемъ чего?... Онъ и самъ разгадать не могъ, хотя пускаясь въ эту экспедицію онъ не ждалъ ничего другаго, кромѣ терноваго ложа опасностей и даже смерти. Но смерть на полѣ битвы, подъ сѣнію двуглаваго орла, среди грома пушекъ, оклика братьевъ-солдатъ, звука трубъ и грохота барабановъ, была красавицею, была царицею,— въ сравненіи съ безвѣстною гибелью въ степи отъ рукъ Татарина или гайдамаки. А голодъ? а чума? а дикіе звѣри, рыскавшіе тогда свободно по уединеннымъ оврагамъ или скрывавшіеся въ терпахъ, которые залегали тогда всѣ почти близкія къ водѣ мѣстности? Но все ничего,

лишь бы милая подумала объ немъ, узнала о его храбрости и твердости, да заплакала хотя украдкой! А плѣнъ!.. при этой мысли о *плѣнѣ* у невѣрныхъ, о *ясырѣ* татарскомъ, — о которомъ столько плачевныхъ сказаній удалось ему слышать, — невольная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Плѣнъ! неужели провидѣніе накажетъ меня этимъ срамомъ и такою каторгою? Нѣтъ, плѣна быть не можетъ — да и за что? Лучше убить самого себя нежели выдать себя въ руки этихъ варваровъ. Да, рѣшено, — убью себя и Богъ проститъ мнѣ это необходимое самоубійство... а Селестина? — Ну, Селестина хотя и заплачетъ, то по крайней мѣрѣ убѣдится что я точно русскій дворянинъ. Эта рѣшимость его успокоила — и онъ обтеръ холодный потъ покрывшій было его благородное чело, при мыслѣ о татарскомъ плѣнѣ. Тогда уже обратился онъ къ встрѣченнымъ людямъ, чтобы посмотрѣть съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Оставшись одинъ безъ Бабкина, онъ въ первый разъ началъ внимательно разсматривать и своего проводника. Все что онъ зналъ о немъ было то, что онъ бездомный мальчикъ, сынъ изверга, что его зовутъ *Степанкомъ* и что года три или четыре назадъ, Селестина съ нимъ вмѣстѣ спасла его отъ кнута и каторги. Всѣ трое лежали на брюхѣ около огня и варили кашу въ мѣдномъ котлѣ, какъ видно турецкой работы, очень похожемъ на польскія собольи шапки вогнутыя по серединѣ. Степанко былъ парень красивый, статный, черноволосый, съ весьма щегольскими черными усами вздернутыми вверхъ и бѣлыми какъ у волка зубами. Лице сильно загорѣвшее не было лишено благородства; лобъ

широкій — большая рѣдкость у Малороссіянъ — и совершенно обритая голова придавали странное выраженіе глазамъ, весьма блѣдно-сѣраго цвѣта и отъ того почти бездушнымъ. Но морщины на серединѣ чела и около глазъ доказывали что этотъ двадцати пяти или двадцати осьми лѣтній Украинецъ много уже передумалъ, или даже много дѣйствовалъ на своемъ вѣку. Одежда его была бѣдная: простая бурая свита съ синими снурками, съ «торбою»[1]) на плечахъ, полотняные панталоны и рубашка вышитая красными нитками на груди; на шеѣ крестикъ и желтый гаманецъ; лапти вмѣсто сапоговъ, Широкій ножъ привязанъ къ поясу подъ свитою и рушница охотничья въ рукахъ. Сверху свиты носилъ онъ вѣроятно другой поясъ, кожанный съ бляшками, у котораго висѣлъ пороховой запасъ, ножикъ и швайка; но теперь все это лежало подлѣ ружья на землѣ. Хотя ноги у него были широкія и парень росту большаго, — шаговъ его было почти не слышно на травѣ, слѣдовъ почти не видно на пескѣ, а стремени никогда не употреблялъ для лошади. По всему человѣкъ «бывалый» и привыкшій къ степямъ, борьбѣ съ людьми и природою.

Два другіе казалось были простые бурлаки, совершенно оборванные, тоже въ свитахъ и лаптяхъ, одинъ даже безъ шапки. Но густые и грубые волосы покрывавшіе его большую голову хорошо защищали ее отъ холоду и солнечнаго зноя. Одинъ былъ старикъ, почти

---

[1]) *Торба*, капишонъ.

сѣдой, другой не много помоложе и этотъ-то не имѣлъ шапки. Старикъ хотя сложенія крѣпкаго, былъ очень худой и цвѣтомъ лица, похожъ на нечищенные сапоги поросшіе мхомъ. Свита была бѣлая, вся въ заплаткахъ, но подпоясана чѣмъ-то шелковымъ — ни дать ни взять гусарскимъ поясомъ Хорватова полка, правда почти со всѣмъ изорванымъ; — даже какъ разсмотрѣли послѣ, форменная пряжка мѣдная съ цыфрою Е., т. е. Императрицы Елисаветы, была еще цѣлая и блестящая. Когда каша была изготовлена, бурлаки пригласили и поручика, притворясь, или въ самомъ дѣлѣ считая его тоже «прохожимъ человѣкомъ», идущимъ для торговли на Запорожье — единственной цѣли тогда походовъ русскихъ поселянъ на югъ, — или же простымъ бурлакомъ. Степанко чтобы указать своему господину роль имъ и ему избранную, началъ разговоръ:

— А что братъ Гаврило — правда, что своя каша лучше, какъ панске сало?

— Да, кажись лучше.

— Вотъ то-то, — служи, служи, да еще и слушай какъ прикажутъ: Скачи враже,

Якъ панъ каже!

— А что сынку, — не отъ господина ли твой братъ *отошелъ?*

— Таки отъ господина и еще добраго.

— То-то онъ такій соби билепькій, — замѣтилъ старикъ.

Всѣ засмѣялись... а старикъ ободренный ихъ смѣхомъ продолжалъ: — а панъ вашъ вѣрно былъ военный?

— Почему?

— Такъ соби, военный, да и военный.

— Да почемужъ военный?

— Отъ видишь, твой братъ Гаврило все лѣвую руку держитъ такъ при боку, какъ бы тамъ шаблюка, а не батогъ былъ. —

Оба мужика засмѣялись — а поручикъ невольно покраснѣлъ. — Послушай дядюшка, ты видно человѣкъ бывалый — скажи мнѣ откуда ты идешь?

— Я, — а кто его знаетъ, еще вчера былъ въ Соколахъ.

— То-есть я хотѣлъ знать: ты не бывалъ ли въ той сторонѣ — вотъ на Гетманьщинѣ?

— А что? можетъ быть и бывалъ. —

Степанко какъ бы нечаянно толкнулъ поручика.

— Не слыхалъ ли ты что-нибудь про кампанейцевъ?

— Про кампанейцевъ? — а кто ихъ знаетъ.

— А кто такіе кампанейцы паноче? — спросилъ молодой бурлакъ.

— Кампанейцы? — ну просто кампанейцы, охочекомонные козаки — отвѣчалъ Степанко.

— Съ роду не видалъ я такихъ козаковъ — сказалъ старикъ махая рукою.

— Неужели? — а поясъ кампанейскій носишь...

— Какой поясъ?

— А вотъ что у тебя... ну полно дядьку, мы люди свои; — скажи лучше не слышно ли тутъ чего за кампанейцевъ, — мы ищемъ полковника ихъ съ командою. —

Оба бурлаки начали слушать съ явнымъ вниманіемъ.

— Сюда идетъ съ Гетманщины второй полкъ; — а въ немъ до шестисотъ зеленыхъ жупановъ, да такихъ поясовъ какъ у тебѣ.

— Ну ей Богу ничего не слыхалъ, а вотъ больше недѣли ходимъ по степу.

— Да гдѣ будемъ мы почевать, любезный Степанъ?— спросилъ поручикъ.

— Если хотите, отвѣчалъ Степанъ, то лучше нельзя какъ здѣсь; — подъ ночь прикочуютъ сюда какіе-нибудь чабаны; купимъ молока или даже ягнепка — а тамъ посмотримъ не надбѣгутъ ли и кампанейцы.

— Да почемужъ вы знаете что будутъ кампанейцы?— спросилъ опять старый бурлакъ.

— Такъ я слыхалъ въ Елисаветѣ, — отвѣчалъ Степанко.

— То вы съ Елисавета дядьку? — то-то такій бѣленькій твой братъ. —

Страшковъ смутился опять, и рѣшился молчать, чтобы еще болѣе не измѣнить своей тайнѣ. Но хитрый старикъ подошелъ къ колодезю и казалось началъ добывать воду; — но замѣтивъ что поручикъ прилегъ на сѣдлѣ, такъ ловко и искусно началъ подражать трубному призыву «на коней» — тогда употреблявшемуся въ кавалеріи, — что Страшковъ вскочилъ и схватился за ружье вмѣсто сабли. Молодой бурлакъ слегка улыбнулся и поглядѣлъ на своего товарища. Страшковъ и Степанъ смотрѣли во всѣ стороны — прислушивались, но напрасно.

— Вѣрно гдѣ-нибудь подвигается кавалерія. Это кампанейцы... совершенно какъ бы сборъ играли.

— *Сборъ!* — а видно у тебя братику уши добрые, что такъ скоро выучился на папскомъ дворѣ гусарскому сбору. —

Страшковъ серьезно разсердился. — Послушай, ты оборванецъ — не твое дѣло спрашивать; когда я съ тобою по дружески говорю, отвѣчай, или молчи, а шутить не смѣй.

— Ой! ой! — какой же ты горячій на бурлака.

— Молчи говорю тебѣ — или...

Въ эту минуту послышался лай собакъ. Степанъ обрадованный что споръ прервется, прилегъ къ землѣ, послушалъ и сказалъ: — а вотъ и отара бѣжитъ къ водѣ, скоро и чабаны прійдутъ. Напоимъ-ка и мы Гаврило своихъ коней, а то за овцами, отъ пыли свѣту Божого не увидимъ. —

Лай собакъ усилился и скоро двѣ худыя, искусанныя и ужасно злыя собаки вскачь побѣжали къ колодезю, но увидя людей, остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи и начали съ яростью лаять. Вскорѣ еще три другія присоединились къ нимъ и подняли такой визгъ и лай, что вынесть трудно было. Вотъ послышался колокольчикъ... и старый козелъ съ звонкомъ на шеѣ, показался вдали и рысью помчался къ балочкѣ, за нимъ два или три барана съ большими опущенными рогами, далѣе бѣжали по одиначкѣ овцы — рысью тоже или подпрыгивая; наконецъ два чабана верхомъ и два пѣшихъ. Нѣсколько другихъ

собакъ равно искусанныхъ и почти плѣшивыхъ замыкали шествіе. Пыль поднятая ими была столь густа, что во кругъ колодца казалось былъ цѣлой котелъ съ кипяткомъ, а не долина, мѣлкою травкою покрытая, тянулась. Водопой продолжался болѣе часу, сопровождаемый блеяніемъ овецъ и лаемъ собакъ, такъ хорошо пріученныхъ, что они сдѣлавъ вокругъ стада какъ-бы цѣпь, грозно рыскали на всѣ стороны, какъ-бы защищая ввѣренный имъ скотъ. Когда овцы напились, собаки тоже бросились къ водоему вскарабкались на корыто и жадно хлѣбали. Тогда уже вмѣстѣ съ конными чабанами пустились назадъ. Страшковъ любовался этимъ простымъ, но для него еще новымъ зрѣлищемъ, удивляясь смѣтливости собакъ и привычкѣ людей къ столь трудному и тогда весьма опасному ремеслу. Не прошло и двухъ часовъ какъ уже всѣ овцы расположились по лощинѣ, а собаки скрылись въ травѣ. Конные чабаны воротились, — разсѣдлали лошадей, пустили ихъ свободно и подойдя къ пѣшимъ, начали разводить огонь.

— А гдѣ паша *котыга*?

— Заразъ будетъ — коней трохи напоимъ. — А и намъ ѣсть уже хочется.

— Да вотъ кажется и она! — ба, ба! и старый Микола съ нею — ну добре, весело будетъ ночевать.

Страшковъ взглянулъ въ ту сторону и увидѣлъ тихо подвигающуюся широкую повозку съ большою крышкою, нѣчто въ родѣ татарской кибитки, на четырехъ колесахъ; на верху и по двумъ сторонамъ развѣвались на шестахъ

вмѣсто флаговъ пучки тырсы [1]); она закрыта была войлокомъ и бараньими шкурами шерстью внизъ, вѣроятно и для защиты отъ холода и для высушки. Одинъ молодой чабанъ погонялъ лошадь, а какой-то высокій старикъ въ самомъ странномъ нарядѣ шелъ подлѣ повозки. Когда котыга подъѣхала къ очагу, наскоро сдѣланному въ землѣ близь колодезя, изъ повозки достали желѣзный котелъ, чисто вымыли его у колодца, осмалили и сваривъ сперва пищу для собакъ, наклали ее въ деревянные *ваганы* и послали съ молодымъ чабаномъ въ степь; тогда уже принялись за свой ужинъ. Вбили въ землю треножникъ, повѣсили на крюкъ мѣдный котелъ и начали варить *пастрему*, т. е. нѣчто въ родѣ кулеша или похлѣбки, съ сыромъ и сушеною рыбою. Кромѣ того добыли засушеной баранины и вяленыхъ судаковъ и грызли ихъ въ видѣ закуски. Когда похлѣбка была готова, по знаку атамана Миколы, чабаны перекрестились, вынули изъ-за поясовъ ложки и начали ѣсть. Степанъ подошелъ къ нимъ.

— Хлѣбъ да соль, братики!

— Ѣдимъ да свой — а ты у порога постой.

— Да неправдажъ ваша — отвѣчалъ парень — есть и у меня своя ложка — и вынувъ тоже изъ швайки длинную деревянную ложку, присѣлъ на землю и столь усердно началъ хлѣбать пастрему, какъ-бы бурлацкой кашп, съѣденной въ полдень и не бывало.

---

[1]) *Тырса*, татарское слово, родъ ковыля, stipa pennata.

— А какой ты чабанъ братику? — спросилъ сѣдой Микола — печеный, вареный или соленый?

— Былъ бы вяленый и смальцованый — когдабъ не вотъ этотъ парень добрый.

— Ни?

— Отъ московской *кобылки* (эшафота), избавилъ онъ меня, — вотъ что!

— Бравый хлопецъ; — пусть самъ чортъ эту кобылку сѣдлаетъ не мы... — Ну сидайтежъ и вы папове, да вечеряйте.

— Нѣтъ ли у васъ молока?

— Какъ не имѣть, — эй Грицьку, подой овцу помоложе, да принеси сюда молоко.

— А я вамъ дамъ по чаркѣ водочки.

— Ай да спасибо, — ну братику — сказалъ старикъ поглядывая пристально на лице Гавріила Петровича, — на вику тебѣ написано быть паномъ а не бурлакомъ! Отъ какъ солнце тамъ свититъ за горами, — да будетъ и завтра свѣтить, — будешь ты паномъ; вотъ мое слово. —

Страшковъ невольно вздохнулъ. — Дай господи!

— Да съ вами кажись были здѣсь еще два бурлака, пусть и они сядутъ съ нами, мы еще каши сваримъ, хотя и этой довольно. —

Осмотрѣлись, — пыль давно прошла, все затихло, — но ни оборваннаго старика, ни его товарища безъ шапки не оказалось. Степанъ сильно почесалъ свою голову... —

— Ой вѣрно гдѣ-нибудь харцизники есть... недобрая для насъ встрѣча... Не даромъ бестія такъ къ вамъ при-

ставалъ; это вѣрно онъ, около крыницы, такъ насъ одурилъ трубою гусарскою.

— Харцызники все равно что волки, безъ нихъ нельзя. Но и на волковъ и на нихъ у насъ добрыя собаки и тяжелыя дубинки; — сказалъ другой пастухъ. А все таки посчитать овцы, ужъ не спровадилось ли что нибудь. — Пошли, посчитали, двухъ не оказалось. Или волки по дорогѣ захватили, или точно бурлаки отогнали. Старикъ махнулъ рукою и всѣ опять усѣлись около каши.

— Да что твой товарищъ такой понурый? — спросилъ Микола.

— Сердечная дòля, дидуню, да «секреты»...

— А! а! — то-то; — ну братику, выбачай колы такая доля, да не смуткуй; плюнь на свою долю... сгинь она пропади! Доля! доля! — все будетъ, перемѣлется и мука будетъ! —

Страшковъ опять вздохнулъ.

— Отъ слыхалъ ли ты сказку про *Івасечка!*

— Нѣтъ не слыхалъ.

— А вы?

— Мы чували, да скажи еще разъ — мы тебя послушаемъ; — братику, дайте ему еще трошки свяченой воды вашей.

— Той самой, которою чортивъ не выгоняютъ, а просятъ до хаты, присказывая : милости просимъ!

— То-есть водки! — ну изволь. —

Старый чабанъ, совершенно беззубый, съ огромными сѣдыми бровями нависшими надъ впалыми, черными и блестящими какъ уголь глазами и огромною сѣдою же

бородою, одѣтый въ куртку и шаравары изъ бараньихъ шкуръ шерстью внизъ, — принадлежалъ къ этому странному разряду людей, теперь почти совершенно переродившихся, которые именовались : *скотарями, табунщиками* и *чабанами.* Ихъ мѣсто заступили иностранцы, Нѣмцы — подобно хранимымъ ими животнымъ — овцамъ испанскимъ, тоже иностраннымъ гостямъ, на нашихъ степяхъ. Мы крайне извиняемся у нашихъ читателей, но должны сказать два слова объ этомъ замѣчательномъ сословіи людей, иногда столь же оригинальныхъ какъ и выведенныя Куперомъ въ его Америкапскихъ романахъ, лица, названныя имъ : *Кожаною ногою* (Pas de cuir), *Соколинымъ глазомъ* (l'oeil du faucon) и др. [1]).

Въ тѣ времена когда по всему теченію нижняго Днѣпра, отъ Польской границы до Донской земли, отъ Азовскаго моря до устьевъ въ Днѣпръ р. Орели, на безмѣрныхъ пустыняхъ, которыя называемъ *степями,* было еще такъ мало человѣческихъ жилищъ — не только что селеній, — скотоводство было не только главнымъ богатствомъ бывшихъ тамъ обитателей, но даже единымъ средствомъ къ пропитанію. Это скотоводство требовало людей и довольно привычныхъ къ степному быту, чтобы бороться съ палящимъ зноемъ лѣтомъ, съ вьюгами и мятелицами зимою; съ внезапными дождями и оттепелями, съ голодомъ и жаждою, безъ другаго крова и пристанища, кромѣ утлого шалашка или кибитки называемой *котыгою* (отъ

---

[1]) Въ романахъ : *Les Pionniers ; — La Prairie* и др.

слова «котить»); довольно храбрыхъ, чтобы бороться съ страшными врагами имъ принадлежащихъ или имъ ввѣренныхъ стадъ : волками и людьми хуже волковъ — Татарами и гайдамаками. Татаре, цѣлымъ вѣнкомъ окружавшіе Украинскій, Запорожскій и Донской рубежи, были тоже скотоводы, разводили огромныя стада и табуны, которымъ иногда и счету не знали, — но тѣмъ не менѣе были страшные воры лошадей и овецъ, и изъ обычной жадности и изъ молодчества. Мы видѣли не въ одномъ запорожскомъ документѣ, что не разъ на пограничныхъ коммиссіяхъ, которыя бывали ежегодно, цѣлыя тысячи лошадей и рогатаго скота выдавались обоюдно, для успокоенія кровавыхъ претензій[1]). Еще страшнѣйшими врагами для чабановъ были гайдамаки, бродяги и бурлаки, питавшіеся по собственному ихъ признанію : однимъ «отгономъ» скота у чабановъ. Ясно, что чабаны, скотари и табунщики должны были избираться изъ людей равно крѣпкихъ здоровьемъ, какъ и славныхъ своею отвагою, наконецъ искренно преданныхъ своему ремеслу — требовавшему совершеннаго отчужденія отъ міра, вѣчнаго пребыванія въ степи, равно зимою какъ лѣтомъ, ибо скотъ иногда весь годъ скитался на поляхъ. Отъ того не разъ бывали примѣры, что цѣлые десятки чабановъ, или десятки тысячь скота, загребались въ снѣжныхъ мятеляхъ отъ внезапной зимы и холода. Лучшими чабанами бывали Молдаване, лучшими табун-

---

[1]) Такъ въ 1751 году выдано было 5000 лошадей Татарамъ; а въ 1758, до 3000 штукъ скота отъ Татаръ козакамъ.

щиками Цыгане и Татаре, лучшими скотарями Запорожцы. Отъ того случайная смѣсь этихъ трехъ націй породила новую, настоящую чабанскую, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ высоко цѣнившуюся, которая въ малой части сохранилась до нынѣ, но измѣненная во многомъ къ лучшему, особенно же въ моральномъ отношеніи. Молва народная взирая на ихъ жизнь, совершенно дикую, отчужденіе отъ общества и семейства, облекла ихъ въ нѣкоторую таинственность, находила у нихъ даръ къ предсказанію будущности, къ волшебству, придавала имъ оригинальность достойную сказокъ и поэзіи. Говорили, да говорятъ еще иногда и теперь, что чабаны неизвѣстно какой вѣры (принцыпъ цыганскій), не любятъ христіанъ (вѣроятно Татаре), а даже если попадутъ на церковь, то предпочитаютъ ей кабакъ (Молдаване). И точно въ степи гдѣ на всемъ пространствѣ Херсонской и Екатеринославской губерній, въ половинѣ XVIII столѣтія не было двадцати церквей, и то большею частію скрытыхъ въ завѣтныхъ и неприступныхъ селеніяхъ Запорожья, — могло случиться, что цѣлыя поколѣнія, слава Богу не многочисленныя, не знали ни какой вѣры, не принадлежали ни къ какой церкви. Высшаго духовенства на мѣстѣ не было; ближайшіе пастыри наши были въ Кіевѣ и Полтавѣ. Католическіе или протестантскіе миссіонеры сюда не проникали, а бѣдные, хотя и усердные православные священники рады были, что удерживали въ вѣрѣ и благочестіи нестройныя толпы козачества, вѣчно буйнаго и непокорнаго никакой, даже и духовной власти. Теперь благодаря Богу и нашему духовенству эта дикость въ

нравахъ чабановъ вовсе не существуетъ; самая каста ихъ переводится, а за нею исчезаетъ вся поэзія, — вмѣстѣ съ баснями разсѣянными нѣкогда народнымъ суевѣріемъ.

Къ такому разряду людей принадлежалъ старый атаманъ чабанскій Микола, чабанъ par excellence, — и онъ-то началъ слѣдующій разсказъ.

IV.

РАЗСКАЗЪ ЧАБАНА.

«Колысь то було» — а колы? — того не знаю, и я не бачивъ и батьки наши и диды того не чували...— Тамъ на Солоной, въ «Журавлевой-балкѣ» [1]) была хорошая бѣлая хата, а въ ней человѣкъ и баба. Добрые были люди, господарные и зажиточные, да не имѣли дѣтей. Молилась баба день и ночь, — и до попа и до знахорки ходила, и до Кіева и на отпусты бѣгала, — нѣтъ, да нѣтъ дѣтей. Старикъ тосковалъ тоже, но наконецъ сказалъ : — така воля божа, Оксано, — нѣтъ, то и должно не быть! — А Оксана говоритъ : «нѣтъ Грицю если Богъ не помилуетъ меня и не дастъ дитятка, то я умру съ жàлю...» и плачетъ бывало и плачетъ сердечная!

---

[1]) Въ Екатеринославской губерніи и уѣздѣ.

«Разъ подъ вечерокъ, печально сидитъ Грицько да и стружетъ себѣ досточки на скрыню — онъ былъ немного плотникъ; — а жена ему говоритъ: «сдѣлай мнѣ люлечку, человѣче!» — На что тебѣ люлька? — спросилъ мужъ. «Буду себѣ сынка выкликать и колыхать.» — Эй бабо, чтобъ тебе печистая сила не попутала!... «Ни Грицю, сдѣлай, буду себѣ сынка гадать!» — Бѣдная баба такъ плакала, что мужъ не вытерпѣлъ, взялъ свои доски, порѣзалъ, полагодилъ, сбилъ, заклепалъ и вышла гарная колысочка. Всю почь проработалъ и уже давно день былъ на небѣ, какъ она поспѣла... Баба затопила въ печи, сварила кулешу́, *насыпала* въ люльку — да ну колыхать и напѣвать:

Люлю, люлю, люлюсечку!
Кипи, кипи кулешечку!
Кипи, кипи кулешечку!
Зроби мини Ивасечку —
И съ ручками и ножками,
И съ гарными тай бровками!

«Старикъ подумалъ что баба одурѣла и оставилъ ее въ покоѣ, а она плачетъ та колышетъ люльку, да поетъ свое:

Люлю, люлю!

«Глядь... что-то пикнуло: куа! куа! — баба къ люлькѣ, гарная дѣтина оттуда и протянула ей ручки, — *Ивасечько*, точно съ воску топленаго на воду вылитый, изъ колыски вылезъ, поцѣловалъ руку у матери, а тамъ у батька, и давай играть на полу.

«Старикъ обрадовался, помолился Богу, поблагодарилъ за его милости, та и полюбилъ своего сыночка. На другой день нужно было ему идти въ поле, на косовицу. Пошелъ старикъ чуть свѣтъ, а мать сварила ему обѣдъ, налила въ *близнюки* [1]) и хотѣла нести сама на ниву. — «Мамо! мамо! — сказалъ Ивась — дай мнѣ, я понесу батюшкѣ обѣдать, а ты отдохни себѣ не много.» — Заплакала матка отъ радости, что Ивасечко такъ скоро выросъ и такой былъ доброй сынъ. Уговаривала его не идти, что горшки разобьетъ; — ничего не боюсь — говорилъ Ивасько, да проспалъ только: — мамо понесу! — Дала мать ему близнюки, и хлѣбъ, и воду и онъ запесъ отцу все, благополучно. Обрадовался и отецъ, поласкалъ, погладилъ его по головкѣ и сказалъ, что онъ былъ умница.

«Вечеркомъ, какъ старый лежалъ около печи на лавкѣ, спросилъ онъ у хлопца: — а что тебѣ сдѣлать за то что ты такой умница Ивасю мій! — Сдѣлайте мнѣ лодочку и *фасточку* [2]), буду для васъ рыбу ловить на «Сулицкомъ-лиманѣ». — Ахъ сынку мій! гдѣ-жъ тебѣ весломъ играть, на лодкѣ плавать, рыбку ловить? — Сдѣлайте только и увидите батюшка; такой рыбы наловлю, что спаспбо скажете. — Нечего было дѣлать; Грицько любилъ сына и сдѣлалъ ему лодочку, весельцо, большую тычку выстругалъ и привязалъ къ ней фасточку. Всякое утро Ивасечко возьметъ бывало свою удочку и фасточку

---

[1]) *Близнюки*, два горшка склеенные вмѣстѣ, съ ручкою по срединѣ.

[2]) *Фасточка*, круглая сѣточка на шестѣ.

и торбинку — садится на лодочку, плаваетъ по лиману до самаго днѣпра, до «*Великихъ-водъ*», до «*Гирлъ*»[1]) и ловитъ рыбу. И всякій день въ полдень прійдетъ мать къ лиману и такъ зоветъ своего милаго Ивася обѣдать :

«Плыви човникъ до бережка,
Вези мини Ивасечка;
Я принесла ему и мисочку и ложечку
И источки и питочки;
Сороченьку билесиньку
И шапочку гарнесиньку...»

— Плыви, плыви лодочко! — весело откликается Ивась, — бо то моя маты; — и приплываетъ, цѣлуетъ руку матери, обѣдаетъ, переодѣвается и опять на лиманъ; такъ что до хаты и на ночь не идетъ, хотя мать и усильно проситъ. Вѣрно ему «Дунайцемъ» хотѣлось быть.

«Такъ прошло недѣли двѣ; да вотъ бѣда... одна *Злыня*[2]), что жила на «Дубовомъ» островѣ узнала что есть люди счастливые на свѣтѣ, и что Ивасечко такой еще маленкой, а такъ уже уменъ, — залаяла какъ собака, замяукала какъ кошка, да и заклялась : «зловлю я его, наѣмся мяса человѣческаго!» и пошла къ лиману предъ самымъ полднемъ. Забывъ что у нее не было ни одного зуба, а языкъ отъ водки едва ворочался въ губахъ, давай пѣть своимъ хрыплымъ, какъ не мазаное колесо, голосомъ :

---

[1]) *Сулицкой-лиманъ*, заливъ Днѣпра близъ Никополя, Екатеринославской губерніи и уѣзда. «Великія-воды», «Гирлы» урочища Херс. губ. *Торбинка*, мѣшочекъ.

[2]) *Змія, змій*, или волшебница, или чудовище (драконъ).

«Плыви човныкъ до бережка,
Вези мини...» —

Да и закашлялась...

Принесу тоби и мисочку и ложечку
И источки и...»

Опять закашлялась такъ, что даже жабы повылезали изъ болота, разставили широко лапки отъ удивленія и выпаращили свои глаза на старую *Змѣю*.

«Ивасечко засмѣялся. — «Гей! гей! старая вѣдьма, не обманешь ты меня; — вишь какой хриплый голосъ — это не моя милая, не моя кохапая мать» и не приплылъ. Взбѣсилась моя змѣя, затопала ногами на скалѣ, такъ что искры посыпались да и побѣжала до коваля :

— Коваль, коваль! — сослужи мнѣ дружбу.

— Какой дружбы нужно тебѣ бабушка?

— Накуй мнѣ такой голосокъ па язычокъ, какъ у Ивасиной матери.

— Не хочу бабуню, ты его сгубишь, этимъ голоскомъ.

— Не хочешь — но то я съѣмъ тебя — и какъ лизнула бѣднаго, такъ огнемъ его, какъ раскаленымъ желѣзомъ, запекло. Коваль наковалъ ей голосокъ и змѣя на другой день заманила Ивася. — Какъ только онъ вышелъ па берегъ, она схватила его за шею та и въ мѣшокъ и полетѣла по направленію къ своему острову. Но не долетѣвши до другаго берега, прилегла чтобы отдохнуть, и заснула окаянная — вѣрно уже пьяна была. Ивась вынулъ ножъ изъ-за пояса, да ну рѣзать мѣшокъ — она все спитъ; — разрѣзалъ и вылезъ, — она спитъ какъ

мертвая. Ивась набралъ камней, трухлаго дерева, жабъ и даже змѣй, — она все спитъ, такъ что онъ даже могъ зашить мѣшокъ и уйти на свою лодочку, не разбудивши злодѣйки.

«Змѣя проспулась, взяла мѣшокъ, перелетѣла по Днѣпру на «Дубовой островъ» и пришедъ въ свою коморку стучитъ въ двери и зоветъ свою наймитку :

— Оленко, Оленко! отвори.

— А кто тамъ?

— Я Оленько, отопри, топи печь, будемъ пекти и ѣсть Ивасечка, я таки его поймала. —

«Оленка отперла двери взяла мѣшокъ и какъ развязала, то всѣ гады и полезли оттуда, а Ивася и слѣдовъ не видно. — Онъ себѣ гуляетъ по лиману, какъ и прежде.

— Ну хитрая ты дитинка — да я тебя поймаю! — и такъ долго лазила и пѣла, что въ самомъ дѣлѣ поймала его и принесла въ избу, да и отдала Оленцѣ, чтобъ она его спекла, а сама полетѣла звать вѣдьмъ и змѣй, такихъ же злыхъ какъ и сама, въ гости. Оленка взяла лопату посыпала мукою и какъ печь уже вытопилась, сказала Ивасечкѣ :

— Ну ложись на лопату. —

Онъ положилъ руку.

— Не такъ; — онъ положилъ голову — не такъ; — онъ сталъ ногою — не такъ! не такъ!! крычала сердито Оленка, вѣрно уже вѣдьмина «подпомощница» [1]).

---

[1]) *Подпомощниками*, въ нашихъ военныхъ колоніяхъ звали не женатыхъ поселянъ, состоявшихъ на очереди въ гусарскую службу.

— Уже я не знаю какъ и дѣлать, — сказалъ бѣдный Ивасько, — покажи сама. —

«Оленка дурная, влезла на лопатку и растянулась такъ какъ выпотрошенная щука. Вася хвать за лопатку да и въ печь и изжарилъ дѣвку. Самъ же скорѣе накрылъ столъ, порѣзалъ мясо, голову кинулъ подъ печку — а самъ выбѣжалъ да и взлезъ на высокій дубъ, росшій близъ коморы на самой скалѣ, — отъ чего и островъ назвали «дубовымъ»... Смотритъ, а тутъ уже словно туча летитъ съ востока. — Это Змѣя и ея гости.

— Оленко отопри, кричитъ она еще издалека. —

«Оленка разумѣется не отзывается. — Отопри бестія! — кричатъ гости. Молчаніе; — хозяйка тронула двери: незапертые... — ба, да и столъ уже готовый... ну послѣ буду сердиться, подумала Змѣя — а теперь гости. Милости просимъ! — Сѣли за столъ, ѣли какъ голодные волки, пили какъ Ляхи, да и давай пѣть пѣсни. Змѣя наѣвшись такъ что едва не лопалась затянула:

Покачуся, повалюся
По Ивасиныхъ костямъ!

«А Ивасько бѣдный забывшись да и скажи: «ой не по Оленчиныхъ ли? —

«Боже мой! какой крикъ и гамъ поднялся — закричали, завижжали вѣдьмы услыша человѣческій голосъ. А старуха еще разъ притопнула въ присядку, да ну горланить:

«Ой покочуся повалюся
По Ивасиныхъ костямъ...»

«А Ивась смѣется на дубѣ, да опять промолвился:

— Ой не по Оленьчинымъ ли косточкамъ, матушка! —

«Змѣя и вѣдьмы давай визжать да бѣжать, однѣ въ двери, другія въ окно, третьи въ трубу, да и разлетѣлись. Осталась только хозяйка разъяренная какъ медвѣдь — ищетъ, ищетъ да и нашла Оленьчину голову. А Ивась? — опять ушелъ — гдѣ онъ, гдѣ онъ? — Тутъ увидѣла она его на дубѣ. Хотѣла лѣзть на дерево — старость не позволяетъ, хотѣла грызть дубъ, зубовъ нѣтъ... — Бѣжитъ опять въ кузнецу.

— Коваль, коваль, выкуй мнѣ новые зубы. —

«Коваль засмѣялся да и выковалъ ей зубы изъ тыквы. Старая хвать за дубъ — а зубки такъ и полетѣли.

— Эй коваль — берегись!... подавай другіе зубы. —

«Коваль смѣется и вставляетъ ей деревянные зубы. Грызетъ вѣдьма дерево, грызетъ, только искры изъ ея очей сыплются а Ивась смѣется себѣ. Змѣя схватила коваля за бороду: — сей часъ мнѣ давай хорошіе зубы, а то сверну твою грѣшную шею!

«Жаль было ковалю добраго хлопца, да чтожъ когда не смѣлъ ослушаться Змѣи... и выточилъ ей желѣзные зубы, а Ивасю показалъ на стадо летящихъ дикихъ гусей... Змѣя сей часъ же начала усердно грызть дерево.

«Бѣдный Ивась, видя опасность испугался, жаль ему стало матери и отца и началъ онъ голосить къ летящей верепицѣ гусей:

«Гуси мои гусинята,
Возьмитъ мене на крылята,
Понеситъ мене до батеньки, до матеньки

У матеньки у батеньки
Есть исты, пыты и въ чемъ ходыты.»

— Пусть тамъ заднія гуси тебя возьмутъ, намъ нѣкогда — отвѣчалъ старшій гусакъ — и улетѣли.

«Бѣдный Ивась ждетъ; — вотъ другой *ключь* гусей несется подъ небесами... а баба грызетъ дерево, такъ что дрязги съ него летятъ.

«Гуси мои, гусинята!
Возьмитъ мене на крылята,
Понеситъ мене до батеньки до матеньки!!

— Не можно намъ, — отвѣчаютъ опять гуси — за нами орелъ летитъ; пусть тамъ заднія тебе возьмутъ.

«Бѣда, бѣда, для Ивасечка! — смотритъ — летитъ съ десятокъ только гусей, оскубанныхъ, съ перебитыми крыльями, старыхъ... Ивась и къ нимъ отзывается жалобнымъ голосомъ :

«Ой гуси мои, гусинята!
Возьмитъ мене на крылята!!

— А что съ тобою хлопче? — спросилъ старый безносый гусакъ.

— А вотъ Змѣя воюетъ со мною. —

«Гуси поскорѣе спустились, взяли его съ собою и понесли, понесли да и принесли благополучно до бѣлой хаты на Солопой, въ Журавлеву балку и посадили Ивася подъ окномъ. А Змѣя грызла, грызла дерево пока дубъ не повалился, упалъ, да не раздавилъ ее.

«Въ хатѣ старикъ сидѣлъ за столомъ да вздыхалъ; баба все плакала да мѣсила пироги и пекла въ печи,

приговаривая : вотъ одинъ тебѣ, диду, другой мнѣ, а третій... — Ивась невольно заплакалъ... Когда баба положила третій пирогъ въ печь и вынула, то опять сильно заплакала и повторила : — а третій...

— А третій мамуню мнѣ, — вскрикнулъ подъ окномъ Ивасечко.

— Ахъ Боже-жъ мій Боже! диду — отъ какъ бы голосъ Ивася.

— Гдѣ тамъ Ивась, уже его бѣдного и косточки Змѣя раскидала по дикому полю...

— Такъ пѣтъ же татуню, то я самъ — и вошедъ въ комнату бросился въ ноги родителямъ, и разсказавъ что бѣдные гуси, хотя хромыя и слѣпыя и оскубанныя, а его спасли отъ смерти и принесли сюда. Мать выбѣжала, зазвала гусей на дворъ, насыпала имъ два фартуха овса, налила два корыта воды, поблагодарила ихъ за ласку да и воротилась въ хату, а гуси наѣлись, напились да отдохнувъ, полетѣли за тридевять земель!

«Старикъ и старуха отъ радости что Ивась вернулся здоровый — задали такой пиръ что все село пришло къ нимъ на *страву*... и я тамъ былъ, медъ и вино пилъ, по бородѣ текло — а во рту ничего не было.» —

— Славная сказка, — хоромъ замѣтили слушатели. Страшковъ благодарилъ тоже и невольно сравнивалъ свое настоящее положеніе съ опасностію Ивасечка... Старый чабанъ пристально на него глядѣлъ, морщилъ свои сѣдыя брови а послѣ сказалъ : —

— Ну хлопцы, теперь до отары, я тутъ съ прохожими посижу — а тамъ и прійду къ вамъ на смѣну. —

Пастухи отправились къ стаду, одинъ только залегъ въ котыгу чтобы сторожить общее добро. Одна изъ собакъ, совершенно искусанная и изцарапанная, съ перебитою ногою, прибѣжала съ поля послѣдняя, обнюхавъ всѣхъ полизала руки у старика, поворчала на чужихъ людей и тихо улеглась подъ котыгою — вѣроятно обычное мѣсто своего ночлега. Когда всѣ успокоились, старый чабанъ залилъ огонь, подсѣлъ къ поручику, — который лежалъ на травѣ закутавшись въ свитку и положивъ голову на подушку отъ сѣдла, — началъ говорить въ полголоса:

— Паноче, — а полюбилась вамъ моя сказка?

— Очень полюбилась; — да почему ты зовешь меня паномъ?

— Почему? — потому что вы таки *панъ* — вы не нашъ, хоть и свиту надѣли... и мнѣ васъ жалко стало. — Смотрю на васъ и кажется мой сынъ стоитъ около меня... Теперь онъ бы такой же былъ гарный молодецъ какъ и вы — а то...

— Спасибо старикъ — твоя сказка очень хороша и я очень жалѣлъ Ивася.

— Охъ не для того я говорилъ вамъ, паноче, мою сказку... Мой Ивасечко — то всякій разумный человѣкъ, напримѣръ хоть и вы — а *Змѣя*, то зависть людская — то «злыдни.» — Вотъ видите: въ пѣсни и въ сказкѣ бываетъ правда. Люди въ сказкѣ сложили: что какой-то молодецъ очень умный, рано созрѣлъ, рано служилъ родителямъ, рано хотѣлъ работать — ловить рыбу, плавать по морю, по лиману; — такъ *Змѣя* и досадно стало и еслибъ не разумный хлопецъ, да не Божія воля, то

она бы его испекла и съѣла. А гусп? — не бось! — большой крюкъ не взялъ его, и средній крюкъ не помогъ — струсивъ орла, а помогли бѣдныя, обскубанныя и подбитыя гуси! Такъ и съ людьми бываетъ, не богатые, не паны, а бѣдные люди — такіе какъ и мы — поможемъ бѣднымъ, а иногда и не бѣднымъ. Знаете что, я васъ такъ полюбилъ, что я вамъ разскажу про себя да про моего сына Пѣтрика. Славный былъ хлопецъ — и мать его была славна дѣвка... царство имъ небесное!!

— Такъ ты былъ женатъ и семейный человѣкъ?

— Женатъ? — я? — чабаны никогда не женятся — куды мы дѣнемъ жёнокъ и дѣтей нашихъ? Нѣтъ я никогда не былъ женатъ. Но прежде нежели я сдѣлался чабанскимъ атаманомъ, я былъ надворнымъ козакомъ у князя Любомірскаго въ Польшѣ; — тамъ около Звенигородки... Славно ѣздилъ я верхомъ, добре стрѣлялъ, а пикою такъ кидалъ какъ теперь батогомъ. У насъ былъ атаманомъ храбрый козакъ, молодецъ собою, грамотный, умный, гуляка, любилъ и пить и пѣсни пѣть и на торбанѣ играть — просто или самъ чортъ или чортовъ сынъ. Лѣтъ тридцать былъ онъ моложе меня. Его звали *Андреемъ Харченкомъ*, а мы прозвали его *Мамаемъ*.

— Мамаемъ? — не тотъ ли самый котораго повѣсили въ Умани?

— Повѣсили? — кто его повѣситъ? Уже пять лѣтъ или больше, всѣ говорятъ что его повѣсили, а вотъ онъ все живъ и живъ... —

Страшковъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на старика — но темнота ночи не дала разсмотрѣть его лица.

«Этотъ Мамай былъ страшный волокита и для хорошей дѣвки готовъ былъ хоть въ пекло; онъ не смотрѣлъ что дѣвка, что замужняя — разъ даже бросилъ глаза на дочь полковника нашего Депгофа, но досталось и ему добре... какъ увидите. Я тоже хоть дуже не молодой любилъ поволочиться: — чему козаку не сходить на вечерницы, не танцовать въ арендѣ по воскресеньямъ, или на веселы? — Вотъ была у меня Настуся, гарная дѣвка, спротка и жила на панскомъ дворѣ у полковника. Дочь пана полковника полюбила ее и часто дарила ей то платокъ, то ленту. Когда-бъ не злая доля мы бы можетъ быть и побрались[1])... Но бѣсъ попуталъ меня;... она бѣдная... въ одпу, страшную почь, у старой мельничихи родила мнѣ сына, а еще мы не были ни сговорены, ни обвѣнчаны. Грѣхъ, грѣхъ мнѣ! Попъ не хотѣлъ крестить дитяти, по Мамай такъ его пугнулъ, что тотъ испугался; — крестилъ, по донесъ пану на Настусю. Ее бѣдную взяли, били крѣпко, острыгли косу и покрывъ памиткою поставили на срамъ людской предъ церковью; — бѣдная не выдержала и утопилась въ Тикичѣ. Ахъ сердце мое сердце! такъ и теперь болитъ какъ вспомню! —»

Страшковъ по голосу разскащика судилъ что старикъ бытъ истинно тропутъ — и что опъ могъ быть человѣкомъ честнымъ на свой ладъ.

«Я бы самъ утопился, но жаль стало сына. Я его отдалъ чабанамъ на воспитапіе, а самъ сильпѣе сдру-

---

[1]) *Аренда*, корчма; *веселье*, сватьба; *побраться*, жениться.

жился съ Мамаемъ и гуляли мы на пропалую. Такъ прошло лѣтъ пять или шесть. Въ одну ночь — когда я подпилъ крѣпко, онъ мнѣ сказалъ: — хочешь ли Микола мнѣ сослужить дружбу, а пану полковнику заплатить съ процентомъ за твою Настусю? — Какъ не хотѣть? — отвѣчалъ я; — хоть сей часъ готовъ. — Ну послушай. Я полюбилъ паппочку нашу... но она и не смотритъ на меня — а пана полковника я боюсь. Вотъ я подговорилъ Скалозуба, Сукура и другихъ и завтра, почью, мы ее увеземъ... но безъ тебя нельзя. Тебя одного паппочка знаетъ, жалѣя за твоею Настею. Завтра ты пойди вечеромъ въ замокъ и тамъ останься — а какъ мы прійдемъ и постучимъ кольцомъ, то отвори намъ ворота...

— А какъ твои люди да что-нибудь возьмутъ?

— Не бойся, ничего не возьмутъ, — смѣясь отвѣчалъ онъ — а какъ и возьмутъ, намъ что за дѣло? —

«Хотя и не правилось мнѣ это дѣло, но лукавый попуталъ — а хотѣлось мнѣ отмстить за смерть Насти. Только панны мнѣ было жаль и я рѣшился ее защитить. Ночью, только что всѣ улеглись спать, я, знакомый съ сторожами и даже съ маршалкомъ[1]) — усѣлся въ кухнѣ и началъ ужинать. Слышу кто-то постучалъ въ ворота желѣзнымъ молоточкомъ, висѣвшимъ на дверцахъ. Я побѣжалъ прежде въ домъ и прямо въ комнату барышни.

— Панно моя панно! — сказалъ я — спасайтесь сей часъ — гайдамаки идутъ.

---

[1]) *Маршалокъ*, дворецкій.

— Ступай разбуди отца, будемъ защищаться...

— Спасайтесь сами, я васъ обороню, — это Мамай!

— Не могу спасаться безъ отца. —

— Отца вашего я самъ убью — сказалъ я ей, — по васъ обороню на память Насти. — Но она меня не слушала и побѣжала къ отцу. Я скорѣе къ лямусу и отворилъ ворота. Мамай, съ десятью другими козаками ворвался на дворъ и прямо къ кухнѣ, гдѣ забивъ двери зажегъ ее. Тогда побѣжали мы къ замку. Панъ Депгофъ, его торбанистъ и одинъ козакъ служивый, — спавшіе въ его сѣнцахъ, — схвативъ ружья и сабли начали защищаться; — мы боялись стрѣлять,... наша панна была при отцѣ. Но Мамай изъ ярости и нетерпѣнія, бросился впередъ и хотя пуля попала ему въ правый бокъ, схватилъ и утащилъ ее...

— «Стрѣляй батюшка въ меня! — не хочу живая попасть въ руки Мамая;» — но отецъ нехотѣлъ; — началась битва — я уже не мѣшался, такъ мнѣ и стыдно и жалко было. Торбанистъ полетѣлъ первый съ крыльца, порнутый ножемъ Сукура, — козакъ служивый бился долго, но гайдамаки убили и его. — Полковникъ остался одинъ, съ двумя пистолетами въ рукахъ. —

— Убей меня родной! — кричала дочь. — Но вдругъ кто-то закричалъ: «пожаръ, пожаръ въ домѣ!» — полковникъ невольно оглянулся и одинъ разбойникъ въ тоже мгновеніе бросился на него съ пикою и прокололъ насквозь — Денгофъ еще разъ подпялъ саблю... но повалился съ крыльца... Тогда все потемнѣло въ моихъ очахъ — пожаръ и кровь одурили меня... Гляжу: — Мамай съ

панночкою на рукахъ бѣжитъ чрезъ дворъ въ поле, гдѣ стояли его лошади. Она кричала все еще : — отче родной! ратуй! Маты Божая ратуй! — Сердце мое такъ и разорвалось — я схватилъ мой мушкетъ :

— Пусти Андрей, нашу пани. —

— Ни за что — тебѣ что за дѣло до нея?

— Пусти! — кричалъ я и загородилъ ему дорогу. —

— Прочь, глупая собака — сказалъ онъ и видя что я не отстаю выстрѣлилъ по мнѣ изъ пистолета; — я не вытерпѣлъ — опустилъ мушкетъ, но моя пуля попала въ самое сердце панночки! Не знаю чѣмъ бы кончилась наша смертельная драка, еслибъ не крикъ, гвалтъ народа, дзвонъ на церкви, не отозвались.

— Ну, постой ты измѣнникъ, горько отплачу я тебѣ,— закричалъ Мамай — и сѣвъ на лошадь ускакалъ прочь, а кровь изъ раны оставила далекій слѣдъ за нимъ. Мнѣ тоже оставаться нельзя было въ старостве, — я схватилъ другого коня, поскакалъ къ границѣ, а тамъ на Запорожье. Въ войско меня не приняли, какъ не свободнаго человѣка и я сдѣлался чабаномъ. Жить намъ было хорошо, и я разъ какъ-то побѣжалъ на родину и привезъ моего сына; онъ утѣшалъ меня. Такъ прошло еще лѣтъ пять — уже сынъ подросталъ, когда я оставилъ его зимою съ двумя другими чабанами въ зимовникѣ, а самъ поѣхалъ въ Гардъ за рыбою и харчами. Чрезъ три дня я воротился домой — ни хаты ни сына не было : — однѣ головни и кости остались. Татарскіе чабаны уже послѣ сказали мнѣ, что какой-то человѣкъ пришелъ ночью съ своими людьми, — забилъ двери и окна въ избѣ, сжегъ

ее вмѣстѣ съ моимъ сыномъ и молодиками. Это былъ Мамай. Такъ отмстилъ онъ мнѣ... Нѣтъ не онъ — а Богъ покаралъ меня за то зло, что я сдѣлалъ своей бѣдной панночкѣ и ея отцу... —.

Бѣдный старикъ горько заплакалъ — и вставъ, накинулъ на себя *торбу*, и пошелъ на смѣну своихъ товарищей въ поле; Страшкову же сказалъ, чтобы подождалъ его съ восходомъ солнца, а онъ ему покажетъ дорогу.

V.

Едва первые лучи солнца показались на востокѣ и степь одѣлась легкою бѣлою пеленою тумана, старый чабанъ разбудилъ Страшкова и сказалъ: — «сейчасъ пробѣжалъ здѣсь козакъ и далъ намъ знать что гетманцы идутъ; — вѣрно ваши кампанейцы. Мы ихъ ждать не будемъ, а то нашимъ баранчикамъ по боку достанется. Но слушайте: если вамъ нуженъ будетъ старый Микола-чабанъ; если бѣда какая случится вамъ въ степу́, а некому будетъ помочь вамъ, то зажгите вотъ такъ траву: — и добывъ кресивомъ огня, зажегъ часть степи въ кружокъ, — если же нельзя будетъ, то вотъ на ночлегѣ едѣлайте такую *тясьму* — стопчите ее ногою такъ; а нѣтъ, то бросьте хоть плахточку, хоть рубахи кусокъ... я уже васъ найду. Завтра или послѣ завтра мы перекочуемъ съ отарою на Татарскую сторону: кампанейцы идутъ не даромъ... да,— но я лучше васъ буду знать, гдѣ вы и что вы дѣлаете.

Панычу, будьте здоровы — да позвольте мнѣ хоть разъ поцѣловать васъ. —

Страшковъ искренно обнялъ добраго дикаря и на прощанья подарилъ ему свой *капшукъ* съ табакомъ, прося за трубкою вспоминать о немъ.

— Только не забудьте знаковъ моихъ, а то кто знаетъ, что будетъ еще съ вами? —

Поручикъ невольно призадумался — кромѣ тоски за Селестиною и другія тяжкія мысли его тревожили, но какія? онъ боялся даже себѣ отдавать въ нихъ отчетъ. Чабанъ ушелъ; — онъ разбудилъ своего проводника, умылся у колодезя, помолился усердно Богу и съѣвъ кусокъ хлѣба съ солью, приказалъ осѣдлать лошадь. Судя по какому-то гулу на степи и частымъ облакамъ пыли съ востока, онъ угадывалъ что Чеснокъ и его кампанейцы были близко. Но по обычаю всѣхъ Малороссіянъ, крѣпко переродившихся и разлѣнившихся въ XVIII столѣтіи, не прежде полдня притянуло козацство къ водопою и какъ это войско было «охотное», то исключая полковника, старшинъ и «товарищей» было и дурно одѣто и дурно вооружено. Для офицера карабинернаго, непріятно было видѣть оборванные зеленые съ краснымъ кунтуши, не ровныя хотя и сильныя лошади, не чистую сбрую, даже не ровное оружіе. Только народъ былъ молодецкій, мужикъ въ мужика, просто заглядѣніе. Шумъ отряда былъ несносный; никто не слушалъ старшины, всѣ вдругъ бросились къ колодцу и прежде чѣмъ десятая часть лошадей была напоена, уже всѣ жолоба были изломаны, а за ведра началась драка, но къ счастію окликъ: «его

вельможность, его вельможность!» — раздался въ рядахъ и все притихло. На отличномъ аргамакѣ, въ зеленомъ бархатномъ, немного полинявшемъ отъ солнца и непогодъ, куртушѣ, съ красными отворотами и краснымъ поясомъ, собольею низкою но широкою шапкою, съ пучкомъ мѣлкихъ павлиныхъ перьевъ на верху, довольно тучная особа подъѣхала тоже къ водопою, а на пригоркѣ разбили ему и палатку. Онъ скомандовалъ что-то по малороссійски, крехтя слезъ съ лошади и отдавъ ее козаку, подошелъ къ одному ведру чтобы напиться самому. Страшковъ чтобы скорѣе дать знать о себѣ, предложилъ свою желѣзную чарку — которую всегда военные носили при походной аммуниціи.

— Спасибо хлопче, — знаешь старшихъ.

— Если вы г. полковникъ Чеснокъ — то я имѣю къ вамъ порученіе. —

Столь важная особа, какъ Малороссійскій полковникъ, страшно изумился услышавъ такую дерзкую рѣчь.

— Що я *Чеснокъ*, — *Василій Чеснокъ* — Е. И. В. войска Запорожскаго, т. е. Малой Россіи, обоихъ береговъ полковникъ, это я думаю довольно *всему свѣту* извѣстно — но кто ты хлопче я не знаю и удивляюсь...

— Изъ этаго письма вы изволите увидѣть.

— Ба, ба! — пане добродію, — ну хорошо, заразъ прочитаемъ — только стоя и безъ очковъ я читать не могу.

— Если позволите, то я прочитаю самъ.

— Какъ бы не такъ! — пане добродію — это вѣдь «по секрету». — Гей! пане Кириловичь — скажите асаулу

Кривобоку, нехай ставитъ *войско* на привалъ — а вы сюда пожалуйте, да возьмить у хлопца моего очки. —

Пошли къ палаточкѣ, — Страшковъ съ любопытствомъ разсматривалъ новое для него зрѣлище. Между тѣмъ почти бѣгомъ прекрасный мужчина, видно кампанейскій старшина, явился съ очками, а хлопцы принесли сѣдло и большую подушку, на которой г. полковникъ весьма удобно расположился и надѣвъ очки, началъ весьма внимательно читать, поглядывая изъ-подъ стеколъ на Страшкова и приговаривая :

... Это справедливо;... легко сказать — да не сдѣлать... — го ! го ! это похоже на сказку... Ай да молодецъ вашъ г. оберъ-комендантъ ! — Такъ это вы г. регулярный поручикъ, которые беретесь за наше дѣло? — Посмотримъ посмотримъ... Но прежде попробуемъ по нашему, по старинному, пулею да пикою, — компанейцы хитрить не умѣютъ.

— Увѣряю В. В. что открытою силою ничего не сдѣлаемъ.

— Это посмотримо, пане добродію послѣ, какъ живы будемо. Вотъ я получилъ отъ пана кошеваго Бѣлицкаго цедулку съ нарочнымъ : что въ Гарду ждетъ меня г. старшина войсковой Андрей Носань — добре; а за Бугомъ, хоть тамъ и Туречина, послалъ онъ полковниковъ : Порохню и Головка, и то добре; да и самаго Хана звалъ въ гости; — и пишетъ чтобы я переправлялся на ту сторону. Какъ бы не такъ ! — нѣтъ ужъ этого я не сдѣлаю.

— Почемужъ не сдѣлать, если смѣю спросить?

— Да потому что тутъ граница Туречины. Я просто возьму всѣ команды, обложу эти острова, та по порядку ихъ пересмотрю — и всѣ гнѣзда разбойническія, воровскія и гайдамацкія до грунту зруйнýю. — Вотъ это будетъ лучше.

— Я увѣренъ что съ того самаго дня, какъ г. Запорожскій старшина прибылъ въ Гардъ, уже ни одного гайдамаки на островахъ не осталось...

— Кудыжъ они дѣлись?

— Скрываются на Мигеѣ за границею; а при первомъ вашемъ приступѣ уйдутъ въ Татарскіе предѣлы, въ «*Романову-балку*», или куда нибудь; — такъ и вся падежда наша на этихъ господъ что за Бугомъ.

— Надежда на Запорожскихъ оборванцевъ — ба, ба! Обойдусь я безъ нихъ. Воля ваша, я прежде попробую порядкомъ: я служилъ съ Минихомъ и ходилъ на Прусака, то трохи войну знаю и васъ тоже прошу надѣвъ жупанъ кампанейскій, когда нѣтъ своего кафтана, быть у меня асауломъ, а той мой г. Лизогубъ женился на дорогѣ, — въ Сѣдневѣ, — и сюда не прибылъ.

— Я въ полномъ вашемъ распоряженіи — таковъ приказъ моего начальника.

— А знаете ли что г. Глѣбовъ скоро у васъ не будетъ? — говорятъ на его мѣсто г. генералъ Толстой назначенъ — да еще и не военный.

— Это для меня печальная новость; Алексѣй Ивановичь мой истинный благодѣтель. — Что теперь прикажете?

— Вотъ першь пообѣдаемъ, а тамъ и отдамо приказы.

Полковникъ былъ настоящій малороссійскій дворянинъ и вполнѣ постигалъ слова: «обѣдать» и угощать. Страшковъ жившій въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней кашицею, сухимъ черствымъ хлѣбомъ и овечьимъ молокомъ, не мало удивился и обрадовался, увидя какъ хлопецъ Чеснока доставалъ и приносилъ: маринованныя рыбы, ветчину, колбасы, даже отличную жаренную дичь, которую козаки убили на походѣ. Все это приправлялось сливянкою, крѣпкою какъ огонь и сладкою какъ медъ. Полковникъ громко изъявлялъ свое удовольствіе, глядя на аппетитъ молодаго «москаля» и не разъ повторялъ своему любимому старшинѣ Кириловичу: — что видно *регулярство*, подобно солдатамъ на *Линіи*, одними сухарями привыкло питаться. — Строгая дисциплина, къ которой русскій офицеръ привыкъ, не дозволяла ему возражать на эти шутки и онъ улыбался подобно другимъ слушателямъ, чѣмъ много понравился Чесноку.

— Ты я вижу славный малый, — и я готовъ изъ уваженія къ бригадиру, а теперь я думаю уже и генералу, сказать всю правду. — Да кстати, умѣете ли вы писать?

— Помилуйте, какъ можно?

— Какъ можно? — да таки-такъ можно. — У насъ съ Москвы заѣзжаютъ и регулярство и гвардейцы, что только по складамъ читаютъ, а писать пишутъ не лучше меня... но не сердись. Изволишь видѣть, моя старшина по обычаю всей нашей старшины, на благословенной Украинской Палестинѣ, въ дорогѣ разбрелась. Мой асаулъ Лизогубъ женился, то и остался въ Сѣдневѣ, мой писарь Тройницкій

человѣкъ торговой, то съ гуртами и пошелъ въ Москву; мой судья Кирьяковъ съ роду въ полкъ еще не пріѣзжалъ, — то я только и могъ замапить съ собою пана Бунчуковаго товарища Кириловича, да хорунжаго Кривобока, да сотника Борзенка. А людей у насъ довольно, комонно и пѣхоты до 500 человѣкъ и народъ все добрый и трезвый — когда водки нѣтъ, — и хорошо одѣтый — когда не пообборвется... Ну за то люди храбрые — извѣстно Запорожата. Ну теперь мигну тебѣ въ ушко, что на кошеваго Бѣлицкаго я не надѣюсь. — Онъ былъ соби колысь панычь и ляшекъ, — а подбривши голову и запустивши оселедецъ не перекрестишься заразъ въ Низоваго рыцаря [1]). Онъ бачишь, сулитъ мнѣ въ подмогу войсковаго старшину, да двухъ полковниковъ — а людей всего четыреста человѣкъ и говоритъ чтобы мы на Турецкую сторону шли. Панъ полковникъ его, Порохня, съ двумя стами человѣкъ не могъ добыть гайдамацкой чаты въ Романовской балкѣ — а тамъ всѣхъ, говорятъ, ста человѣкъ не было и одинъ даже прапоръ самъ торчалъ говорятъ, какъ пугало на воробьевъ. То чтожъ я сдѣлаю на такой большой дистанціи пане добродію? — Тутъ будетъ верстъ съ восемьдесятъ до одной польской границы! — Я ихъ ждать не намѣренъ — пусть они воюютъ за Бугомъ, а я пущусь берегомъ, да по рѣкѣ, въ поиски на островахъ, — вотъ что пане добродію. —

---

[1]) Кошевой *Бѣлицкій*, изъ роду князей Бѣльскихъ, хотя Полякъ и католикъ, былъ однакожъ одинъ изъ лучшихъ атамановъ.

Когда обѣдъ кончился, полковникъ уснулъ маленько. Старшина тоже, козаки вслѣдъ за ними. Даже часовые склонясь на пики дремали. Бѣдный поручикъ отъ нетерпѣнія и безпокойства не только спать, но просто усидѣть не могъ на мѣстѣ; онъ зналъ что эта медленность и это слишкомъ явное, по военнымъ формамъ движеніе, сдѣлаютъ огласку и ни одного гайдамаки не останется въ ихъ тайникахъ, — если только ихъ настоящее гнѣздо кому-нибудь извѣстно! Да и какъ узнать, среди толпы рыболововъ и промышленниковъ, державшихся постоянно въ этихъ порубежныхъ мѣстахъ: кто гайдамаки, а кто нѣтъ? Скитаясь такъ въ раздумьи среди табора, онъ увидѣлъ что какой-то верховой человѣкъ, въ козачьемъ, какъ казалось, нарядѣ, съ пикою въ рукахъ, стоялъ на курганѣ шагахъ въ трехъ стахъ отъ полка, а другой едва видный, въ полуторѣ или двухъ верстахъ на другомъ курганѣ — какъ бы пикетами разставленные. Это тоже показалось ему неблагоразумно, особенно въ дѣлѣ требовавшемъ секрета. Онъ позвалъ одного сотеннаго атамана и спросилъ:

— Кто эти пикеты разставилъ на курганахъ?

— Какіе бекеты? — съ просонья спросилъ кампанеецъ.

— Да вотъ видишь съ лѣва, тамъ поближе къ западу.

— Кто его знае — это дѣло обознаго.

— Такъ позовитежъ обознаго и спросите.

— Обознаго? — онъ еще не прибылъ въ полкъ — его недавно еще изъ *значковыхъ* пожаловали въ старшины.

— Какъ недавно?

— Не болѣе года; онъ и отпросился на господарство.

— Хорошажъ у васъ дисциплина, когда ни одного старшины при полку нѣтъ.

— Мы «на своихъ привиллегіяхъ» г. офицеръ, мы не то что Моск... т. е. регулярство. —

Страшковъ замѣтивъ что и подальше къ сѣверо-западу, на курганѣ показался всадникъ съ пикою; — поспѣшилъ къ палаткѣ и разбудилъ Кириловича.

— Ради Бога скажите, что тамъ за чàты стоятъ по курганамъ ?

— Какіе чàты? — я ничего не вижу. —

Въ самомъ дѣлѣ уже близкій козакъ передвинулся.

— Вотъ смотрите по моей рукѣ... ну что видите?

— Вижу что-то — это вѣрно чаты Запорожскія.

— Почемужъ вы знаете что Запорожскіе? — тутъ вѣдь граница; могутъ быть и татарскіе и даже гайдамацкіе лазутчики?

— Видно сей часъ что вы Мос... т. е. что вы не нашъ братъ гетманецъ, — какъ можно чтобы эта погань подошла такъ близко къ «обозу!»

— Однакожъ не дурно бы убѣдиться.

— Это не мое дѣло, надобно позвать хорунжаго — онъ и за «обознаго».

Позвали Кривобока — тотъ лишь увидѣлъ чату, очертя голову закричалъ на довбыша, чтобы билъ сборъ; — литавры раздались, полкъ всполошился, крикъ и команда начались — самъ полковникъ схватясь съ бурки на которой спалъ, началъ кричать:

— Панове на коней! — скорѣй въ лàву!

Поручикъ онѣмѣлъ отъ изумленія — но взглянувъ къ ведетамъ увидѣлъ что и стоявшаго на второмъ курганѣ опять не было, а у болѣе отдаленныхъ показались значки на пикахъ.

— Ну это настоящіе пикеты и сигналы; поговорю ка съ самимъ полковникомъ. Чеспокъ храбрый солдатъ и умный человѣкъ — а эта старшина просто молокососы, а не офицеры. —

Чеснокъ выслушавъ замѣчаніе Страшкова, согласился въ одномъ — что это ведеты, но утверждалъ что Запорожскіе : — «ибо де я имъ писалъ еще вчера, чтобы готовы были и заняли бы Гардъ, пока я очищу здѣшніе острова отъ всякой сволочи и гадины.» — Ну панове, бить походъ! —

Приударили опять въ литавры, полкъ ловко выстроился повзводно, съ старшинами впереди. Полковникъ хотя и крехтя взлѣзъ на лошадь, но мастерски сидѣлъ на ней, видно что былъ настоящій военный человѣкъ. Страшковъ надѣлъ чей-то кампанейскій жупанъ и просилъ позволенія быть въ должности асаула, т. е. адъютанта. Уже сумерки начались когда они выступили въ походъ. Прошли верстъ пять — полковникъ опять остановился у одной изъ сотни провалинъ, идущихъ тутъ изъ Буга, въ которую едва не свалился передовой небольшой отрядъ, шедшій въ авангардѣ и вѣроятно вздремнувшій на лошадяхъ.

— Пане поручикъ, такъ въ темнотѣ мы и къ чорту залѣземъ, — ничего не видно; — не лучше ли здѣсь ночевать.

— Какъ ночевать? — В. В. дни жаркіе, а теперь прохлада, и людямъ и лошадямъ легче.

— Что легче, то легче, это правда, а къ чорту въ зубы залѣзть еще легче; просто ничего не видно; — да правду матку сказать мы и дороги не знаемъ.

— О за этимъ дѣло не остановится; — со мною есть отличный проводникъ.

— Да можно ли на него надѣятся? —

Страшковъ вспомнилъ его прежнія связи съ гайдамаками и немного усомнился, тѣмъ болѣе, что шло уже не о его личной безопасности, а о цѣломъ отрядѣ.

— Если позволите я буду идти впереди вмѣстѣ съ нимъ, и тогда ручаюсь за его вѣрность.

— Добре; ну панове, гуськомъ за мною по четыре въ рядъ и махнемъ за паномъ поручикомъ. —

Страшковъ вызвалъ изъ аріергарда Степанка и приказалъ ему ѣхать впередъ, колоновожатымъ; самъ же съ пистолетомъ въ рукахъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ. Степанко немедленно повернулъ вправо, подальше отъ рѣки.

— Степанъ, куда?

— На дорогу.

— Какъ на дорогу? — рѣка вѣдь здѣсь, я слышу какъ она шумитъ около пороговъ.

— Да вы куда хочете? — въ Гардъ ѣхать, или въ рѣкѣ выкупаться?

— Разумѣется въ Гардъ.

— Ну такъ поѣдемъ подальше, а то тутъ что верста то и балка, или провалина.

— Смотри однако не обманывай, а то я не шучу.

— Не бойтесь пане, мой крестъ у васъ; — я вашей панночци не измѣню. —

Мысль о Селестинѣ блеснула въ сердцѣ юноши какъ молнія — но еще болѣе ужалила его : невольно, непостижимая тоска вездѣ его преслѣдовала.

Между тѣмъ кампанейцы шли дружно и полковникъ наскучивъ молчаніемъ сказалъ Кириловичу :

— А гуслисты здѣсь?

— Здѣсь, вельможный пане.

— Скажи пехай заспиваютъ мою полковую пѣсню. —

Кириловичь позвалъ гуслистаго, а тотъ собравъ свою дружину, выступилъ съ нею впередъ и началъ пѣть хоромъ :

«Чимъ Мигея не славна була?
Поки въ Мигеи баталія не була.
Хоръ. Ей чимъ Мигея не славна була!!

— Пане, на что они такъ горланятъ? — такъ мы не только Мамая — но и волковъ со степу сгонимъ.

— Я и самъ тоже думаю — но знаешь, я полковнику приказывать не могу. — Гуслистый опять заревѣлъ.

«Чеснокъ полковникъ Бога благае.
Три тысячи Орды самъ побивае.
Хоръ. Ой самъ Орду побивае!!

«Ой нутежъ братци не малажъ то сила, —
Да немажъ и мого родного сына!..
Хоръ. Ой и родного сына!!

— Стой! — закричалъ проводникъ и поскакалъ впередъ.

— Стойте! — закричалъ тоже Страшковъ и послѣдовалъ за нимъ — полковникъ приказалъ остановиться.

Тревога сдѣланная проводникомъ, произошла отъ нечаяннаго появленія какого-то бѣлаго человѣка, верхомъ; лошади у догонявшихъ были гораздо лучше и бѣлое привидѣніе было настигнуто и остановлено скоро. Страшковъ крайне удивился увидя человѣка безъ шапки, въ одной только рубашкѣ, на прекрасной лошади, совершенно измученной. Когда привели его къ полковнику, то онъ, получивъ два или три удара плетью и испугавшись дальнѣйшаго «пристрастія» сознался въ слѣдующемъ:

«Зовутъ меня *Семеномъ Волошиномъ*; родился я въ Польшѣ, Уманской губерніи въ мѣстечкѣ Ладыжинѣ. Однажды въ корчмѣ видя, что жидъ въ медъ подмѣшиваетъ водку, деревяннымъ ковшомъ разбилъ голову корчмару; отъ чего жидъ на другой день и умре. Боясь чтобы Ляхи за жида не вступились, ушелъ въ с. Терновку на р. Синицѣ (Синюхѣ) въ Новосербіи, гдѣ жилъ у сотника Терновскаго Юрія Пупатого и тамъ познакомился съ ватагомъ гайдамацкимъ Андреемъ Харченкомъ, что его зовутъ «Мамаемъ» и съ нимъ на *Лядчину* ходилъ не разъ. Но какъ Поляки начали насъ турбовать, то опять къ Пупатому на службу присталъ — который чтобъ съ Лядчиною не спорить, заковалъ меня въ колодки и въ Елисаветъ отправилъ, гдѣ еще трое человѣкъ Ордою забратыхъ, въ казарму заперли. Тамъ пробыли мы съ недѣлю какъ писарь крѣпостной Трусовъ сказалъ намъ что какой-то полковникъ Заблуда въ крѣпость пріѣдетъ. Мы знали что Заблуда той же нашъ ватагъ Мамай, и подкупили писаря чтобы

сказалъ когда онъ къ коменданту прійдетъ. И когда тотъ Заблуда пріѣхалъ, его Татарчукъ намъ въ окно сказалъ чтобъ мы выпросились милостыни у пановъ просить. Мы вышли и асаулъ гайдамацкій Семенъ Неживой, что съ Заблудою былъ, далъ намъ большой хлѣбъ, съ которымъ мы вечеромъ въ казарму повернулись и оттуда ножи и пыльники выдобывъ, колодки наши вырѣзали, цѣпь перепилили и яму вырывъ, ночью всѣ ушли... — Только я какъ толстый не могъ чрезъ яму одѣтый перелѣзть и въ одной сорочцѣ едва освободился и такъ остался. Выбѣжавъ на улицу я зашелъ на квартиру Трусова, но его не нашелъ — онъ и самъ попался въ желѣза, — то я укравъ у него казенную лошадь, бѣжалъ — и вотъ уже шестой день таскаюсь и нигдѣ нашихъ достать не могу; — вѣрно всѣ ушли подъ Турка.»

— Подъ Турка? — неправда — они вѣрно на Мигеѣ.

— Може и въ Мигеи.

— На Мигеѣ? — не та ли это Мигея, что въ пѣсняхъ упоминается.

— Не знаю она въ пѣсняхъ есть ли, или нѣтъ, а знаю что отсюда недалеко, такъ верстовъ съ пятьдесятъ будетъ, есть «Мигейскій островъ» и тамъ мы часто живали.

— Вотъ видите, г. поручикъ, что я правду говорилъ и что они на здѣшнихъ островахъ скрываются. Ну веди жъ насъ на эту Мигею, если не хочешь быть повѣшенъ сей часъ.

— Добре, но я не ѣлъ уже дня два... дайте мнѣ панство хлѣба и свиту и...

— Кириловичь, нѣтъ ли въ обозѣ лишней свитки? —

Кириловичъ перемигнулся съ атаманами и объявилъ что во всемъ полку не только «лишней» — но даже нужныхъ свитокъ не имѣется; — но что панталоны найдутся. Поручикъ предложилъ ему свою до времени свиту. Волошинъ косо на него поглядѣлъ и какъ-бы старался что-то привесть въ своей памяти.

— Ну, теперь свяжите его покрѣпче, а ты пане Кійнашь, садись на его лошадь, и пусть ведетъ насъ на Мигею. —

Атаманъ сотенный, такое странное имя носившій, — мигомъ сѣлъ на лошадь вмѣстѣ съ Волошиномъ, привязалъ его къ своему поясу и такъ поѣхалъ доброю рысью вслѣдъ за Страшковымъ, который продолжалъ при помощи своего Степана, быть вожатымъ полка. Утро нашло ихъ противъ устья рѣчки Бакшалы, среди огромныхъ и почерпѣвшихъ скалъ, идущихъ по оврагу до самаго Буга. Тамъ нынѣ село Александровка и огромныя массы плитнаго камня добываютъ изъ гранитной гряды. Полковникъ разставивъ часовыхъ и пикеты, приказалъ отдыхать. Плѣннаго накормили и Страшковъ старался вывѣдать отъ него что-либо о Мамаѣ, — но тотъ столько откровенный сначала, ничего не отвѣчалъ больше, а только мрачно поглядывалъ на него и на его проводника. Часа чрезъ два, въ самый утренній жаръ, столь утомительный въ степяхъ, пустились дальше, уже ближе къ рѣкѣ, а къ вечеру достигли оврага далеко идущаго въ глубь степей.

— Что это за балка? — спросилъ онъ у Степана.

— Это Ташлычокъ — та балка, знаете, что ведетъ въ Гардъ. —

При словѣ «Гардъ» Страшковъ вспомнилъ первую свою экспедицію и опять тоска стѣснила его грудь.

— Что это за круглая скала, надъ самымъ обрывомъ? — спросилъ онъ.

— Та что справа, называется *Страшный-судъ*, а та подальше, у переправы, *Шпакова-могила* — отвѣчалъ Степанъ.

— Какія странныя названія! — а не знаешь ли почему онѣ такъ называются?

— Не знаю, — а говорятъ что тамъ козакъ Запорожскій *Иванъ Шпакъ*, для Ляховъ «страшный судъ» приспѣшилъ.

— Что это за шалаши на берегу? — спросилъ полковникъ у поручика.

— Это самый «Запорожскій Гардъ» и тутъ не нуженъ больше проводникъ. Эта поланка уже на Турецкой землѣ и намъ цѣлымъ табóромъ не можно переправиться на ту сторону.

— Я и не тронусь отъ этого берега, сказалъ Чеснокъ, а если будетъ нужно на лодкахъ осмотрѣть всѣ острова, то я осмотрю — это мое дѣло.

— Что то я боюсь этого осмотра, — подумалъ Страшковъ, — но стыдясь своего малодушія ничего не отвѣчалъ.

VI.

Прибытіе въ столь отдаленный пограничный постъ, какъ *Гардъ Запорожскій,* военнаго отряда и столь важной особы какъ полковникъ кампанейскій *Чеснокъ,* взволновало всѣхъ; въ мигъ отрядъ былъ окруженъ цѣлою толпою народа. Страшковъ не спускалъ глазъ съ арестанта и ему показалось что какіе-то нищіе, калеки, съ нимъ перемигивались прося у козаковъ милостыни. Страшковъ отогналъ было ихъ, но въ одномъ узналъ или думалъ узнать черты какія-то, весьма знакомыя; — какія именно? онъ не могъ вспомнить. Когда же послѣ того онъ еще разъ вздумалъ посмотрѣть на нихъ, уже нищихъ не было на рынкѣ. Мрачные взгляды арестанта и физіономія нищаго такъ сильно врѣзались въ памяти поручика, что весь этотъ день, не смотря на всѣ свои усилія, онъ не могъ забыть ихъ. — Есть какое-то зловѣщее чувство во мнѣ, которое не даетъ мнѣ покоя,

подумалъ онъ, — но я побѣжду его — буду молиться и думать о Селестинѣ и вѣрно все пройдетъ! —

Онъ вынулъ крестикъ ею подаренный на прощаньи и глядя на него, мысленно произносилъ жаркія молитвы небу милосердому и, думая о милой дѣвушкѣ — невольными слезами — хотя украдкою оросилъ ея подарокъ. Когда наконецъ превозмогъ онъ свое смятеніе и чтобы разсѣять себя, пошелъ смотрѣть что дѣлаютъ кампанейцы, первое лице, которое онъ встрѣтилъ шагахъ въ двухъстахъ отъ берега — былъ чабанъ, упершійся на свой огромный желѣзомъ окованный посохъ, который склонясь на руку — пристально глядѣлъ на него и печально качалъ головою. Юноша узнавъ добраго своего разскащика, подошелъ къ нему съ дружескимъ привѣтомъ и улыбкою.

— Здоровъ Микола! — какъ поживаешь?

— Здоровъ пане, — грустно отвѣчалъ чабанъ, снявъ шапку — и замолчалъ снова.

— Ты что-то не веселъ, — вотъ тебѣ двѣ гривны, пойди выпей за мое здоровье!

— За ваше здоровье пане?... нѣтъ я не буду пить.

— Вотъ что? — за чтожъ ты сердишься на меня?

— На васъ, борони Боже! — а не буду пить за тѣмъ, что ваше здоровье теперь такое какъ вотъ эта скорлупа отъ яйца — показывая на кучу сору.

— Ахъ ты зловѣщій пророкъ! неужели такое трудное дѣло итти съ пятью стами кампанейцевъ противу двухъсотъ, или меньше гайдамакъ.

— Съ кампанейцами? — да они не увидятъ и усовъ гайдамацкихъ, какъ собакѣ не видать своего хвоста.

— Почему такъ думаешь?

— Почему? — я человѣкъ бувалый и знаю монхъ хлопцивъ что па «Романковой балкѣ» или на «Мигеѣ» пануютъ. Вчера еще, какъ только ваши гетманцы разгорланились около крыницы — уже весь Гардъ зналъ, что кампанейцы идутъ. Мигейцы заразъ свои чаты поставили близь самаго обозу, того «Чеснока» или «Цыбули;» — а онъ и не догадался.

— Такъ это они ставили по курганамъ пикеты?

— О они добре знаютъ свое дѣло. Запорожцы не то, что Гетманцы, а на той недѣлѣ Порохню такъ почесалъ Мамай, что онъ съ двумя стами козаковъ не могъ отбить и того человѣка, что взялъ было прежде; а ихъ всѣхъ сто человѣкъ не было, да еще Мамай былъ безъ руки. —

— Это важная новость: — Мамай безъ руки?

— Да, кто-то подстрѣлилъ его въ Елисавети, и онъ поймалъ одного Уманскаго цирюльника, который обрѣзалъ ее чтобъ не висѣла. Мамай носитъ теперь мертвую руку въ мѣшкѣ и обѣщалъ накормить ею того, кто его подстрѣлилъ. —

Невольный трепетъ объялъ сердце молодаго офицера, но онъ стыдясь этого чувства сказалъ:

— А знаетъ ли онъ: кто его подстрѣлилъ.

— И я знаю пане — ой пане! пане! не воюйте вы съ чортынятами, плюньте вы на нихъ!

— Какъ не воевать? — я за тѣмъ и пришелъ сюда. Моя сабля также крѣпка какъ и Мамаева; — моя пуля также вѣрно бьетъ какъ и его.

— Да онъ ни съ саблею ни съ пулею на васъ не нападетъ; — теперь онъ уже не Мамай а «Змій.»

— Какой змій?

— Тотъ самый что языкомъ двери желѣзныя лижетъ, что на крыльяхъ высокія горы перелѣтаетъ, шапку на мѣсяцъ молодой клалъ, да вѣшалъ, что хотѣлъ поймать Ивася.

— Что ты одурѣлъ что ли, старикъ, что мнѣ такой вздоръ говоришь?

— Вы пане не вѣрите, а мы вѣримъ — онъ еще не то дѣлаетъ! — Давно ли у него правой руки нѣтъ? — а онъ и на солому не ложился. — А спрашиваю васъ: кто его выучилъ лѣвою также махать пикою и ножемъ какъ правою? А на «*Грушкѣ*» вы не были?

— Нѣтъ не былъ, да и не знаю гдѣ «Грушка» ваша.

— Вотъ на той сторонѣ Буга, противъ Мигеи, — онъ тамъ всю скалу высверлилъ, и въ камнѣ себѣ хату выдѣлалъ.

— Ну это дѣло не трудное — если онъ знаетъ каменное ремесло.

— Не трудно, не трудно... ахъ пане, я васъ такъ полюбилъ что мнѣ васъ жаль... — Пане, я не разъ угадываю что будетъ — не хуже цыгана. — Не даромъ уже лѣтъ тридцать по степи бадаюсь, и самъ одинъ съ Богомъ, да съ вѣтрами на могилахъ говорю. Мнѣ такъ жалко васъ, что я чую... что вамъ будетъ большое несчастіе.

— Несчастіе! — ну чтожъ! мы военные, на то и служимъ чтобы итти на битвы, на сраженіе, на опасности.

— Мамай Змій а не человѣкъ; — вы знаете, въ сказ-

кахъ Змій какъ бьется съ человѣкомъ, то волею Божьею и побитъ бываетъ; отъ нечистая сила ему и говоритъ, чтобъ онъ не бился а лисичилъ, хитрилъ съ вами... — Старикъ видимо терзался чѣмъ то, наконецъ взявъ руку поручика сказалъ ему тихо : пане, я знаю хорошо Мамая — я его еще сегодня видѣлъ.

— Мамая! — послушай, выдай намъ его, а тебѣ мы дадимъ сто рублей денегъ.

— Выдать! — я выдамъ человѣка съ кѣмъ хлѣбъ ѣлъ, и не разъ подъ могилою спалъ? — небудетъ того никогда!

— Но онъ вѣдь воръ, разбойникъ, гайдамака.

— Мнѣ что за дѣло — онъ «бадается[1])» такъ, а я такъ; — онъ «вольный» человѣкъ.

— Онъ убилъ твоего сына!

— Да — но я убилъ его паппочку.

— Стыдно тебѣ, старику, съ такими людьми знаться;— я присягнулъ что его голову живую или мертвую принесу въ Елисаветъ.

— О еще та рука не родилась, что его голову сниметъ съ его шеи! — Вертайтесь домой — онъ уже знаетъ что вы здѣсь... и наставилъ на васъ сѣтку.

— Тѣмъ лучше, я такъ и желалъ чтобы посчитаться съ нимъ.

— Онъ теперь въ чистое поле не выйдетъ, онъ словитъ иначе...

— Пусть себѣ... но вотъ бьютъ сборъ, мнѣ пора.

---

[1]) *Змій*, волшебникъ; *бадаться*, добывать хлѣбъ.

— Пане! пане, — закричалъ чабанъ схватя его за жупанъ — не идите...

— Не могу, моя служба и присяга царицѣ...

— Папочку мой, — цѣлуя его руки и умоляющимъ голосомъ сказалъ чабанъ — не идите, какъ Богъ милостивъ не идите...

— Спасибо старикъ, спасибо! — вотъ поцѣлуемся и прощай. —

Старикъ заплакалъ... — Пане! когда уже вы идите на свою погибель, то не забудьте что я сказалъ : если бѣда васъ постигнетъ — когда васъ схватятъ, — спалите траву когда можете, а не то, хоть «тесьму» по себѣ оставьте! — Но онъ и не слушаетъ, бѣдный хлопчина... о такой былъ бы мой сынокъ, еслибъ не сгубилъ его Мамай. —

Звукъ литавръ, команда старшины, говоръ торговцевъ, у которыхъ гетманцы пили и ѣли, крикъ лодочниковъ, представляли настоящее Вавилонское смѣшеніе языковъ, но голосъ полковника, какъ военная труба, отозвался :

— На лодки хлопцы! на лодки! — и въ мигъ болѣе двадцати мѣлкихъ дубовъ, барокъ и досчатокъ были снаряжены Запорожцами, и Чеснокъ взявъ съ собою двѣсти человѣкъ кампанейцевъ, сто Низовцевъ, Кириловича и сотника Краснокутскаго старшинами, а Страшкова вмѣсто писаря и эсаула, вошелъ на дубы и пустился по Бугу для осмотра острововъ. На носу трехъ первыхъ лодокъ были укрѣплены трехъ-фунтовые фальконеты, и всѣ люди вооружены мушкетами. Остальные

раздѣлены на три отряда и поставлены цѣпью по берегу Буга, отъ «Криваго-острова» или «весенняго» Гарду до самаго устья Мигейскаго-Ташлыка. Сто Запорожцевъ съ своимъ командиромъ Носанёмъ, посланы къ Орлику на самую границу. Страшковъ въ простомъ кампанейскомъ жупанѣ, рядомъ съ своимъ Степаномъ держался на первой лодкѣ, съ пистолетами за поясомъ и драгунскимъ карабиномъ въ рукѣ. Звукъ военныхъ орудій, крикъ людей, храбрость Чеснока, огонь молодой крови — все его оживляло; только одно его удивляло не мало — это постоянная тоска и видимое смущеніе проводника...

Начали съ острововъ расположенныхъ къ востоку отъ Гарду; — цѣлый день бились съ противною водою, съ трудпымъ приступомъ на скалы, заросшія тернами и лѣсками, — но темная ночь пришла прежде, чѣмъ дошли до островка расположеннаго у самаго Гарду [1]). Здѣсь подъ скалою замѣтили огонекъ и Страшковъ вызвался съ двумя лодками идти впередъ. Чеснокъ согласился а самъ съ остальными судами сторожилъ оба русла рѣки, идущія вокругъ этого острова, о который съ сильнымъ ревомъ вода разбивалась и клокотала какъ въ водопадѣ. Страшковъ поставивъ Степана у руля, самъ прилегъ на носу лодки и пристально глядѣлъ на скалы; тамъ видимо что-то скрывалось въ терпахъ, и два, три фонаря при-

---

[1]) Теперь близь самаго этого островка, устроено селеніе Богдановка, помѣщика Кирьякова (бывшее Акацатовой), основанное герцогомъ Полиньякомъ, въ 1790-хъ годахъ.

крытые камышемъ едва тлѣлись сквозь листья. Когда они пробрались столь близко, что уже были менѣе чѣмъ на три весла, два выстрѣла, одинъ послѣ другаго, раздались и что-то бухнуло въ воду... Страшковъ не дождавшись причала бросился со всего размаху тоже въ воду, кампанейцы за нимъ и въ нѣсколько мгновеній на островокъ взобралось человѣкъ съ тридцать, — но напрасно искали гайдамакъ, — ни души не было; только длинные пучки камыша одѣтые въ перегнившіе тулупы, въ шапкахъ на верху, вколочены были въ щели скалъ, а близь нихъ свѣтились не фонари, а ямы съ углями, раздуваемыми вѣтромъ. Вѣроятно одинъ изъ негодяевъ, поставленный на стражѣ, сдѣлавъ два выстрѣла ушелъ среди высокихъ камышей и легко могъ скрыться въ нихъ. Страшковъ стыдился своего *подвига*, а кампанейцы не смотря на его приказъ и гнѣвъ, зажгли камышевыя чучела; — пожаръ освѣтилъ окрестность на нѣсколько верстъ.

— Ну гетманцы! храбрый вы народъ; но разумнаго военнаго дѣла ничего вы не знаете, — подумалъ Страшковъ — теперь на двадцать верстъ всѣ знаютъ что мы здѣсь; — бѣда да и только! —

Къ неописанному удивленію поручика, Чеснокъ казалось, былъ тоже доволенъ экспедиціею, и встрѣтилъ его съ веселымъ лицемъ.

— Браво г. поручикъ, браво, это уже по кавалерски, я самъ видѣлъ какъ вы мигомъ бросились на этотъ опасный островъ.

— Какая тамъ опасность? помилуйте В. В.

— Весьма большая.

— Да тамъ мы не нашли ни одного разбойника.

— А пучки камышу сами развѣ сдѣлались? — это только доказываетъ что гайдамаки сдѣлавъ сильный залпъ на васъ, немедленно ушли боясь преслѣдованія; — но мы ихъ отыщемъ.

— Залпъ? — нѣтъ, кажись только два выстрѣла было сдѣлано и мнѣ право совѣстно...

— Разумѣется, разумѣется, — вы скромный молодой человѣкъ... но я сей часъ буду писать къ г. оберъ-коменданту о вашемъ подвигѣ.

— Развѣжъ вы посылаете парочнаго въ крѣпость св. Елисаветы?

— Сію минуту даже, и вы можете быть увѣрены, что я не премину изобразить вашу храбрость и ваше усердіе самолучшимъ образомъ. —

Хотя Страшковъ весьма посредственно радовался своему подвигу — но мысль, что похвалы начальника, даже начальника «иррегулярныхъ» войскъ, дойдутъ до слуха Селестины, — не дала ему охоты спорить съ полковникомъ;... онъ просилъ только позволенія приложить къ пакету и свое письмецо. Чеспокъ охотно согласился. Поручикъ вышедъ на берегъ, въ письмѣ на имя коменданта, котораго любилъ какъ отца, послалъ слѣдующую записочку и своей невѣстѣ. —

«Милая Селестина! мы уже на половинѣ нашей экспедиціи; — сегодня мы ее серьезно начали; но когда будетъ конецъ, — одинъ Богъ вѣдаетъ. Завтра идемъ опять въ дѣло, стольже не важное какъ и сегодня; но молись Богу о твоемъ вѣрномъ «Gabriel;» — да сохранитъ онъ

меня и приведетъ благополучно къ тебѣ. Но если случится, что я долженъ буду оставить кампанейцевъ и перейти за границу — не безпокойся. — Богъ милостивъ и сохранитъ меня... для любви и для счастія. Молись, молись за меня и думай иногда о твоемъ вѣрномъ другѣ — который день и ночь думаетъ и молится только о тебѣ.» —

Страшковъ самъ не зналъ почему онъ больше думалъ о молитвѣ, чѣмъ о любви своей и прощаясь, даже не назвалъ себя «женихомъ.» Онъ просилъ нарочнаго привезть ему отвѣтъ въ Гардъ, обѣщавъ не менѣе рубля на водку. Это обѣщаніе показалось козаку такою щедростью, что онъ снявъ шапку, почесалъ затылокъ и сказалъ :

— Рубля! — колыбъ хоть гривну теперь. —

— Изволь — вотъ гривна, но смотри привези отвѣтъ.—

На другой день не смотря на всѣ усилія полковника и поручика, кампанейцы и Запорожцы не прежде поздняго утра собрались въ экспедицію. Лодки вошли въ рѣку близъ «*Голубиной-скалы*» и пустились къ Мигеѣ. Ночь застала ихъ едва на десятой или двѣнадцатой верстѣ, а уже всѣ люди были, или «казались» утомленными. Отдохнувъ съ полчаса пустились дальше, и поровнявшись съ первою громадою скалъ тянувшихся во всю ширину долины, увидѣли что воды мало и что большіе дубы съ пушками, дальше идти не могли. Одна только длинная лодочка на которой былъ Страшковъ и нѣсколько охотниковъ, съ трудомъ была причалена къ одной скалѣ. Но едва люди выскочили на берегъ, какъ вода унесла лодку и разбила ее въ дребезги.

— Ну, дурной знакъ для насъ, — сказалъ Степанъ, блѣдный какъ смерть и едва держась на погахъ.

— Не знаю что съ тобою сдѣлалось Степанку — ты весь дрожишь какъ въ лихорадкѣ; намъ же лучше, мы будемъ первые здѣсь и первые получимъ... —

Залпъ ружей изъ сосѣдняго островка прервалъ его рѣчь и Страшковъ, пораженный пулею, упалъ въ воду. Степанъ бросился было тудаже, — но кто-то схватилъ его за руку — потянулъ за собою и они скрылись между порогами. Шумъ воды скрылъ ихъ бѣгство.

Изъ числа охотниковъ, кромѣ поручика только одинъ козакъ былъ раненъ; они немедленно отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ мушкетовъ — по другаго по нимъ залпа не было и они успѣвъ еще разъ зарядить свои ружья старались взобраться на верхъ островка. Другіе люди постепенно туда пробирались, бросаясь вплавъ или хватаясь за корни деревьевъ и даже за камышъ, и такимъ образомъ небольшой островокъ былъ унизанъ козаками. Полковникъ съ саблею въ рукахъ, весь исцарапанный и оборванный отъ камней и терновника, съ трудомъ держался на влажныхъ скалахъ — но ни живой души не было. Съ другихъ пороговъ ни звука не было слышно, кампанейцы и тамъ шарили напрасно. Даже слѣдовъ людей, стрѣлявшихъ по первомъ каюкѣ не нашли. Наконецъ открыли кучу сгнившихъ рогожъ и овчинъ, — разрыли ее и нашли тамъ давно убитаго человѣка, совершенно почти истлѣвшаго, въ простой бурой свиткѣ и лаптяхъ. Подлѣ него лежалъ драгунскій карабинъ, весь покрытый ржавчиною и пустые патроны. Чеснокъ узнавъ о паденіи въ воду

Страшкова, послалъ двѣ лодки ему на помощь, но весь день прошелъ и ни его, ни проводника не нашли и положили что они навѣрно утонули, и что тѣла ихъ вода понесла внизъ. —

— Жаль молодца, очень жаль, — печально замѣтилъ полковникъ — но судьбы войны, судьбы Божіи! пане Кириловичъ! — Заройтека этого горемыку подальше въ землю, помолитесь Богу — а намъ дайте хоть по чаркѣ водки. На вѣки отъ воды отвращеніе получу. —

Кампанейцы дружно взялись за дѣло — съ трудомъ вырыли небольшую яму, положили туда безобразное тѣло, прикинули камнями и спѣли надъ могилою въ одинъ голось, дружно и усердно: «вѣчная память!» — Тогда уже распивъ бочепокъ водки, — взятый про всякій случай изъ Гарду — съ громкими кликами ура! какъ-бы послѣ знаменитой побѣды, сѣли на лодки и возвратились въ обозъ. —

— Ну господа, замѣтилъ Чеснокъ, вы видите что гайдамакъ нигдѣ нѣтъ, а и тѣ что были всѣ ушли, отъ страху нашего оружія. Дальше папство Низовое само уже съ ними справится — а намъ пора домой. Перепочуемъ да и въ обратный путь. Пане Краснокутскій — нечего дѣлать, возьмите хоть вы перо да напишите рапортъ «объ окончаніи кампаніи.» Жаль намъ бѣднаго поручика, славный онъ малый, даромъ что «регулярство.»

— И точно молодецъ, и ласковый какой, даромъ что изъ «московскихъ» панычей.

— И славно пишетъ, пане Кириловичъ, не намъ братику чета! —

Такова была надгробная пѣснь несчастному Страшкову. Судьба его не была извѣстна... рыбаки всю ночь и на другой день искали тѣла его напрасно.

Между тѣмъ полковникъ, усѣвшись спокойно въ разбитой на берегу палаткѣ, продиктовалъ своему молодому старшинѣ разныя бумаги, изъ которыхъ одну помѣщаемъ въ цѣлости. Она была адресована къ кошевому Бѣлицкому и довольно любопытна :

«Высокородній и высокопочтеннїй г. Сѣчи Запорожской кошевой атаманъ!

«Вчерашняго дня начавъ я по рѣкѣ Бугу, отъ острова прозываемаго *Кривымъ*, искать гайдамакъ вездѣ по удобнымъ, къ скрытію оныхъ гайдамакъ мѣстамъ, тожъ и по ту сторону Бугу, по показанію Вашего Высокородія въ притынѣ зовомомъ *Романовкою* и въ *прочихъ* мѣстахъ, до учрежденныхъ къ искорененію гайдамакъ вашихъ козачьихъ дистанцій, искаемо было, точію нигдѣ какъ на сей сторонѣ рѣки Бугу такъ и по той не сыскано. Только на Мигеи найденъ по живой пострѣленный человѣкъ, двѣ дежи соломенныхъ и нѣсколько десятковъ овчинъ гнилыхъ. А потому въ силу высокихъ Е. С. ясневельможнаго нашего Гетмана ордеровъ, въ обратный путь, по Слободской межѣ возъимемъ дорогу.»

«Сентября 6 1758 года. Полковникъ *Василь Чеснокъ*[1]).»

---

[1]) Списано почти буквально съ подлиннаго документа, съ измѣненіемъ года и числа, по обычной поэтической «вольности» (licentia poetica).

Неужели въ самомъ дѣлѣ гайдамакъ на островѣ Мигейскомъ уже не было, — а несчастный Страшковъ погибъ въ рѣкѣ невозвратно? — Объ этомъ узнаемъ быть можетъ послѣ, а теперь просимъ читателей возвратиться на время въ крѣпость и посмотрѣть: что дѣлаетъ прекрасная пуританка Селестина и ея болѣзненный отецъ.

VII.

Съ отъѣздомъ Страшкова, всѣ радости, или лучше сказать единственная радость въ жизни прекрасной Селестины, исчезла. Бѣдная дѣвушка и такъ уже одинокая, на чужой землѣ, въ отдаленной пограничной крѣпости, потеряла искренняго друга и покровителя въ такую минуту, когда его присутствіе было наиболѣе нужно не только ей самой, но и всему ея семейству. Всякій день здоровье, а особенно моральныя силы инженера болѣе и болѣе ослабѣвали; его жена, казалось, чахла вмѣстѣ съ нимъ, какъ бы забывая о существованіи дочери — сироты при живыхъ родителяхъ. Несчастная мать столько лѣтъ страдавшая отъ холодности и строптивости мужа, но всегда равно нѣжно его любившая, теперь, когда большое и столь неожиданное горе постигло его — предметъ всѣхъ ея обожаній — привязалась послѣдними нитями жизни къ одру страдальца. Такъ прошло дней пять или шесть и Селестина напрасно ждала коменданта, ко-

торый по обѣщанію Страшкова, долженъ былъ посѣтить ея отца чтобы говорить о ея будущности. Невольныя слезы орошали ангельское ея личико всякій разъ, какъ она поглядывала на туманъ утренній, висѣвшій надъ крѣпостью;... всякій день она утѣшала себя мыслію: что еще до вечера далеко и Глѣбовъ зайдетъ къ нимъ. Но день за днемъ проходилъ и ни вѣсточки отъ милаго, ни извѣстій отъ коменданта. Разъ, правда, лучь надежды мелькнулъ для нея и то не на долго. Подъ вечеръ седьмаго дня послѣ отъѣзда поручика, она сидѣла у отворенныхъ дверей и занималась работою, безпрестанно падавшею изъ ея рукъ, когда увидѣла что кто-то весьма поспѣшно бѣжалъ надъ Ингуломъ а послѣ и для сокращенія пути, взбирался прямо по обрыву къ ея дому. Сердце ея сильно забилось — особенно когда въ неуклюжемъ и грязномъ мальчикѣ, неловко влѣзавшемъ по глинищу и безпрестанно падавшемъ, она увидѣла своего вѣрнаго меркурія — Мишку. Она встала, выбѣжала изъ дому и въ минуту, когда онъ въ двадцатый разъ опускался внизъ съ глыбами земли, подала ему руку и помогла взобраться на возвышеніе.

— А это вы барышня? — здравствуйте! какъ ваше здоровье?

— Слава Богу мой милый — ну что, нѣтъ ли чего нибудь новаго?

— Какъ новаго? — развѣ вы что-нибудь знаете?

— Я ничего, но я хотѣла бы узнать отъ тебя, не слышно ли чего-нибудь о Гаврілѣ Петровичѣ?

— Ничего-съ нѣтъ-съ. А какъ ваше здоровье?

— Слава Богу, хорошо; но не знаешь ли...

— Я? — я слава Богу тоже здоровъ...

— Но я видя тебя бѣгущаго, подумала, что ты принесешь мнѣ какое-нибудь извѣстіе о своемъ барынѣ?

— Такъ-съ... т. е. о барынѣ... Но изволите видѣть я, какъ баринъ уѣхалъ, цѣлый день проплакалъ: зачѣмъ дескать меня онъ не взялъ съ собою? — кто ему (тутъ онъ заплакалъ) сапоги тамъ вычиститъ, паричекъ напудритъ?... — а послѣ и легъ спать и проспалъ еще денекъ. А тамъ скучно стало и пошелъ въ казарму къ нашимъ карабинерамъ. А они меня немножко подпоили, — вотъ я не ѣвши и одурѣлъ и опять проспалъ весь день. А вчера я ходилъ къ коменданту — но простоялъ все утро въ передней, ожидая какъ онъ выйдетъ, чтобы спросить о барынѣ.

— И чтожъ дождался?

— Дождаться то я дождался — но испугался и не смѣлъ спрашивать Его Высокородіе.

— Ахъ ты простакъ; — ну чтожъ дальше?

— Вотъ сегодня я ободрился и пошелъ прямо въ канцелярію — а тамъ надо мною шутить изволятъ; одни говорятъ — всѣ это писаря барышня, — одни, что его рыбы съѣли на Бугѣ, другіе что у его лошади хвостъ отвалился и онъ ищетъ его по степи... Ну можно ли, посудите сами, чтобъ у *Барсука*, такъ зовутъ нашу лошадку, хвостъ отвалился?...

— Да не въ томъ дѣло милый — но ты вѣрно пришелъ же за чѣмъ-нибудь сюда?

— Какъ же, какъ же, — почесывая голову сказалъ Мишка, — да вотъ и забылъ на этой проклятой горкѣ...

нѣтъ, нѣтъ вспомнилъ — я бѣжалъ у васъ спросить, не слыхали-ль вы барышня чего-нибудь про Е. Б. г. поручика? —

Бѣдная Селестина едва не заплакала, видя что ея надежды несбылись... но видъ слуги столь привязаннаго, на свой ладъ, къ ея жениху, немного ее утѣшилъ... — Поди сюда дружокъ, я тебѣ дамъ стаканчикъ пива.

— Очень благодарю, да я что-то еще хотѣлъ вамъ сказать — да опять упомнилъ... — Славное пивцо, ей Богу славное, дай вамъ Богъ царство небесное — т. е. доброе здоровье, хотѣлъ я сказать. Счастливо оставаться сударыня, много кланяюсь.

— Прощай, — сказала Селестина печально и медленными шагами возвратилась домой. Но не успѣла еще затворить дверь, какъ Мишка безъ шапки, которую потерялъ на ходу, стремглавъ бросился къ ней и сказалъ:

— Ну теперь вспомнилъ, слава Богу, а то писаря и даже адъютантъ опять смѣялись бы надъ Мишкою.

— Ну чтожъ ты вспомнилъ дружокъ: — скажи скорѣе...

— А то что г. комендантъ, Е. В. Алексѣй Ивановичь, знаете, приказали: дескать скажи полковнику, или полковницѣ, или барышнѣ, т. е. вамъ, Цѣлостинѣ Георгіевнѣ, что дескать Е. В. завтра пожалуютъ сюда.

— Неужели! — вскрикнула Селестина — спасибо другъ, спасибо — на тебѣ полтину на водку.

— Завтра, — вотъ опять забылъ — иль послѣ завтра.

— Ну хорошо — молчи; но что это за люди идутъ сюда съ драгуномъ? — Ахъ господи всемогущій! — пе-

ужели я ошибаюсь? — да это тотъ вахмистръ или капралъ, что здѣсь былъ съ поручикомъ, что кажется и поѣхалъ съ нимъ.

— Да это Бабкинъ! — Бабкинъ ура! вѣрно и баринъ съ нимъ — ура! ура!

— Нѣтъ Миша, барина нѣтъ, я одинъ.

— Боже, Боже! — сердце такъ и сжимается — скажи поскорѣе живъ ли онъ? —

Въ это время приблизился пѣшкомъ, въ дорожномъ еще костюмѣ, и увы! съ давно не фабренными усами и сильно «отъ невинныхъ наслажденій» покраснѣвшимъ носомъ, старый нашъ знакомый капралъ Бабкинъ; — за нимъ слѣдовали двое мужчинъ и женщина, закрытая фатою, по обычаю того времени; — тогда шляпки носили рѣдко и то въ столицахъ.

— Здравія желаемъ В. Б. — много лѣтъ здравствовать!

— Здравствуй, здравствуй любезный, — а скажи... живъ ли г. поручикъ?

— Какъ же, живъ-съ; — а позвольте спросить В. Б. какъ изволите здравствовать?

— Гдѣжъ онъ, гдѣ г. Страшковъ?

— То-есть поручикъ, изволитъ здравствовать и отправился дальше.

— Куда дальше?

— Не могимъ знать В. Б. — не изволили сказывать.

— И никакихъ порученій не далъ тебѣ... къ здѣшнимъ жителямъ...

— Къ здѣшнимъ жителямъ?... никаксъ нѣтъ, а къ

коменданту есть рапортъ, что мы и отдали сей часъ, вотъ этотъ г. купецъ, да я.

Селестина поклонилась, Нѣмцы тоже.

— И больше ни къ кому изъ его знакомыхъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, а сказалъ только чтобъ я изволилъ — т. е. чтобъ я не баловалъ Мишку...

— Добрый баринъ, ахъ баринъ! — и Мишка давай охать и плакать...

— И чтобъ его при случаѣ и потузить.

— Охъ баринъ мой! баринъ добрый!...

— Но любезный, скажи мнѣ еще — съ тоскою невыразимою сказала Селестина, — не ужели онъ не приказалъ кланяться... ни батюшкѣ ни матушкѣ?...

— Никаксъ нѣтсъ...

— Ну такъ прощай мой любезный — сквозь слезы произнесла она, — зайди сюда послѣ, я тебѣ дамъ на водку — а теперь я такъ разстроена — что едва могу говорить.

— Счастливо оставаться В. Б.

Селестина отвернулась чтобы скрыть свою горесть,— но невольная тоска ее остановила, ей захотѣлось взглянуть еще разъ на человѣка сопровождавшаго столь дорогого для нея Страшкова... обернувшись, она увидѣла что Бабкинъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и съ отчаянія крутитъ усы — а Нѣмецъ ему что-то говоритъ.

— Что ты еще здѣсь? — не нужно ли тебѣ чего-нибудь?

— Никаксъ нѣтъ — но изволите видѣть я еще не все исполнилъ, что было приказано по командѣ.

— Ну такъ иди же скорѣе.

— Да команда-то здѣсь.

— Какъ здѣсь.

— Здѣсь В. Б. — вотъ мнѣ поручикъ далъ еще записку къ вамъ... то если прикажете... —

Щеки Селестины зардѣлись, глаза засверкали молніею и она не взяла а вырвала записку — Боже мой а ты не говоришь ничего — и не отдаешь до сихъ поръ письма добраго друга нашего, Гавріила Петровича!

— Вы не изволили требовать и я не смѣлъ самъ отдать... но. — Нѣмецъ не смотря на свое обычное терпѣніе не могъ долѣе выдержать. —

— Г. сержантъ — не можно ли сказать мнѣ: эта ли барышня Фонъ-Кремеръ, или нѣтъ?

— Не могу знать.

— Ктожъ это такая?

— Это дочь полковника, та къ которой г. поручикъ приказалъ проводить васъ, или къ ея отцу, полковнику.

— Ну, такъ это она. — Миръ дому вашему gnädiges Fräulein! —

— Ахъ Боже мой, вы говорите по нѣмецки! — здравствуйте mein Herr, — сказала она тоже по-нѣмецки — вы кого желаете видѣть?

— Мы пришли сюда по совѣту благороднаго поручика, котораго встрѣтили на дорогѣ и который намъ далъ этого проводника.

— Милости просимъ въ домъ нашъ; но съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я недостойный членъ братства баптистовъ въ Пруссіи, Іоганъ Шуртеръ изъ Маріенбурга.

— Боже милосердый! какое счастіе, — а то вѣрно вашъ сынъ?

— Мой будущій, нареченный сынъ — г. Кнорре — младшій; а это Клара моя дочь; — дѣвушка сняла покрывало и Селестина взявъ ее за руку нѣжно поцѣловала.

— Пожалуйте сюда; — мой бѣдный отецъ такъ боленъ что никого не узнаетъ, но васъ братьевъ — почти по вѣрѣ, увидитъ съ радостью.

— Мы съ нимъ старые знакомцы — вы ему только скажите про Іогана Шуртера и отца его, теперь на лонѣ блаженства пребывающаго, Фридриха Франца Шуртера, — а онъ и на краю могилы вспомнитъ про насъ, своихъ друзей.

— О какое счастіе сегодня для насъ! — войдите скорѣе, войдите милая Клархенъ, мы будемъ добрыми друзьями, не правда ли?

— Охотно, очень охотно... если отецъ мой и братъ на то позволятъ.

— Мы очень рады — мы всѣ братья о Христѣ. —

— Бабкинъ, зайди ко мнѣ послѣ; я у тебя въ долгу — но у меня теперь денегъ нѣтъ — а я желала бы тебѣ дать на водку.

— У меня есть деньги — отвѣчалъ Мишка переваливаясь съ ноги на ногу, отъ удовольствія, — и мы зайдемъ къ Лейбѣ закусить.

— Счастливо оставаться В. Б.! — громче и уже съ

удовольствіемъ произнесъ Бабкинъ, и вздохнувъ подобно кузнечному мѣху, какъ бы освобожденный отъ большой тяжести конь, помчался за бѣгущимъ Мишкою.

Селестина побѣжала впередъ чтобъ извѣстить мать о столь дорогихъ для отца гостяхъ, а между тѣмъ украдкою нѣсколько разъ цѣловала письмецо Страшкова — не смѣя еще насладиться его чтеніемъ. Когда мать сообщила инженеру о пріѣздѣ Меноннстовъ, страдалецъ долго не могъ прійти въ себя отъ радости, но постепенно опомнившись, приподнялся съ постели и какъ бы оживленный чувствомъ свыше, произнесъ довольно внятно : — Шуртеръ! скорѣе, — Шуртеръ! — теперь умру охотно на лонѣ братьевъ моихъ, исповѣдниковъ истинной вѣры! —

Старые друзья нѣжно пожали другъ у друга руки и долго смотрѣли одинъ на другаго не спуская глазъ. Инженеръ изнеможенный тѣломъ и духомъ, даже заплакалъ.

— Давно мы не видались — кротко и тихо сказалъ старшій Меноннстъ — мы оба сильно измѣнились; молодость, надежды, мечты, все прошло... только бренное тѣло осталось... Слава Богу что еще душа безсмертная — частица его высокой благодати, — не измѣнилась.

— Увы братъ — прошепталъ Кремеръ — у меня тяжкое бремя на сердцѣ... и я радъ, что на краю могилы нашелъ тебя, такъ близкаго по нашему духовному братству. Напитай меня святымъ и духовнымъ хлѣбомъ.

— Изволь — но не лучше ли намъ остаться однимъ.

— Mutter, — иди отдохнуть — сказалъ онъ на ухо

женѣ своей — ты уже нѣсколько дней не спишь... а ты Марія, угости милую дѣву нашего роднаго Сіона. —

Двѣ дѣвушки низко поклонились и вышли; — жена еще разъ поцѣловавъ руки мужа, прикрыла его ноги одѣяломъ удалилась тоже, пошатываясь какъ лоза и отъ тѣлесной усталости и отъ душевной скорби.

Младшій Меноннстъ приподнялъ полковника, усадилъ его въ подушкахъ, досталъ библію и вручилъ ее своему будущему тестю; самъ же надѣлъ шляпу, сѣлъ на стулъ, сложилъ руки на груди и закрывъ глаза, устремилъ все свое вниманіе на восторженную рѣчь своего старшины духовнаго.

Шуртеръ прочиталъ прежде гимнъ своего братства на текстъ 101 псалма Давидова :

«Господи! услыши молитву мою и вопль мой, да «пріидетъ предъ тобою!» Потомъ весьма удачно изобразилъ онъ этотъ вопль скорби и раскаянія :

«Какъ дымъ исчезли дни мои и кости мои обожжены «какъ горнило.»

«Подсѣчено, какъ трава и изсохло сердце мое, такъ «что я забылъ ѣсть хлѣбъ мой...»

«Не сплю а сижу какъ одинокая птица на кровлѣ.»

Взявъ наконецъ за тему назиданія : «блажени плачущіи и страждущіи ибо тіи утѣшатся» — онъ импровизировалъ одну изъ тѣхъ краснорѣчивыхъ проповѣдей, къ которымъ такъ способны всѣ энтузіасты преслѣдуемыхъ и страждущихъ религіозныхъ сектъ, но къ совершенству которыхъ недостаетъ только болѣе теплой вѣры въ

Божіе откровеніе, заступничество Божіей Матери и святыхъ его угодниковъ!

Прижавъ руки къ сердцу и безпрестанно окропляясь слезами, инженеръ слушалъ съ особеннымъ благоговѣніемъ; лишенный столь долго назиданія словомъ Божіимъ и по упрямству, отчужденный отъ гласа молитвы въ церквяхъ православныхъ, — онъ искренно началъ раскаяваться и въ порочныхъ мысляхъ своего сребролюбія и въ той несправедливости, которою отравилъ жизнь благородной своей супруги. — Такъ всегда плодоносна искренняя молитва!

Между тѣмъ Селестина привела новую гостью въ свою комнату, усадила на небольшомъ диванчикѣ и приказавъ Сусаннѣ,— выходившей изъ себя отъ восхищенія при видѣ новой «свѣжей» *Нѣмки,* какъ старушка выражалась, приготовить хлѣба, кофе и хорошихъ сливокъ и заняться угощеніемъ единоземки, — сама подъ предлогомъ хозяйственныхъ заботъ выбѣжала на минуту въ садикъ, чтобы хоть разъ прочитать страстное письмецо милаго друга своего и покрыть его еще разъ горячими поцѣлуями. По возвращеніи, она съ жаромъ дружбы занялась Менонистскою и скоро сдружилась съ нею. Въ Кларѣ Шуртеръ, она нашла любезность европейской дѣвицы хорошо воспитанной, довольно образованія и кротость горлицы. Намекнувъ ей осторожно о молодомъ Кнорре, ея женихѣ, Клара отозвалась о немъ съ почтеніемъ, дружбою и такимъ спокойствіемъ, что добрая Селестина искренно ей позавидовала.

— О господи!—подумала она—чтобъ далъ я, еслибъ

мой Gabriel сидѣлъ рядомъ съ отцемъ моимъ, слушалъ его благочестивыя рѣчи; — исполнялъ всѣ его прихоти даже, среди любви ко мнѣ и къ нему! — Но видно такова ужъ воля Божія! — и невольно слеза, горячая какъ пламя выкатилась изъ ея глазъ... Клара въ свою очередь сдѣлалась утѣшительницею подобно отцу... скоро узнала всѣ тайны Селестины и крайне изумилась узнавъ, что Страшковъ познакомился съ нею самъ, даже не бывъ знакомъ и представленъ ея отцу.

— Я не могу никакъ понять этого. Я даже не знала что Кнорре есть на свѣтѣ — пока отецъ мой не привелъ его послѣ проповѣди къ намъ и не сказалъ: — «Клара вотъ нареченный сынъ мой, — братъ Кнорре-младшій, сынъ стараго друга моего; — полюби его какъ будущаго супруга и господина.» —

— И ты его полюбила?

— Да, полюбила; — теперь онъ моя цѣль и моя жизнь; моя душа его душа; моя кровь его кровь; я готова сказать ему какъ говорила Руѳь Неемiи: «твой народъ будетъ моимъ народомъ, твой Богъ моимъ Богомъ, гдѣ ты умрешь и я умру — и кости мои лягутъ около твоихъ костей!»

— О да благословитъ тебя Богъ! и да сохранитъ твое сердце въ этой тишинѣ во всю жизнь! Мы уже довольно настрадались съ матушкою. — И теперь, я не знаю почему, сердце мое вовсе не радуется, а всегда предчувствуетъ много горя... Скажи, ты видѣла моего друга?...

— Видѣла, и на лицѣ его ясно изображалась частица небесной благодати; только послушай: хотя онъ

казалось скорбѣлъ за тобою, но былъ юноша пылкій, честолюбивый: — глаза его сверкали, черныя брови судорожно сжимались, онъ жаждалъ войны, славы, звука трубъ и оружія... Нѣтъ я не могла бы имѣть дружбы и любви къ нему; — я бы скорѣе боялась его гнѣва, огня.

— О милая Клара — эта-то боязнь и есть настоящая любовь! — Она живымъ пламенемъ проникаетъ въ наше робкое сердце. Грудь томится въ восторгѣ при взглядѣ на то яркое свѣтило, которое мы видимъ во взглядѣ милаго, Богомъ посланнаго, юноши.

— Быть можетъ, — но я бы всегда боялась, чтобы это свѣтило не было палящимъ зноемъ, отъ котораго сохнетъ трава и изсякаютъ ключи воды животворной! —

Селестина ничего не отвѣчала, но все держала руку у сердца, какъ бы желая удержать его судорожное біеніе.

— Другъ мой Клара, будь моею сестрою;... твоя кротость, твоя вѣра и даже спокойствіе уменьшатъ мою скорбь... Мои глаза въ вѣчномъ огнѣ, въ ушахъ моихъ раздается всегда какой-то зловѣщій звукъ, похожій на гулъ колоколовъ, — когда здѣсь у Русскихъ зовутъ на молитву по усопшихъ.

— Успокой себя тоже молитвою, молитвою вѣрныхъ, избранныхъ Его дѣтей; — у меня есть собраніе гимновъ нашего блаженнаго учителя Симеона — хочешь? я прочитаю тебѣ.

— Спасибо добрая сестра, но я не могу теперь думать о молитвѣ; — я чувствую такую тяжесть на сердцѣ... и сама не знаю отъ чего; — все боюсь чего-то. —

Легкій стукъ раздался у внѣшнихъ дверей — Су-

сапна отворила и немедленно вбѣжала въ компату Селестины.

— Какой-то офицеръ пришелъ.

— Проси въ гостинную. —

Сусанна вышла, а Селестина отерла слезы, и пожавъ руки новаго друга, вышла въ небольшую комнату убранную цвѣтами и простыми коврами, которую пазывали по обычаю *гостинною.* Тамъ нашла она уже не молодаго офицера, который объявилъ, что онъ адъютантъ изъ крѣпости и присланъ отъ оберъ-коменданта къ полковнику.

— Батюшка такъ боленъ что едва ли можетъ принять васъ; — да теперь и запятъ святымъ дѣломъ... Но если вамъ угодно присѣсть и сдѣлать мнѣ честь объявить мнѣ волю вашего пачальника... то...

— Очень могу — это не секретъ — Е. В. Алексѣй Ивановичь, — собирается скоро отсюда уѣхать... куда? мы еще не знаемъ, — но желаетъ до отъѣзда повидаться съ почтеннѣйшимъ вашимъ родителемъ, если можно завтра утромъ, чтобы сообщить ему какое-то довольно нужное дѣло.

Смертельная блѣдность покрыла лице дѣвушки, она затрепетала невольно, но превозмогла свое смущеніе и сказала тихимъ голосомъ...

— Попросите г. бригадира заѣхать къ намъ завтра, часовъ около десяти — я предупрежду батюшку, и мы увѣрены что онъ съ удовольствіемъ увидитъ столь добраго человѣка какъ г. комендантъ. —

Адъютантъ раскланялся, а Селестина подождавъ

когда проповѣдь кончилась, сообщила отцу, — вся дрожа — посланіе Глѣбова. Къ невыразимому ея удивленію полковникъ слабо улыбнулся и сказалъ что онъ непремѣнно увидитъ комендапта, имѣя и самъ дѣло къ нему.

Нѣмцовъ, дорогихъ гостей, пригласили остаться на житье у полковника, а Селестина усердно хозяйничая вмѣсто матери, накормила ихъ настоящимъ Нѣмецкимъ ужиномъ и отвела въ комнату для нихъ приготовленную, въ которой помѣщалась прежде мастерская ея отца. Клара же поселилась въ комнаткѣ Селестины.

VIII.

Всю ночь Селестина не могла сомкнуть глазъ; ни молитва, ни размышленіе не помогали; она встала съ постели, накинула мантилью и сѣвъ у раствореннаго окна, вдыхала въ себя свѣжій воздухъ приближавшагося лѣта и склоня голову на руку, горько плакала. — «Странная моя участь! Отецъ изнемогаетъ на одрѣ болѣзни, мать чахнетъ какъ нѣжное дерево среди зимы и я всякій часъ жду что останусь спротою! — А лучшій другъ мой, единственный другъ, котораго послало мнѣ провидѣніе, далеко отсюда — въ борьбѣ съ опасностями и трудами! Да живъ ли онъ еще?... быть можетъ раненъ! О страшная мысль!» — и бѣдная дѣвушка хотя воспитанная въ строгомъ пуританизмѣ пала ницъ и долго молилась. Эта жаркая молитва облегчила ее — она взяла свою лампу, подошла тихонько къ ширмамъ отдѣлявшимъ постель меноністки отъ остальной комнаты, — и не могла оторвать глазъ отъ этого отраднаго зрѣлища... Молодая

Нѣмка спала тихо и спокойно, какъ пятилѣтнее дитя;— легкій румянецъ игралъ на щекахъ, прикрытыхъ бѣлокурыми локонами, какъ прозрачнымъ туманомъ, — изрѣдка кроткая улыбка появлялась на устахъ.

— Спи, спи спокойно дитя счастія! — дай Богъ чтобы горести жизни не прервали твоего покоя подобно мнѣ. О чтобы дала я, за нѣсколько часовъ такого тихаго спа и такой тихой жизни!! —

Кукушка на часахъ ударила три раза — ахъ! еще семь часовъ ждать до прибытія бригадира, сказала Селестина. Прилягу на минуту... не дастъ ли Богъ хотя мгновеннаго отдохновенія. Она помолилась еще разъ — взяла въ руку письмецо Страшкова, еще разъ поцѣловала его и скоро заснула.

Но и сонъ ея былъ зеркаломъ волненій душевныхъ, возмущавшихъ эту милую дѣвушку... Послѣ разныхъ неясныхъ видѣній ей показалось что она разсматривала какую-то картину; нѣтъ не картину, а что-то въ видѣ Гобеленовыхъ обоевъ, безмѣрной величины которыя изображали охоту. Всѣ фигуры, люди, звѣри и даже деревья были въ движеніи и зрѣлище измѣнялось безпрестанно. Утомленная этими мигающими фигурами, она казалось усѣлась на берегу довольно большой рѣки, закиданной камнями и глядѣла на воду клокотавшую между ними. Вдругъ глаза ея поражены были какимъ то знакомымъ зрѣлищемъ — какъ бы картинкою, которую она видѣла у отца. Это былъ Прометей прикованный длинною цѣпью къ скалѣ — котораго не одинъ а многіе вороны терзаютъ... Жаль ей сдѣлалось страдальца и она болѣе и болѣе

вперяла свои очи въ это зрѣлище... Но что съ ней сталось, когда въ Прометеѣ узнала своего друга, милаго своего Гавріила, прикованнаго къ столбу или мачтѣ, — котораго какой-то бородачь погонялъ шестомъ или палкою! Ужасъ оковалъ ея члены, она хотѣла броситься въ рѣку чтобы идти къ нему на помощь, — но силы ей измѣнили... Ей чудился отдаленный гулъ воды и жалобные вопли, среди которыхъ имя Селестины раздавалось тягостнѣе нежели всѣ другіе... и она проснулась. День ярко и весело свѣтилъ въ окно — Менонистка совсѣмъ одѣтая стояла у ея постели и заботливо на нее глядѣла. Комнатка уже была прибрана и голосъ Сусанны раздавался въ кухнѣ какъ разбитый колокольчикъ. —

— Ахъ милая, — какъ я долго спала.

— Да, уже семь разъ ударили ваши часы; — вставай, день такой свѣтлый и пріятный; — мы хотимъ пить кофе на дворѣ, — даже отцу твоему лучше.

— Слава Богу! — слава Богу, — но молись Клархенъ; молись за насъ — я видѣла такой сонъ!!...

— Что ты говоришь? кто можетъ молиться за другихъ?... Едва молитвы всей нашей жизни станетъ чтобы умолить небо о дарованіи намъ прощенія и вѣры въ его благодать. —

Холодная рѣчь подруги совершенно привела въ чувство Селестину. Она живо встала, зачесала тщательно свои волосы, перевязала ихъ посреди чела голубою ленточкою, которую такъ любилъ Страшковъ; живо одѣлась, надѣла даже бѣлый передникъ съ голубыми лентами, а на шею золотую цѣпочку съ медальономъ матери. Ме-

ионистка грустно смотрѣла на этотъ туалетъ и слегка кивала головою : —

— Какъ ты хороша сестрица въ этомъ нарядѣ !... но все это суета и ведетъ къ грусти и страданіямъ. Мы, смотри, весь годъ не измѣняемъ вотъ этого наряда и только въ день Божій — день субботній, — надѣваемъ чистое бѣлое покрывало, или косынку, въ знакъ невинныхъ чувствованій нашихъ въ такой святый день. Впрочемъ это не мое дѣло. —

Сусанна позвала ихъ къ полковнику. Инженеръ болѣе и болѣе изнемогавшій тѣломъ, — лёгкія были видимо повреждены, — казался однакожъ спокойнѣе и даже веселѣе духомъ. Когда дочь по обычаю его секты стала предъ нимъ на колѣни, онъ нѣжно благословилъ ее и далъ руку для поцѣлуя.

— Моя дочь — моя Марія, — говорилъ онъ почти шопотомъ : — когда прійдетъ бригадиръ — приведи его сюда и оставъ насъ однихъ; братъ Шуртеръ на цѣлый день уѣдетъ отсюда съ своимъ сыномъ, и вы свободно можете провести время съ милою Кларою; — ступайте; покажи ей городъ и наши глухія, но замѣчательныя своею дикостью, окрестности. —

Когда завтракъ кончился, обѣ подруги надѣвъ легкія покрывала вышли изъ дому; вдали скакали два всадника : — Селестина сей часъ узнала бригадира съ его любимымъ козакомъ. Глѣбовъ истинный Русскій бояринъ, завидя ихъ, немедленно остановился, слѣзъ съ лошади, поцѣловалъ руку у Селестины и хотѣлъ тоже сдѣлать

и у Меноністки, но та покрасѣвъ до ушей, закрыла голову фатою.

— C'est une puritaine, nouvellement arrivée — сказала Селестина, ne vous éffarouchez pas Général.

— Une colombe blanche et immaculée — извините — виноватъ. Ну каково здоровье вашего батюшки?

— Дурно, — но онъ ждетъ васъ съ нетерѣніемъ.

— И я думаю будетъ доволенъ мною;... я, вы знаете старый волокита и гуляя по саду моему, называемому *Степью* — нашелъ-вотъ этотъ букетецъ... и сей часъ для васъ его назначилъ. — А!... и вы покраснѣли подобно мадоннѣ пуританской, — такъ прощайте-жъ, до скораго, радостнаго дастъ Богъ, свиданія! —

Онъ быстро сѣлъ на лошадь, низко поклонился снявъ шляпу, и ускакалъ, оставивъ Селестину въ самомъ неописанномъ смущéніи. Вмѣсто букета онъ вручилъ ей письмо довольно обширное, по надписи котораго она уже узнала руку Странкова. Радость и неожиданность оковали ей языкъ.

— Читай сестра, читай, я не помѣшаю, вотъ прекрасное дикое миндальное деревцо и я полюбуюсь вашею флорою. —

Дѣвушка уже ничего не слыхала; она не читала, а пожирала письмо своего жениха, отправленное немедленно послѣ перваго поиска на «Кривомъ островѣ», о которомъ мы говорили прежде. Но конецъ письма привелъ ее въ невольный трепетъ: опять война, опять опаспости, — думала она ломая руки — и опять возвращеніе его на долго отложено! —

Такъ мечтательная германская красавица уже впередъ терзала себя, а еще не знала и половины своего горя! Она молча подала руку своей подругѣ, которая по свойственной Меноннсткамъ скромности, даже не изъявила любопытства знать о содержаніи письма, и они побрели по новостроющемуся у подошвы крѣпости св. Елисаветы, форштату, состоявшему тогда большею частью изъ лачужекъ и лавокъ. Раскольничьи бородки, жидовскія, хотя весьма еще рѣдкія, острокопечныя изъ лисьяго мѣху шапки и полубритыя малороссійскія головы, дѣятельно двигались по случаю приближавшейся ярмарки. Меноннсткѣ любопытнѣе всего показалась небольшая русская церковь устроенная на форштатѣ старобрядцами — и она разсматривала ее съ большимъ вниманіемъ не дѣлая изъ деликатности никакихъ замѣчаній.

— У насъ церквей нѣтъ, — сказала она, — всякій домъ, всякая семья есть храмъ Божій — лишь бы усердно молились въ нихъ люди.

— Но и у васъ бываютъ домы назначенные для молитвы и люди посвятившіе себя служенію олтаря.

— У насъ есть домы для молитвы, но такихъ людей нѣтъ, а старшіе изъ общины, одаренные чувствами благочестія и словомъ духа святаго, имѣютъ право и долгъ насыщать общину богатствомъ духовнаго хлѣба.

— А я хотя родилась отъ отца, Моравскаго брата, но привыкла къ русской церкви — мнѣ въ ней отраднѣе нежели гдѣ-либо. —

Меноннстка покраснѣла немного и ничего не отвѣчала. Но видя искренность подруги, улыбаясь сказала :

понимаю, къ мысли о Богѣ, ты присоединяешь и мысль чисто человѣческую. —

Между тѣмъ комендантъ съ веселымъ лицемъ и истинною ловкостью, пріобрѣтенною при дворѣ, вошелъ въ домъ, поцѣловалъ руку полковницы и узнавъ о здоровьи мужа, просилъ позволенія войти въ его комнату. Она немедленно туда ввела его и бригадиръ съ участіемъ пожалъ руку больнаго. Кремеръ представилъ ему Меноппстовъ и Глѣбовъ принялъ ихъ съ особеннымъ радушіемъ, повторивъ обѣщаніе помогать имъ совѣтами и предстательствомъ у высшей власти, въ случаѣ нужды. Распросивъ подробно о здоровьи полковника, онъ приступилъ къ дѣлу.

— Мнѣ бы хотѣлось сказать вамъ слова два наединѣ и если господа позволятъ... —

Меноппсты поклонились и вышли немедленно въ другую комнату.

— Вы знаете что я человѣкъ русскій и военный — то буду говорить вамъ прямо, безъ обиняковъ. Печальное состояніе вашего здоровья заставило меня поспѣшить съ объясненіемъ, которое я откладывалъ со дня на день, ожидая возвращенія главнаго лица. Но теперь нѣкоторыя важныя дѣла зовутъ меня ко двору Е. И. В. нашей великой Монархини — и я рѣшился поговорить съ вами откровенно. Я полагаю, что вы какъ человѣкъ умный и благородный, заранѣе догадались въ чемъ дѣло? —

Полковникъ молчалъ, печально потупивъ глаза и сложивъ руки на грудь.

— Вы не отвѣчаете? но я постигаю ваше затруд-

неніе и начну самъ и прямо. Дѣло идетъ о моемъ молодомъ другѣ — г. поручикѣ Страшковѣ, т. е. о капитанѣ, ибо сегодня я получилъ приказъ о его производствѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что не смотря на всѣ свои усилія онъ не могъ не только подружиться, но и сблизиться съ вами. —

Полковникъ все молчалъ и только легкія судороги двигали его блѣдными губами.

— Признаюсь вамъ, это не мало удивило меня, знавшаго всѣ его хорошія качества... Къ томужъ намѣренія его были благородны... онъ зналъ что вы были не богаты, что австрійское правительство васъ преслѣдовало, что вы зависите отъ службы нашей, — и предавъ сердце свое вашей прекрасной и вполнѣ мною уважаемой дочери, онъ не имѣлъ никакого интереса въ виду — а любилъ ее какъ слѣдуетъ благородному человѣку.

— Я... я не могу въ этомъ случаѣ ни мало пожаловаться на этого... молодаго офицера... съ трудомъ прошепталъ инженеръ.

— Надѣюсь что и сношенія его съ вашимъ домомъ были всегда деликатны?... Впрочемъ кто безъ грѣха, когда любовь залѣзетъ въ молодую голову? Сколько я могъ судить по разговору моему съ вашею дочерью, она казалось, не противна этому выбору, равно какъ и ваша благородная супруга... особенно послѣ этого несчастнаго событія...

Лице полковника сильно сжалось судорогами и кровь показалась на его губахъ. Бригадиръ остановился съ крайнимъ участіемъ и удивленіемъ.

— Быть можетъ мы отложимъ разговоръ нашъ до другаго дня...

— Нѣтъ Алексѣй Ивановичь — пусть лучше разомъ выпью эту чашу горечи – и до самаго дна... Я долженъ вамъ сказать всю правду... я не такъ бы мучился моими тѣлесными страданіями, — этою болью въ груди, которая меня сводитъ въ могилу — если бы къ тому не присоединялась мысль о благодарности къ этому господину,... впрочемъ и доброму юношѣ, я въ томъ не спорю. Но позвольте мнѣ немного напиться — я отдохну минутку и объясню вамъ всѣ мои мысли. — Послѣ тяжкаго для обоихъ молчанія онъ началъ хриплымъ, но самымъ торжественнымъ голосомъ :

РАЗСКАЗЪ ИНЖЕНЕРА.

«Г. бригадиръ! — вы человѣкъ свѣтскій и какъ говорятъ, для васъ религія послѣднее дѣло... не сердитесь, я говорю вамъ по понятію своей націи. Но я недостойный сынъ и членъ одной, изъ страдающихъ въ этомъ мірѣ христіанскихъ церквей, которая только разъ и то давно, при великомъ учителѣ нашемъ Гуссѣ, а послѣ при знаменитомъ англійскомъ полководцѣ Оливьерѣ Кромвелѣ ярко блеснула — чтобы опять быть во тьмѣ, — я братъ Моравской общины, считаю преданія и ученія нашихъ предковъ, главною цѣлью моей жизни. Наше братство должно составлять одну семью и внѣ ея, не сочетаться никакимъ родствомъ. Вы скажете что я первый измѣнилъ этому закону, женившись на Славянкѣ — правда, но и жестоко былъ наказанъ за эту апостазію, не любя ее всю жизнь и замучивъ ее какъ жертву... Вотъ послѣдствія неровнаго брака. Но другая казнь готовилась мнѣ здѣсь, и *тамъ*, за предѣлами жизни. Моя дочь, моя Марія, единое

мое сокровище, близко послѣдовало за своею матерью, — она вполнѣ предалась понятіямъ вашей церкви... опять прошу у васъ извиненія; даже, о ужасъ — (и глаза инженера заблистали), она молится за умершихъ, носитъ крестики и иконки!...[1]) Но воля Божія наказала меня и я покоряюсь. Я могъ бы еще перенести это горе, я могъ бы увезти ее отсюда во Францію, гдѣ мое братство нашло пріютъ въ Лорренѣ у короля Лещинскаго, или въ Голландію; вездѣ нашелъ бы я покровителей за деньги. Но ея привязанность къ этому врагу моего спокойствія, уничтожила всѣ мои замыслы. — Теперь,... ахъ, г. бригадиръ позвольте я еще отдохну... эта кровь не даетъ мнѣ покоя, а воспоминаніе моихъ убійцъ преслѣдуетъ меня даже здѣсь. —

Онъ остановился, бригадиръ подалъ ему чашку съ декоктомъ и пожалъ ему руку, въ знакъ участія. Глѣбовъ сожалѣлъ не только о его страданіяхъ, но и о его тяжкихъ духовныхъ заблужденіяхъ, порожденныхъ духомъ времени,— сектаторствомъ и философствованіемъ... Страдалецъ, помолчавъ немного продолжалъ :

— Но вы еще не знаете вполнѣ моего горя... Въ нашемъ братствѣ чистота нравовъ, святость супружества цѣнятся выше всѣхъ благъ земныхъ... а между тѣмъ въ нашемъ же семействѣ, въ домѣ моего дѣда произошелъ

---

[1]) Мы просимъ извиненія у благочестивыхъ читателей, напоминая, что это говоритъ ученикъ изступленной секты анабаптистовъ.

срамъ, котораго послѣдствія видно еще до сихъ поръ преслѣдуютъ насъ. Я вамъ разскажу это и вы поймете весь ужасъ моего положенія. У моего отца была сестра — не женщина, но ангелъ на землѣ. Мы были настоящіе и весьма древніе Богемскіе дворяне, и по чешски насъ звали *Ласкими*, а еще чаще *Добро-Ласкими*. Но мы любили Нѣмцевъ и отецъ даже женился на одной Нѣмкѣ, доброй христіанкѣ изъ благочестиваго рода, — вотъ этого Шуртера, котораго вы здѣсь видѣли. — Тогда мы переселились въ верхнюю Лузацію, гдѣ у отца моего было помѣстье близь Бертольдсдорфа; тамъ жилъ покровитель и преобразователь нашего братства и нашъ родственникъ, графъ Николай Цинцендорфъ. По его желанію мы назвали себя по помѣстью, Фонъ-Кремерами. Не смотря на строгость нашей вѣры, — родство съ графомъ и сношенія съ Богемскими магнатами, было причиною, что мы жили довольно богато въ сравненій съ другими братьями нашими; отецъ бывавшій во Франціи, а еще болѣе въ Берлинѣ полюбилъ внѣшній блескъ и пышность, и домъ нашъ наполнился чужими людьми. И Богемцы и Нѣмцы къ намъ приходили и къ ужасу матери, непреклонной Меноністки, занимались музыкою, пѣніемъ, игрою и даже танцами — этимъ позоромъ христіанства. Но Богъ покаралъ насъ, какъ покаралъ Іудѣевъ плясавшихъ вокругъ кумировъ, покаралъ въ перлѣ нашего рода. Въ одинъ день — страшный, злополучный день! — сестры моего отца не нашли дома; искать публично мы не могли — и годъ прошелъ прежде, чѣмъ мы узнали, что она уѣхала съ однимъ Фальцграфомъ Фонъ-Брессерномъ, камергеромъ Римскаго

Императора. Мой отецъ забывъ долгъ своей вѣры, снялъ со стѣны мечь, — съ которымъ наши предки вмѣстѣ съ незабвеннымъ *Цискою* побѣждали своихъ гонителей — поѣхалъ въ Вѣну, вызвалъ на бой обольстителя и убилъ его какъ собаку! Что сдѣлалось съ теткою, мы не знаемъ; у дѣда, главы дома и у отца, намъ и спрашивать не слѣдовало. Но возвратясь домой, упреки совѣсти, печаль о сестрѣ, холодность нашихъ соотечественниковъ, а еше болѣе горесть жены, низвели его въ могилу. Но умирая, онъ взялъ съ меня клятву, что никогда не введу иностранца въ свой родъ, какъ бы ни былъ онъ чистъ душею и тѣломъ. Я оставался въ Саксоніи и свято держалъ мой обѣтъ, но родъ Фальцграфа былъ силенъ и мы были изгнаны изъ нашей вотчины; едва спасли нашу жизнь и наличное имущество. Если бы не русскій резидентъ въ Дрезденѣ, графъ Петръ Остроміровъ, я бы нигдѣ не нашелъ пристанища. Наше братство искало убѣжища въ Россіи, — тамъ на берегахъ Волги предлагали имъ земли, но еще переселеніе ихъ не сбылось — и когда сбудется не знаю. Я былъ въ числѣ депутатовъ, посланныхъ въ Россію, но дружба Монархини вашей съ нашею гонительницею Маріею Терезіею, не обѣщаетъ намъ успѣха. Такъ попалъ я сюда. Живя съ вами я привыкъ къ Русскимъ, которыхъ считаю лучшими, нежели всѣ другіе Славяне, особенно западные; о женѣ моей и говорить нечего — она была здѣсь какъ на родинѣ. Къ довершенію горя... г. капитанъ познакомился... такъ романически съ моею дочерью, что это подѣйствовало на ея воображеніе и завело ихъ далеко... это меня терзало и убивало.

— Извините любезнѣйшій полковникъ — но я до сихъ поръ не могу понять, отъ чего знакомство или положимъ, привязанность моего молодаго друга къ вашей дочери, такъ васъ огорчаетъ. Онъ прекрасный молодой человѣкъ, храбрый офицеръ, будетъ надѣюсь не бѣденъ.

— Но развѣ это тайна, кто онъ таковъ? Развѣ я не знаю, что онъ сынъ не законный — плодъ грѣха и паденія — и чей? Даже имени родителей своихъ онъ не знаетъ!

— Неужели это одно васъ безпокоитъ? — съ радостною улыбкою спросилъ комендантъ.

— Развѣжъ этого мало?

— О если такъ, то вамъ огорчаться нечего; — причины заставлявшія насъ молчать о его родѣ, теперь прекратились и я васъ могу увѣрить, что онъ столь же хорошій дворянинъ какъ и я, единственный, законный внукъ одного изъ моихъ друзей.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ? — о это значительно бы меня успокоило, — я даже простилъ бы ему что онъ Русскій. —

Комендантъ улыбнулся запальчивости сектатора, питомцу мрачнаго фанатизма, котораго и одръ болѣзни не исправилъ. Взявъ за руку страдальца, онъ сказалъ:

— Полковникъ! — вы жертва болѣзни и кажется весьма трудной. Вы отецъ дѣвушки, которую опъ избралъ себѣ въ супруги, и которую я вполнѣ уважаю: потому для вашего же спокойствія я долженъ разсказать краткую, хотя и печальную исторію этого молодаго человѣка. Пусть она останется тайною до времени — скоро, я

надѣюсь, онъ будетъ, съ Монаршаго дозволенія, признанъ въ своемъ званіи.

— Но ради Бога скажите кто онъ?

— Неужели лице его не напоминало вамъ кого-нибудь?

— Да, я всегда замѣчалъ въ немъ какія-то черты давно мнѣ знакомыя — но я глядѣлъ на него съ такимъ... отвращеніемъ, что не удивительно если не замѣчалъ ничего.

— И такъ знайте же что онъ внукъ графа Петра, вашего благодѣтеля, единственное дитя его несчастнаго и преступнаго сына!

— Боже, Боже! — а я столько его ненавидѣлъ.

— Слушайте терпѣливо, — я буду говорить кратко боясь, чтобы разговоръ нашъ не истощилъ вашихъ силъ.

— Не бойтесь Алексѣй Иваповичь, я знаю что по волѣ Судіи вселенной теперь я, какъ говоритъ пророкъ:

«...Подобенъ неясыти въ пустынѣ, я какъ филинъ «на развалинахъ.»

«Не сплю и сижу какъ одинокая птица на кровлѣ.»[1])—

Бригадиръ еще разъ пожалъ ему руку и такъ началъ свой разсказъ.

---

[1]) Псал. CI, ст. 7 и 8 (изд. 1822 года).

IX.

РАЗСКАЗЪ КОМЕНДАНТА.

Графъ Остроміровъ, одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей и замѣчательнѣйшихъ нашихъ дипломатовъ, занялъ-бы высокое мѣсто у насъ на поприщѣ службы, еслибы домашнія горести а съ ними и хлопоты при дворѣ, не заставили его рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ имѣлъ одного только сына, — котораго любилъ до безумія — но который былъ самаго развратнаго поведенія и самой ужасной неблагодарности къ отцу. Разсказывать вамъ позорную жизнь этого молодаго негодяя, избалованнаго матерью, испорченнаго какимъ-то французскимъ гувернеромъ а еще болѣе его женою, — это значило бы поносить еще разъ благородное имя моего друга, а для меня было бы величайшею казнію. Главнымъ порокомъ его было постоянное пьянство и волокитство — и то въ самыхъ низкихъ слояхъ общества; — но онъ былъ красавецъ собою,

весьма любезный кавалеръ если хотѣлъ, — и неудивительно, что привлекъ вниманіе одной изъ благородныхъ и богатыхъ дѣвицъ нашей столицы. Графъ старался составить ихъ союзъ, надѣясь прекратить тѣмъ разгульную жизнь сына, который, изъ уваженія къ заслугамъ отца былъ уже камергеромъ и сержантомъ гвардіи. И сынъ казалось съ радостью на то соглашался. Купленъ былъ и омеблированъ по барски домъ, отдѣлено помѣстье для молодой четы, сдѣланы всѣ приготовленія къ святому празднеству и день свадьбы окончательно назначенъ. Графъ человѣкъ добродѣтельный и весьма набожный, съ утра еще ѣздилъ вмѣстѣ съ сыномъ въ церковь, молился, исповѣдался и причастился вмѣстѣ съ нимъ Св. Таинъ. Возвратившись домой и закусивъ, отецъ пошелъ въ кабинетъ отдохнуть не много, предъ столь утомительною церемоніею, — какъ свадьба съ баломъ, — что у насъ считается необходимостью; къ томужъ графъ надѣялся что сама августѣйшая Императрица или пожалуетъ на свадьбу, или призоветъ молодую чету во дворецъ. Едва онъ скинулъ съ себя кафтанъ и улегся на диванѣ, какъ старый камердинеръ вошелъ къ нему и шепотомъ сказалъ, что какой-то монахъ пришелъ въ домъ и неотступно проситъ позволенія повидаться съ Е. С.

— Монахъ? — я такъ усталъ — но нечего дѣлать, проси; — не отсылать же до другого дня столь святой духовной особы. —

Когда монахъ вошелъ въ кабинетъ, графъ увидѣлъ высокаго старика, стройнаго и даже величественнаго, но весьма угрюмой и строгой наружности.

— Милости просимъ садиться, святый отецъ — а покамѣсть пожалуйте мнѣ для этого дня свое благословеніе. —

Но монахъ не трогался съ мѣста; упершись на свой посохъ онъ грозно смотрѣлъ на графа и шевелилъ губами, вѣроятно не зная какъ начать разговоръ, отъ сильнаго волненія.

— Какому случаю обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ батюшка и въ такой день? —

— Именно *такому* дню вы обязаны моимъ посѣщеніемъ, и я думаю незваннымъ гостемъ.

— Что значатъ ваши слова?

— Скажите: — сегодня ли свадьба вашего сына графа Петра Петровича?

— Сегодня, — но вы спрашиваете объ этомъ съ такимъ топомъ...

— Знаете ли кто такой вашъ сынъ?

— Знаю, онъ не много шалунъ — но надѣюсь что столь благородный бракъ...

— Бракъ? — вы смѣете говорить о бракѣ? Вашъ сынъ обманщикъ, извергъ, святотатецъ и клятвопреступникъ. —

Графъ остолбенѣлъ, — онъ признался мнѣ что счелъ монаха пьянымъ, или помѣшаннымъ. —

— Опомнитесь батюшка, что вы говорите, — я видь его отецъ!

— Да вы отецъ — и вѣрно тяжкіе грѣхи ваши, справедливое провидѣніе караетъ въ вашемъ сынѣ!...

повторяю : вашъ сынъ былъ только бездѣльникъ, а сегодня хочетъ совершить и святотатство.

— Послушайте милостивый государь, вы духовное лице и я не могу вытолкать васъ за двери, какъ вы того заслуживаете — но я прошу васъ убирайтесь отсюда скорѣе... Если-жъ вы хотите выманить только деньги у меня, то говорите прямо, безъ исторій и сказокъ.

— Несчастный человѣкъ! — ты принимаешь меня за шута или попрошайку — но знай, что я отецъ несчастной женщины, жертвы, разврата и обмана твоего сына.

— Вы, инокъ — служитель церкви, и вы отецъ? —

— Да, въ мірѣ былъ я военнымъ, меня звали Никитою Петровымъ, я былъ секундъ-маіоромъ въ Ландмилицейскомъ корпусѣ и желая успокоить мою душу — тяжкими потерями удрученную, — (жена моя и сынъ почти вмѣстѣ легли въ могилу); — я оставилъ домъ свой, а дочь мою повѣрилъ одной безумной сестрѣ, старой дѣвкѣ, съ которою вашъ сынокъ не знаю какъ то познакомился. У нее увидѣлъ онъ мою дочь, — влюбился ли въ нее въ самомъ дѣлѣ или обманулъ своею коварною любовью, не знаю — довольно того, что она согласилась на ихъ союзъ и онъ женился.

— Мой сынъ женатъ!... безъ моей воли, безъ позволенія царскаго! — воскликнулъ несчастный графъ.

— Да, уже больше году какъ женатъ; недавно бѣдная дочь моя родила сына... и чувствуя свою вину предо мною, — ибо и сестра и дочь скрывали эту женитьбу — призвали меня чтобы испросить мое благословеніе. Пришедъ сюда изъ моей обители, — первое извѣстіе которое

я нашелъ въ городѣ была свадьба вашего сына съ княжною С. — и слѣдственно совершеніе тяжкаго преступленія съ одной, а явнаго позора, а быть можетъ и смерти съ другой. —

Старый графъ, блѣдный какъ смерть, прикованный къ кресламъ и съ выпученными глазами, смотрѣлъ на монаха какъ бы на ангела смерти. —

— Я побѣжалъ къ дочери и нашелъ ее больную и въ сильномъ безпокойствѣ: — вашъ любезный сынъ подъ предлогомъ добыть у васъ денегъ, — бѣдность всегда была нашимъ удѣломъ, но бѣдность честная, трудолюбивая, — давно не являлся къ женѣ и еще не видѣлъ своего дитяти. Графъ! я знаю васъ давно — на полѣ битвы мы стояли не разъ въ одномъ ряду: — я знаю что вы честный и благородный человѣкъ и пришелъ къ вамъ, безъ боязни вашего вельможества. Именемъ Бога и человѣчества, именемъ вѣры нашей и будущаго отвѣта на страшномъ судѣ, умоляю васъ, разорвите этотъ союзъ, который слава Богу еще не совершился.

Графъ не могъ отвѣчать, и только сильно позвонилъ. Вошелъ старый камердинеръ съ бальнымъ кафтаномъ въ рукахъ.

— Брось эти лохмотья на землю, — позови сюда графъ Петра! —

Удивленный камердинеръ, считая своего барина въ припадкѣ сумасшествія, или горячки, побѣжалъ за молодымъ графомъ и вскорѣ вся дворня собралась въ сѣняхъ и корридорахъ. Сынъ явился къ отцу въ полномъ костюмѣ, напудренный, съ камергерскимъ ключемъ на зе-

леномъ бархатномъ мундирѣ и съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ.

— Петръ Петровичь, — сказалъ старый графъ твердымъ голосомъ — знаешь ли ты этого почтеннаго инока?—

— Нѣтъ; — съ чего вы это взяли? — Молодой графъ принадлежалъ къ сословію такъ называемыхъ тогда «Волтеріанцевъ».

— Хорошъ отвѣтъ и достоинъ твоего поведенія. — Это бывшій секундъ-маіоръ Никита Петровъ — отецъ твоей жены.

— Моей жены? — сказалъ сынъ, поблѣднѣвъ какъ смерть — что значитъ эта комедія?

— Комедія? — преступный юноша!... ты не знаешь Маріанны Петровой — моей дочери, а теперь твоей жены графини Остроміровой.

— Батюшка! это не монахъ, а какой нибудь переодѣтый злодѣй. — Эй люди! —

Нѣсколько головъ показалось въ дверяхъ. —

— Прочь всѣ долой! — чтобъ ни одной души не было наверху! — Карету!

— Петръ Петровичь, — княжна С. не такая невѣста чтобы можно было шутить ея союзомъ. — Да и бракъ предъ олтаремъ всевышняго совершенный, съ кѣмъ бы то ни было, — не только съ дочерью Русскаго офицера, — не разрываетъ никто, безъ клятвопреступленія и святотатства. Докажи что монахъ не правъ и ты воротишь мнѣ жизнь и честь. —

Молодой графъ молчалъ и задыхался отъ гнѣва. —

— В. С., сказалъ инокъ, это легко разрѣшить — ваша

карета вѣроятно готова — поѣдемъ вмѣстѣ; — вы увидите несчастную женщину — увы! нѣкогда прекрасную какъ ангелъ небесный, а теперь жертву не только обманутой любви, но даже, я думаю и невознаградимаго бѣдствія.

— Но бракъ этотъ не законный, — это просто была комедія.

— А! ты сознаешься наконецъ? и ты говоришь что могла быть тутъ комедія!

— Она хотѣла быть непремѣнно прежде *женою* чѣмъ предаться мнѣ;... — я подговорилъ одного растригу чтобы обвѣнчалъ насъ, зная что это будетъ одна шутка. Батюшка, дайте монаху сотню рублей, да тысячу дѣвчонкѣ, и все будетъ кончено. —

Мой другъ безъ чувствъ упалъ на софу. Вмѣсто того чтобъ подать ему помощь — сынъ бросился на монаха и схвативъ его за бороду закричалъ :

— Прочь отсюда, или я убью тебя!

Но инокъ, нѣкогда храбрый солдатъ и отъ затворнической строгой жизни не потерявшій ни силъ ни духа, сжалъ руки барича, истощеннаго развратомъ такъ, что кровь брызнула изъ подъ ногтей — и съ презрѣніемъ оттолкнувъ въ сторону, началъ звонить со всѣхъ силъ. Люди сбѣжались опять, привели старика въ чувство и усадили въ креслахъ. Но лишь только онъ опомнился, какъ схвативъ свой парадный кафтанъ, надѣлъ его, взялъ парикъ, шпагу и ордена, какъ-бы къ свадебной церемоніи, и закричалъ громовымъ голосомъ; — карету сей часъ! —

— Петръ! и вы святой отецъ поѣдемъ вмѣстѣ, а ты Архиповъ послушай! — И далъ камердинеру ти-

хонько, едва внятнымъ голосомъ нѣсколько приказаній. Они поѣхали. На «Петербургской сторонѣ,» гдѣ весьма не много было еще зданій и то деревянныхъ, въ одномъ небольшомъ на голландскій манеръ построенномъ домикѣ, довольно уже ветхомъ, нашли они сестру монаха, совершенно простую женщину — а на одрѣ болѣзни прекрасную и благородной наружности женщину, съ восьмидневнымъ ребенкомъ у груди. Монахъ вошелъ первый, чтобы приготовить ее къ принятію неожиданнаго гостя. Мой бѣдный другъ въ эти нѣсколько часовъ постарѣлъ десятью годами, дрожь объяла все его тѣло и смертная блѣдность покрыла его лице. Его сынъ испуганный силою и твердостью монаха и зная непреклонный въ чести характеръ отца, — подобно всѣмъ развратникамъ — дрожалъ отъ страха какъ котъ, пойманный на воровствѣ. Графъ вошедъ въ комнату больной, низко поклонился и съ горестью смотрѣлъ на эту группу. — Но она съ лицемъ блиставшимъ какъ заходящее солнце, едва замѣчала его отъ радости, что мужъ возвратился въ богатомъ нарядѣ и съ обоими отцами вмѣстѣ. Она поцѣловала руку стараго графа и просила его благословенія. Старикъ не долго колебался и перекрестивъ ее и ребенка, сказалъ :

— Скажите сударыня это вашъ мужъ?

— Что за вопросъ В. С.? — это Петръ — уже болѣе года онъ мнѣ мужъ.

— А ты Петръ что скажешь? —

Онъ молчалъ. — Развѣ ты не видишь, что я у тебя въ гостяхъ?... и ты даже не поздоровался съ женою тобою избранною? —

Онъ все молчалъ и грозно смотрѣлъ на жену, испуганную его взглядомъ; — малютка началъ кричать — вѣроятно почувствовавъ что молоко матери начало убывать отъ ея горести; — тетка взяла ребенка и унесла въ другую комнату.

— Чтожъ ты молчишь?

— Я... не знаю этой женщины. —

Бѣдная жена поблѣднѣла какъ смерть, сложила руки и упала безъ чувствъ на подушки.

— Сынъ неблагодарный, закричалъ графъ: безстыдный лжецъ и обманщикъ!... ты не достоинъ ни своего имени, ни имени Русскаго; прочь отсюда... — Между тѣмъ онъ старался привесть въ чувство бѣдную страдалицу, но напрасно, она казалось была мертва... молоко бросилось въ голову... она ни на минуту не пришла въ себя, — и чрезъ нѣсколько дней ее не стало... Что было дѣлать благородному моему другу? онъ не могъ разорвать брака съ княжною С. безъ срама для себя и сына, — сама Государыня знала о свадьбѣ. Монахъ видя горесть старика, не желалъ болѣе убивать его преслѣдованіемъ сына и получивъ обѣщаніе, что дитя бѣдной Маріянны будетъ воспитано и признано во всѣхъ правахъ своихъ, удалился въ монастырь. Такъ родился нашъ бѣдный Гавріилъ: — крестили его тайно, въ отдаленной деревнѣ, и только дѣдъ его графъ Остроміровъ и монахъ были свидѣтелями, отецъ же рѣшительно не хотѣлъ его видѣть. Еще болѣе, немедленно послѣ брака съ княжною — столь же гордою какъ и мужъ — они объявили моему другу, что этого ребенка не хотятъ знать и ничего ему никогда

не дадутъ. Боясь новыхъ непріятностей со стороны сына — а правду сказать и молвы народной, — графъ поручилъ его своей ключницѣ, полагаясь на ея честность... хотя кажется она дурно исполнила свою должность. Старый монахъ посѣтивъ дитя за нѣсколько мѣсяцевъ предъ своею внезапною смертію, такъ былъ огорченъ поведеніемъ присмотрщицы, что графъ взялъ дитя и отдалъ сперва въ нѣмецкое училище, доброму Петербургскому пастору, а послѣ въ Шляхетскій корпусъ. Его назвали *Страшковымъ* по имени одного стараго офицера, жившаго у графа, котораго сынъ умеръ при самомъ рожденіи. Такимъ образомъ нашъ молодой человѣкъ, до сихъ поръ ничего не зналъ о своемъ происхожденіи и быть можетъ всю жизнь остался бы сиротою, еслибъ провидѣніе не повелѣло иначе, сжалившись надъ невинностью. Старый графъ съ лѣтами много измѣнился — сдѣлался настоящимъ аристократомъ и покорнымъ слугою гордой своей невѣстки, — которой всѣ дѣти умирали въ колыбели, что ее болѣе и болѣе вооружало противу сироты. Его преступный отецъ убитъ недавно въ сраженіи подъ Эберсдорфомъ въ Пруссіи, — гдѣ онъ правда, кончилъ жизнь какъ слѣдовало храброму офицеру. Его отецъ считая себя послѣднимъ въ родѣ, опомнился, раскаялся и не смотря на всѣ убѣжденія невѣстки, призналъ законнымъ образомъ Гавріила своимъ внукомъ. Молодая графиня оставила домъ тестя и живетъ особо, готовясь къ новымъ интригамъ и процессамъ. Я получилъ извѣстіе о томъ чрезъ общаго нашего друга графа Шувалова, но не хотѣлъ напрасно смущать юношу неожиданнымъ сча-

стіемъ пока оно не подтвердится судебнымъ извѣщеніемъ; но прежде хотѣлось мнѣ чтобы онъ пріобрѣлъ себѣ доброе имя, qu'il gagnat ses éperons de chevalier à la pointe de l'épée, какъ слѣдуетъ Русскому дворянину. Вотъ причина моего проекта послать его въ отрядъ Чеснока — и онъ уже, какъ я узналъ изъ рапорта полковника, тамъ на самомъ дѣлѣ отличился. Надѣюсь господинъ Фонъ-Кремеръ, что вы теперь намъ не откажете своей дочери, хотя графъ Остроміровъ и *Русскій*, да сказать вамъ всю истину: — прекрасная Селестина Карловна уже совсѣмъ Русская.

— Что мнѣ отвѣчать вамъ?... другія были мои надежды и намѣренія — гораздо скромнѣе настоящихъ; — и еслибы не смерть, которая уже глядитъ на меня... я бы никогда не сдѣлалъ такой апостазіи... для моего единственнаго дитяти.

— Грѣхъ вамъ, полковникъ, называть апостазіею то, что одинъ Богъ знаетъ какъ назвать; — мы Русскіе всѣхъ христіянъ называемъ братьями и молимся за нихъ.

— Въ томъ то состоитъ и вашъ грѣхъ... но вы слишкомъ еще блуждаете во тьмѣ, чтобы я васъ могъ вразумить.

— И хорошо дѣлаете — лучше займемся вашими дамами;... прошу васъ еще разъ дать мнѣ ваше слово для Гавріила Петровича.

— Да будетъ воля Божія! — Если я долженъ сочетать кровь мою съ кровью иноземца, то пусть же онъ будетъ лучше Русскій чѣмъ...

— Аминь! — и такъ могу ли поздравить мою прекрасную барышню?

— Извольте, но не теперь — я долженъ еще молиться и просить у неба прощенія... —

— Охотно — но вы больны и имѣете нужду въ пособіи... я позову вашу супругу и вашихъ друзей. —

Они дружески пожали другъ у друга руки — и комендантъ вошедъ въ гостинную сообщилъ полковницѣ волю мужа. Она молча пожала руку Глѣбова, перекрестилась предъ образомъ и сказала :

— Слава милосердой Тройцѣ — дочь моя и послѣ меня не будетъ сиротою.

— Уже и сиротою! — надѣюсь что еще мы съ вами протанцуемъ менуетъ на ея свадьбѣ.

— В. В. сказала Сусанна, какой-то унтеръ-офицеръ васъ спрашиваетъ.

— Позови сюда. — А это ты Бабкинъ? — что новаго?

— Извѣстіе отъ г. поручика, т. е. отъ арміи.

— Изъ арміи? — развѣжъ армія идетъ въ походъ?

— Такъ сказать В. В. отъ «нашей» арміи, гдѣ Е. Б.

— А отъ Чеснока гдѣжъ пакеты?

— У нарочнаго. — Да пріѣхалъ прапорщикъ Гавриловъ изъ Питера съ бумагами.

— Сей часъ иду! — ахъ ты болванъ! а ты мнѣ говоришь о какой-то арміи! — скорѣй мою лошадь!

— Да вить Е. Б. Гаврiилъ Петровичь въ этой арміи.

— Ну хорошо, хорошо; всякъ свое, — мое дѣло служба царская; а ему его добрый командиръ на умѣ;

впрочемъ послѣ службы и мнѣ хотѣлось бы видѣть Страшкова близь себя. —

И комендантъ во весь духъ поскакалъ въ крѣпость. —

Когда дѣвицы возвратились домой, отецъ позвалъ Селестину къ себѣ и долго говорилъ съ нею весьма тихо, тогда уже пригласилъ жену и сказалъ торжественнымъ голосомъ, положивъ руку на голову красавицы. —

— Селестина! ты была доброе дитя;... да благословитъ тебя Богъ Израилевъ, какъ я благословлю и даруетъ тебѣ мужа болѣе кроткаго и болѣе благодарнаго, нежели какимъ я былъ для твоей матери.

— О Георгъ! что ты говоришь? — возразила изумленная полковница. —

— Истину — другъ мой; — я знаю, конецъ мой близко: я не дождусь возвращенія твоего жениха Марія... ты скажешь ему что я, съ вѣрою на Бога и надеждою на его благородство вручаю ему, чужеземцу, единое мое сокровище. Возьми этотъ ключь и отдай его своему мужу — когда ты сдѣлаешься его женою; онъ тогда изъ бумагъ и писемъ, узнаетъ причину моей къ нему холодности. Ты не такъ бѣдна какъ онъ и многіе думали — и да проститъ мнѣ небо милосердое, что я на стяжаніе золота употреблялъ время, столь нужное для службы Божіей. —

Бѣдная полковница и Селестина горько плакали; — ставъ на колѣни они приняли съ обычнымъ благоговѣніемъ его благословеніе и по его знаку оставили его одного.

Оба Менониста скоро уѣхали въ Новомиргородскій шанецъ, гдѣ хотѣли повидаться съ Хорватомъ и за-Ду-

пайскими Славянами, тамъ поселившимися. Клара осталась съ Кремерами; сидя за работою она слушала внимательно, какъ ея подруга съ жаромъ разсказывала всю исторію своего знакомства и любви къ Страшкову. Менонистка качала головою, но сказать правду, не разъ легкій румянецъ игралъ на ея щекахъ, глаза невольно возгарались какимъ-то невольнымъ огнемъ, сердце билось сильнѣе и легкій вздохъ старательно подавленный, подымалъ ея высокую грудь.

— Все таки Сели — я скажу : это мученіе, а не радость, такая любовь.

— О милая! — безъ этихъ мученій нѣтъ и жизни въ любви. —

Такъ прошелъ еще день, а подъ вечеръ новая радость посѣтила Селестину. Комендантъ прислалъ ей копіи съ указа Монаршаго о назначеніи Страшкова армейскимъ капитаномъ и извѣстіе, что экспедиція противу гайдамакъ кончилась. — «Меня удивляетъ — писалъ ей бригадиръ, — только одно, что Чеснокъ не пишетъ ни слова о Страшковѣ, но я думаю что онъ подобно всей молодежи въ мірѣ : a volé en messager de victoire, pour être plus vite près de l'objet de son... admiration.»

— О Боже милосердый! какъ я счастлива! — и еслибы только ботюшка былъ живъ и здоровъ...

— Дай Богъ! будемъ ему молиться — будемъ просить у неба чтобы сердце наше вооружилось терпѣніемъ не только противу горя, но и противу радости.

— Аминь! — сказала въ свою очередь Селестина — и невольный вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди.

X.

Но радости жизни рѣдко идутъ рядомъ съ добродѣтелью и бѣдной Селестинѣ готовились самыя горькія испытанія. Неужели счастіе, даже умѣренное счастіе, не есть *отъ міра сего?* Неужели душа кроткая и чистая, болѣе другихъ должна подвергаться страшному вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, страданіямъ и лишеніямъ — какъ бы съ цѣлію очищенія въ горнилѣ искушеній? О какъ велика чаша горестей жизни и какъ часто слабы силы того, кто долженъ осушить ее до дна! Бѣдная дѣвушка, которой простую исторію взялись мы разсказывать получила въ удѣлъ красоту, чистое сердце, смиреніе, кротость нрава и довольно слабое сложеніе тѣла — а вотъ въ два или три года она перенесла столько сильныхъ ощущеній. На ея долю пришлась безнадежная любовь, гнѣвъ строгаго отца, нападеніе изверга, болѣзнь и страхъ близкой смерти виновника ея жизни, а можетъ быть и самой матери, — слѣдственно немпнуемое сиротство!

Все смущало бѣдную дѣвушку и только мысль о новой зарѣ ея жизни — съ другомъ ею избраннымъ, съ женихомъ, котораго она все еще называла только своимъ Габріелемъ, — утѣшала и ободряла ее.

Прошло еще два или три дня со времени посѣщенія коменданта, нѣсколько гонцевъ пріѣхало изъ Крыма и Запорожья въ Кіевъ, одинъ даже прямо изъ Гарду заѣхалъ къ коменданту и отдалъ бумаги, но о капитанѣ никто не зналъ ни слова. Глѣбовъ собираясь дѣятельно въ путь, не мало тому удивлялся. Наконецъ прибыли бумаги и отъ кампанейскаго полковника, съ извѣстіемъ, что онъ вошелъ уже на винтеръ-квартиры въ Малороссію, но и онъ не упоминалъ о молодомъ своемъ сподвижникѣ. — Это что-нибудь не спроста, подумалъ комендантъ, неужели капитанъ въ службѣ «регулярной» Е. И. В. такая мѣлкая вещь для г. Малороссійскаго старшины, что онъ даже не намекнетъ о немъ. Нѣтъ, тутъ просто какое-нибудь несчастіе — и этотъ хохолъ, даромъ что полковникъ, по обычаю своихъ братьевъ, молчитъ; лишь бы не признаться, что моему молодцу случилось что-нибудь недоброе. Да гдѣ же поймашные гайдамаки?— неужели Мамай еще разъ успѣлъ уйти! Надобно распросить гонца. —

Позвали козака привезшаго пакеты изъ Гарду, и комендантъ вышелъ на крыльцо, чтобы распросить его самому.

— Давно ты выѣхалъ изъ Гарду?

— Таки давно, вельможный пане.

— Какъ давно? — говори мнѣ аккуратно.

— Что прикажете В. П.?

и лѣто быстро смѣняетъ зиму. Полковникъ позвалъ стараго друга Шуртера и сказалъ ему едва слышнымъ голосомъ :

— Братъ, смерть моя очень близка — отвори окно чтобы я могъ полюбоваться еще разъ — въ послѣдній разъ — міромъ Божіимъ.

— Міръ здѣшній прахъ и тлѣнь — а горнія вышины отверсты для тебя на вѣки, если съ полною и теплою вѣрою въ Бога и Христа, ты толцешь въ ихъ двери.

— Да, я искренно вѣрю въ Бога — но и боюсь его праваго суда; на моей совѣсти лежатъ эти послѣдніе годы моей жизни, посвященные нечестивымъ мечтамъ о кладахъ, о заклятыхъ сокровищахъ и алчбѣ моей къ золоту.

— Но ты вѣдь раскаялся; тяжкими страданіями заплатилъ за все. Теперь вѣрь только искренно въ будущую жизнь, забудь о земномъ, вѣрь милосердію Божьему.

— Братъ мой, отопри вотъ этотъ ящичекъ, тамъ найдешь мое завѣщаніе. Сохрани его до тѣхъ поръ, пока не вручишь его дочери или будущему моему сыну... увы чужеземцу въ родѣ израильскомъ. Хотя эти убійцы похитили у меня много денегъ, но еще довольно осталось — я ихъ спряталъ здѣсь въ землѣ, подъ кроватью. Тамъ же сохранилъ я остатокъ драгоцѣнностей, наслѣдованныхъ отъ предковъ. Бѣдная жена не знала о нихъ.

— Теперь они пригодятся для дочери.

— Нѣтъ, часть пойдетъ съ тобою, въ твое братство, для пособія неимущимъ.

— Бѣдныхъ и неимущихъ нѣтъ у насъ.

— Но въ братствахъ нашихъ въ Богеміи есть ихъ очень много; — ты подашь имъ руку помощи, если Нѣмцы не помѣшаютъ. — Теперь позови дочь и жену — я чувствую что даже этотъ теплый воздухъ не оживляетъ меня больше; мнѣ холодно, а вотъ кровь засыхаетъ въ горлѣ. — Шуртеръ отворилъ двери и взорами пригласилъ семейство полковника и свое, къ одру умирающаго. Жена не могла держаться на ногахъ и Кнорре взялъ ее подъ руку, чтобы посадить у самаго изголовья. Кремеръ съ трудомъ протянулъ ей холодѣвшую руку и она судорожно прижала ее къ губамъ, но ни одного стона произнести не могла. Дочь стала на колѣни и положила голову у ногъ его. Отецъ уже говорить не могъ, но не спускалъ глазъ съ своихъ друзей. Шуртеръ взялъ Библію и на текстъ:

«Въ руци твои предаю душу мою!»

онъ отъ имени умирающаго говорилъ увѣщаніе живымъ — ибо пуритане и сектаторы не позволяютъ никакихъ молитвъ произносить за умирающихъ или умершихъ. Такъ тихо, хотя и съ жестокими судорогами въ груди, отошелъ отъ міра сего эптузіастъ, человѣкъ умный, но мизантропъ и мономанъ, облившій горечью жизнь жены и дочери, нѣжно его любившихъ. Селестина лишилась чувствъ когда почувствовала что рука ее благословившая, похолодѣла на вѣки. Клара и Кнорре выпесли ее въ другую комнату — а Шуртеръ закрылъ умирающему глаза, не проливъ ни капли слезъ, хотя признавался что его сердце разрывалось... Полковница оставалась все на

одномъ мѣстѣ съ наклоненною головою и съ рукою мужа на своихъ устахъ... Всѣ уважали столь страшную горесть и оставили ее одну, при одрѣ усопшаго друга.

Менонистка закинувъ покрывало на голову вышла оттуда и ея женихъ усѣвшись на креслахъ предался глубокой задумчивости, вѣроятно молитвамъ по обычаю ихъ секты. Такъ прошло три или четыре мучительные часа... Полковница не выходила изъ комнаты и Шуртеръ боясь, чтобы горесть не сдѣлала вреда и такъ уже изнеможенной женщинѣ, приказалъ дочери войти въ спальню умершаго и уговорить ее оставить тѣло мужа, дабы приготовить его къ погребенію. Клара вошла туда, но отъ ужаса не могла удержать крику. Оба Менониста бросились къ ней и увидѣли что полковница, мертвая, лежала на полу. Горесть убила ее какъ громомъ. Жаркое, единое желаніе несчастной быть вѣчно съ мужемъ — услышало благое провидѣніе — и Селестина точно осталась круглою сиротою.

Накинемъ завѣсу на эту печальную сцену — ежедневно и многократно повторяющуюся въ мірѣ — и перешагнувъ за четыре мѣсяца впередъ, заглянемъ еще разъ въ домъ Селестины.

Смерть отца и матери поразила дѣвушку столь сильными и неожиданными ударами, что горесть едва и ее самую не свела въ могилу, — но молодость восторже-

ствала и возвратила ее къ жизни и страданіямъ. Одиночество, грустное одиночество, охлынуло ее со всѣхъ сторонъ. Одна съ Сусанною въ опустѣвшемъ домѣ, — одна въ захолустьи міра, въ отдаленномъ городкѣ, гдѣ уже не имѣла ни одного покровителя. Глѣбовъ уѣхалъ въ Петербургъ, а новый комендантъ сильно занятый дѣлами даже не зналъ о ея существованіи. Но самое тяжкое одиночество было для нея въ ея сердцѣ. Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ прошло со дня, когда извѣстіе объ окончаніи экспедиціи пришло въ крѣпость, а Страшковъ (такъ будемъ звать его) еще не возвращался. Уже всѣ отряды были распущены, — уже осень, глубокая даже осень приходила, а его нѣтъ и нѣтъ. По приказанію Глѣбова, въ спискахъ Пермскаго карабинернаго полка онъ считался «безъ вѣсти пропавшимъ» и его мѣсто заступилъ другой офицеръ по старшинству. Изъ Петербурга пріѣзжалъ какой-то чиновникъ отъ его дѣда, распрашивалъ, взялъ даже съ собою его деньщика Михайлу — и послѣ того никакой уже вѣсти оттуда не было. Сердце бѣдной дѣвушки, раздиралось на самой зарѣ жизни : въ нѣсколько дней, безъ вины своей, по волѣ провидѣнія, — она вдругъ лишилась всего, что было для ней драгоцѣннаго. Единое лицо, связывавшее ее съ прошедшимъ была старая служанка Сусанна, привязавшаяся къ ней самою тѣсною дружбою и замѣнявшая ей почти мать. Тогда-то она почувствовала истинную нужду въ утѣшеніяхъ религіи и нашла ихъ въ обществѣ стараго служителя церкви, соотечественника матери ея, Серба *Петра Булича,* бывшаго протоіереемъ при Петровской

крѣпостной церквѣ[1]). Достойный служитель олтаря много уважаемый своими единоземцами и Русскимъ начальствомъ полюбилъ грустную сироту и безъ труда присоединилъ ее къ сонму православныхъ. Тогда считая ее уже своею духовною дщерью, онъ занимался и ея моральнымъ состояніемъ и дѣлами житейскими. Онъ привелъ въ порядокъ имущество оставленное отцемъ и состоявшее изъ довольно значительнаго капитала и вещей, которыя покойный инженеръ, подобно многимъ ему подобнымъ фанатикамъ, любилъ стяжать и скрывалъ въ землѣ[2]). Въ другомъ мѣстѣ это могло бы составить большое достояніе, но здѣсь гдѣ торговля едва начиналась, а банковъ еще не было не только въ Новой Россіи, но даже въ столицѣ Имперіи, — это былъ мертвый капиталъ, который надобно было не только издерживать на содержаніе дома, но еще скрывать тщательно отъ всякой сволочи, какая тогда стекалась на поселеніе въ наши степи. Правда что издержки дѣвушки и ея вѣрнаго друга Сусанны были ничтожны, а съѣстные припасы въ крѣпости и на форштатѣ весьма дешевы. Пользуясь однимъ случаемъ, — посылкою въ Венгрію офицера, ѣхавшаго туда для вербованія въ гусаре Славянъ и Болгаръ, — Буличь переслалъ

---

[1]) Петръ Буличь памятенъ въ нашемъ краѣ и тѣмъ, что построилъ въ 1770 годахъ въ селѣ Буличево-Петровскомъ, имъ основанномъ, Покровскую церковь.

[2]) Менописты и Моравскіе братья, не смотря на свою набожность, любятъ торговлю и промышленность, часто весьма богаты и всегда бережливы.

часть ея денегъ въ Вѣну въ тамошній банкъ, полагая что рано или поздо, она захочетъ возвратиться на родину, — если вѣсть о гибели ея жениха подтвердится. Такимъ образомъ одно только чужое лице заглядывавшее въ домъ Кремера, былъ этотъ достойный священникъ, а изрѣдка еще сержантъ Бабкинъ, почти всегда пьяный, но котораго Селестина любила — какъ человѣка знавшаго ея жениха, раздѣлявшаго съ нимъ походы и опасности.

Между тѣмъ суровая зима 1760 года настала — зима безснѣжная и бурная; — по вѣстямъ, многія стада и не мало людей погибли въ степяхъ, отъ холода и безкормицы. Недостатокъ травъ былъ такъ великъ что даже о Татарскихъ чабанахъ и гайдамакахъ не было слышно. Имя Мамая столь грозное въ степяхъ и столь непріятное для пикетовъ на «Глѣбовской-линіи» исчезло, послѣ экспедиціи Чеснока, котораго считали истребителемъ о. Мигеи, главнаго гнѣзда этого разбойника. Форштатъ совершенно опустѣлъ, не многіе жители и купцы или заперлись по домамъ, или разъѣзжали по мѣстечкамъ Польскимъ, для закупки хлѣба, скота и припасовъ нужныхъ по ихъ торговлѣ. Спиридоновская ярмарка (12 декабря) — только что учрежденная по просьбѣ Уманскихъ Грековъ, — не много оживила крѣпость, но не на долго, ибо главныхъ элементовъ ея : Запорожскихъ богатыхъ гулякъ, Татарскихъ стадниковъ, Караимовъ и Армянъ изъ Крыма прибыло не много.

XI.

Въ одинъ вечеръ — съ 10 на 12 декабря, — Селестина чувствуя сильную дурноту и боль въ груди, отъ безпрестанныхъ слезъ и молитвъ, — прилегла на диванѣ и просила Сусанну сѣсть подлѣ нея и продолжать пряденіе шерсти чтобы не много развлечь ее... Вѣтеръ визжалъ самымъ жалобнымъ голосомъ, снѣгъ мѣлкими градинами стучалъ въ окно, двери и ставни дрожали. Печь топилась во второй разъ, но домъ дурно построенный былъ холоденъ и Селестина закутавшись въ шубейку дрожала.

— Ну, бѣда теперь проѣзжимъ, барышня.

— Кто моя милая теперь ѣздитъ, — отвѣчала она, — надобно имѣть самыя важныя дѣла чтобы пуститься въ дорогу.

— А вотъ купцы однакожъ съѣхались.

— Купцы другое дѣло; — ты знаешь, въ такую погоду жаль и собаку выпустить на дворъ.

— Слава Богу, барышня, что мы сидимъ себѣ спокойно здѣсь, въ теплой избѣ, у затопленной печи.

— Слава Богу! — грустно отвѣчала Селестина... но гдѣ *онъ* въ эту ужасную пору? или уже онъ *тамъ*, гдѣ нѣтъ ни холода ни зноя...

— Опять вы барышня! — кто еще знаетъ? — Эти военные всегда имѣютъ свои капризы — можетъ быть онъ живетъ себѣ гдѣ-нибудь — или послали его куда... вы опять плачете?... Да перестаньте же а то и я разревусь тоже — и добрая старуха закрыла лице свое фартухомъ... —

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе... вѣтеръ вылъ больше и больше, — вдругъ легкій стукъ у дверей прервалъ ихъ тоску... Еще разъ кто-то ударилъ въ двери кольцомъ.

— Кто бы это былъ? — сказала Сусанна — такъ поздо... боюсь не воры ли?

— Какъ можно воры? — пойди узнай.

— Боюсь барышня, а ну это опять гайдамаки?

— Не дай Господи! — теперь о разбойникахъ уже не слышно, да и близко насъ есть караулы, по случаю ярмарки и новыхъ построекъ въ городѣ. —

Въ двери стукнулъ кто-то сильнѣе и послышался человѣческій голосъ.

— Пойди душа моя узнай, быть можетъ какой-нибудь бѣдный человѣкъ хочетъ погрѣться, увидя огонь у насъ;... на дворѣ такъ холодно.

— Правда ваша, правда, — я и забыла про чужую бѣду. —

Она скорѣе побѣжала въ сѣнцы, отодвинула запоръ и громкое — ахъ! раздалось у дверей.

— Барышня, барышня! — спрячтесь! какой-то Турокъ идетъ. —

Селестина немедленно вышла въ переднюю на помощь Сусаннѣ. У дверей, весь засыпанный мѣлкимъ снѣгомъ, стоялъ человѣкъ пожилой, съ бородою, въ восточномъ костюмѣ, точно похожій на Турка, или Татарина.

— Добраго здоровья желаемъ вашей милости, сказалъ гость, не снимая своей барапьей шапки, но прикасаясь рукою до устъ и головы.

— Кто вы любезный? и кого ищете?

— Я пріѣзжій купецъ изъ Крыму, ищу полковника Фонъ-Кремера или его семейство.

— Увы! сударь — мой отецъ, благородный полковникъ Фонъ-Кремеръ уже умеръ, матушка тоже и я одна... осталась здѣсь! —

Чужеземецъ еще разъ поклонился по восточному обычаю, — и сказалъ самымъ кроткимъ голосомъ: — если позволите мнѣ войти въ комнату, почтенная ханымъ — я имѣю два словечка сказать вамъ... и издалека. —

Сердце Селестины такъ сильно забилось, что она принуждена была сѣсть — пока Сусанна вводила гостя въ избу...

— Я, ханымъ, карапмъ изъ Козлова... мое имя Ной Эгизъ, къ вашимъ услугамъ, — Русскій консулъ меня знаетъ.

— Благодарю васъ, любезнѣйшій, — но я такъ смущена послѣ смерти моихъ родителей, и была такъ больна

послѣ, что едва знаю какъ васъ принять: — не прикажите ли чего-нибудь закусить — теперь такъ холодно.

— Нѣтъ, ничего непужно, ханымъ, но я далъ обѣщаніе повидаться съ вашимъ домомъ — и исполняю его... Хотя боюсь что я приношу вамъ вѣсти горести и плачу.

— Боже мой! — что вы говорите?

— Да сударыня, — Господь израилевъ въ судьбахъ своихъ неисповѣдимъ; — да будетъ его воля!

— Ради Бога говорите что случилось?

— Я пріѣхалъ изъ Крыма, и въ Кафѣ имѣю лавку... тамъ одинъ рейсъ[1]), вы знаете, что судномъ правитъ на морѣ — принесъ мнѣ записку въ большой тайнѣ. — Турки и Татары народъ скверный; — тутъ караимъ плюнулъ обернувшись назадъ; — они наши гонители и гонители племени вашего назарейскаго.

— Но... я непонимаю что вы хотите сказать.

— Ханымъ, Богъ великъ! онъ посылаетъ слезы какъ посылаетъ зиму и градъ и голодъ, — но онъ Іегова милостивый и посылаетъ также радость, манну и ключи живой воды въ пустынѣ... Я сказалъ. — Это письмецо я взялъ — онъ просилъ отдать его консулу Русскому въ Бахчисараѣ. Я отдалъ — консулъ обѣщать изволилъ все, но кромѣ одной сидулы, которую онъ мнѣ вручилъ и приказанія отдать ее дыздарю Кефайской крѣпости, ничего не сказалъ мнѣ. Я не скоро еще имѣлъ дѣла здѣсь, и не скоро бы поѣхалъ, если бы не явился ко мнѣ,

---

[2]) *Рейсъ*, шкиперъ, капитанъ корабля.

мой старый чабанъ... Ханымъ, будьте терпѣливы и мужественны — я сей часъ окончу.

— «Эффендимъ, — сказалъ мнѣ чабанъ, — зима много убила вашихъ овецъ чюндуковъ, на степяхъ, то надобно вамъ купить новыхъ у Буткальскихъ козаковъ[1]).»

— Хорошо, моя душа, я сказалъ ему — но подождемъ лѣта.

— «Лѣтомъ они будутъ дороже, а здѣсь есть старый чабанъ-баши съ Акъ-су[2]).»

— Я позвалъ того чабана и мы сдѣлали большой торгъ на знатную сумму овецъ и денегъ. Я думалъ дѣло уже кончено, когда чужой чабанъ бросился мнѣ въ ноги и просилъ моего покровительства.

— Моего покровительства, чабанъ? — я бѣдный караимъ, какъ я могу покровительствовать.

— «Да, вы одни знаете Русскаго консула, а я не могу идти къ нему — я бѣжалъ когда-то изъ Россіи.»

— На что тебѣ консулъ?

— «Не мнѣ, а одному бѣдному ясыру[3]) котораго уже два мѣсяца держатъ въ Кафѣ на каторгѣ.»

— Вай, вай! — господь да помилуетъ насъ, — сказалъ я испугавшись — молчи, чтобъ Татары не слыхали... а кто ясыръ?

— «Московскій офицеръ.»

— Ахъ! — закричала Селестина и смертельная блѣдность покрыла лице ея.

---

[1]) *Буткалы*-козаки, Запорожцы. [2]) *Акъ-су*, рѣка Бугъ.

[3]) *Ясыръ*, плѣнъ, плѣнникъ.

— Не огорчайтесь — еще не все... Я отвѣчалъ этому чабану : что Московскому офицеру нечего бояться, что Татары и Ногай Москвы боятся и если онъ въ ясырѣ, то консулъ вытребуетъ «человѣка». Но мой чабанъ баши сказалъ мнѣ, покивая головою — «Эффенди! — онъ ясыремъ въ Кафѣ у Турка; его продали гайдамаки съ Буткальской земли. — Это дурно, замѣтилъ я и надѣвъ халатъ и папахъ опять зашелъ къ консулу. Г. купецъ, Русскій консулъ, сей часъ послалъ дрогмана своего къ визиру Ханскому — но получилъ отвѣтъ что Московскаго офицера въ ясырѣ нѣтъ никакого; что нѣсколько Польскихъ мужиковъ куплено точно у разбойниковъ, но что всѣ они въ цѣпяхъ, на Турецкихъ галлерахъ, и безъ воли падишаха — (будь онъ и родъ его проклятъ!) — никто выданъ не будетъ. —

Селестина не выдержала этого ужаснаго извѣстія. Она склонилась какъ мертвая къ спинкѣ своихъ кресселъ, — но ни одна слезинка не могла выкатиться изъ воспаленныхъ глазъ ея.

— Господь съ вами барышня! — еще не все. — Богъ милостивъ, Богъ караетъ, Богъ милуетъ... Я пошелъ къ Польскому консулу г. Заблоцкому — который тоже добрый человѣкъ и въ большой дружбѣ съ проклятыми янычарскими агами (будь они посрамлены на вѣки!) Онъ со мною, поѣхалъ въ Кафу — и мы видѣли *человѣка;* — онъ совсѣмъ не польскій мужикъ, а точно офицеръ, — получивъ его письмо къ вамъ, консулъ вручилъ мнѣ. — Вотъ письмо — не плачьте — Турки злые люди, хуже Татаръ — но еще

больше ихъ любятъ деньги, — а за деньги можно всякій ясыръ выкупить. Я кончилъ[1]). —

Селестина вмѣсто вздоховъ и слезъ, встала съ бодростью, перекрестилась предъ образомъ и прежде чѣмъ взяла письмо своего друга, сильно пожала руку честнаго Караима... — Добрый человѣкъ, сказала она — я вамъ благодарна на всю жизнь; но надобно дѣйствовать. Родные этого офицера далеко. Покровитель его, бывшій здѣсь оберъ-комендантъ, въ Петербургѣ; пока напишемъ онъ умретъ въ неволѣ. — Денегъ у меня довольно и я дамъ вамъ столько сколько нужно; — располагайте сами, только скорѣе — когда вы можете ѣхать?

— Я — я не могу такъ скоро ѣхать въ Крымъ; — мои дѣла того не позволяютъ... мы люди коммерческіе.

— Но я готова вознаградить всѣ ваши убытки.

— Не въ томъ дѣло, ханы́мъ, — за убытки пожалуй вознагражденіе взять я готовъ, но мы Караимы не что иное какъ люди Хапскіе и намъ, за ясырами, ходить нельзя; — но вы можете послать другого вѣрнаго человѣка.

— Боже мой — Боже мой! — съ истерпѣніемъ произнесла Селестина и мучительная дрожь проникла ея руку, въ которой лежало драгоцѣнное посланіе. — Но гдѣ найти этого «вѣрнаго человѣка»? — Боже! я умру прежде.

---

[1]) Точно въ 1758 году, Польскій консулъ *Заблоцкій* выкупилъ или освободилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, Русскихъ подданныхъ изъ Крымскаго плѣну, за что удостоился благодарности Императрицы Елисаветы.

— Не горячитесь ханымъ, я вамъ доброе слово скажу. Пойдите къ коменданту : Русскій генералъ великій человѣкъ для Крыма. Онъ вамъ дастъ ярлыкъ къ Хану, или къ консулу и пошлете его съ вѣрнымъ человѣкомъ. — Я вамъ покажу человѣка.

— Дайте мнѣ только проводника, я сама пойду въ Крымъ. — Караимъ отскочилъ въ сторону какъ отъ безумной. —

— Вы! — вы молодая дѣвушка — вы готовы идти въ Крымъ къ Татарамъ?

— Вы поклонники Магомета, вы не знаете бодрости духа слабой Христіянки. —

— Фи! фи! мы не поклонники фальшиваго пророка, мы истинные дѣти Израиля. —

— Какъ, вы жиды?

— Нѣтъ, я не то что вы называете «жидами;» они, — это слѣпые грѣшники изъ нашего народа, утопающіе по самые уши въ грязномъ Талмудѣ. Нѣтъ, мы настоящіе дѣти избраннаго народа — дѣти Авраама, Исаака и Іакова... — Но ханымъ — теперь ночь — мы никогда ночью дѣлъ не дѣлаемъ; — но я не могъ посѣтить васъ днемъ, чтобы и тѣ Татары, что сюда на ярмарку изъ Балты пріѣхали, не узнали объ этомъ.

— Господи, господи! неужели это можетъ удержать васъ отъ святаго долга помочь человѣчеству.

— Я сдѣлалъ что могъ — я не долженъ былъ ѣхать на ярмарку; но чтобы доставить вамъ письмо... и купить овецъ, — я пріѣхалъ сюда.

— Но я все таки благодарю васъ — завтра уви-

димся; — теперь поздно. — Я горю нетерпѣніемъ прочитать это посланіе бѣднаго невольника, ибо догадываюсь кто его писалъ... Но завтра я сама пойду въ крѣпость и не смотря на зиму, отправлюсь въ Крымъ, въ Турцію — на край свѣта — если нужно.

— До свиданія, барышня, да сохранитъ васъ Богъ въ добромъ здоровьи. — Я радъ что услужилъ вамъ. —

Онъ низко поклонился и сопровождаемый Сусанною вышелъ... Селестина упала предъ образомъ ницъ и долго молилась, пока собралась съ силами чтобы прочитать это роковое письмо. — Молитва придала ей бодрость и она сѣвъ у свѣчи начала читать слѣдующее :

ПИСЬМО СТРАШКОВА ИЗЪ ПЛѢНУ.

I.

Кафа, судно Шуръ-едъ-динъ.

«Любезный и безцѣнный другъ мой Селестина! — Не знаю дозволитъ ли Богъ и Святая Дѣва, чтобы мое письмо достигло до тебя — но я пользуюсь первымъ случаемъ отдохновенія и свободы, — свобода! — страшное слово!... чтобы чрезъ этаго добраго человѣка послать вѣсть тебѣ и на родину. Пишу тебѣ прикованный какъ песь къ скамьѣ галерной, невольникомъ, и не человѣкомъ, а собственностью какого-то негодяя... Но не терзайся напрасно — это не продлится долго. Я русскій офицеръ и возвращу свою свободу, чтобы увидѣть тебя и отмстить моимъ врагамъ! — Но что я говорю? гдѣ и какіе мои враги: десятокъ бродягъ, которыхъ кости вѣроятно уже тлѣютъ на висѣлицахъ и степяхъ, а я, немощный невольникъ, жертва рока, жду и не дождусь помощи изъ Россіи. Но пора сказать тебѣ какъ все случилось. Когда

мы съ кампанейцами пристали къ острову, или лучше сказать къ группѣ скалъ, я съ провожатымъ, — онъ то видно и измѣнилъ намъ, — бросился на скалы первый, по выстрѣлъ раздался и я раненный въ грудь упалъ въ воду... что сталось со мною послѣ? я не знаю, — но когда опомнился, я увидѣлъ себя въ какой-то ямѣ или пещерѣ, лежалъ на гнилой соломѣ и два мужика съ ружьями въ рукахъ сторожили меня. Рана моя сильно болѣла и жажда очень мучила... я потребовалъ воды... стражъ указалъ молча на полуразбитый горшокъ, стоявшій подлѣ меня — я выпилъ почти весь и опять обомлѣлъ. Видно горячка обнаружилась опять, ибо все что происходило многіе дни сряду помню какъ во снѣ. Я видѣлъ какого-то страшнаго безрукаго человѣка, который то лечилъ мою рану, то грозилъ мнѣ — и кажется проводнику моему... но навѣрно не знаю. Наконецъ память моя мало по малу возвратилась и тогда я увидѣлъ, что мы все въ той же ямѣ и что число людей въ ней было довольно велико. Однажды, я только что началъ оправляться, когда какой то человѣкъ пришелъ и спросилъ у другихъ: — А что собака москаль еще живъ? — Живъ и будетъ жить. — Ну то пора его на палю! — Всѣ засмѣялись, а меня невольный трепетъ объялъ всего, ибо я зналъ что гайдамаки не разъ мучили этою страшною казнію Поляковъ, въ замѣнъ за ихъ тиранства надъ пойманными преступниками. Но какой-то разбойникъ довольно еще молодой, котораго другіе звали «Герасимомъ» и «Котляромъ», замѣтилъ, что палю надобно еще дѣлать и гдѣ нибудь поставить, что кто-нибудь ее увидитъ, а они уже и на

Мигеѣ едва удержаться могутъ и совѣтовалъ продать меня лучше чабанамъ татарскимъ. — Неволя, говорилъ онъ, для москаля, также какъ и для насъ, хуже пали, а мы за татарскіе гроши купимъ хоть хлѣба, а то поздыхаемъ съ голоду какъ собаки. — Мамаю это понравилось, онъ подошелъ ко мнѣ, ударилъ ногою по головѣ моей и сказалъ: я продамъ тебя на каторгу [1]) Туркамъ, — тамъ ты не разъ вспомнишь про Мамая, а твою голубку увезу я опять. — О Селестина! мысль о плѣнѣ мнѣ была тягостнѣе смерти, даже такой какъ на колѣ, — но я былъ больной, связанный, почти безъ чувствъ и выбирать не могъ. Я поручалъ тебя Богу, а свою душу его милосердію и покорился необходимости. Разгнѣванный моимъ молчаніемъ онъ вынулъ было пистолетъ и хотѣлъ размозжить мнѣ голову, но Котляръ сказалъ: «А что будемъ ѣсть, развѣ его шкуру?» и это остановило Мамая. — «Да онъ и не *твой*, а *мой* человѣкъ,» — прибавилъ Герасимъ. На другой день чабаны татарскіе пригнали къ рѣкѣ свои стада и среди блеянія овецъ и коровъ, я слышалъ какъ одинъ изъ грабителей, по татарски, говорилъ долго съ пастухомъ. Вскорѣ чабанъ пришелъ, ощупалъ меня всего какъ барана и покачавъ головою сказалъ только слово: *бешь*, (пять) — разбойники спорили, наконецъ согласились и кажется за десять овецъ и нѣсколько левовъ продали меня ему. Татаринъ привязалъ меня къ своей кибиткѣ и поручилъ женѣ, страшной Ногайкѣ съ желѣзнымъ

---

[1]) *Каторга*, галера, гребное судно.

кольцемъ въ носу, приказавъ убить меня какъ собаку, если я сдѣлаю хотя движеніе чтобы спасти себя. Такъ кочевали мы почти три недѣли; — чѣмъ онъ кормилъ меня и что терпѣлъ я отъ зноя, дождя и нечистоты — одинъ Богъ знаетъ и онъ зачтетъ мнѣ это страданіе, какъ выкупъ за грѣхи мои, на страшномъ судѣ своемъ! Чабанъ пригналъ стадо къ Перекопу и тамъ его оставилъ, а меня привязавъ къ хвосту своей лошади, повелъ въ Бахчисарай. Я такъ былъ худъ и блѣденъ, что Татаре меня купить не хотѣли; одинъ янычаръ сторговалъ было за шесть лошадей, но узнавъ что нашъ консулъ воротился изъ Сѣчи, отказался отъ покупки. Разгнѣванный Татаринъ билъ меня не милосердо,... я молчалъ, — вспоминая страсти Христовы, — и такъ дошли мы до Кафы. Здѣсь чума истребила половину галерниковъ и рейсы едва не разорвали меня въ куски на базарѣ. Я достался рейсу Арапу — хорошему врачу какъ видно, ибо онъ спасъ мою жизнь; онъ прежде купалъ меня въ банѣ, кормилъ хорошо, мазалъ какимъ-то жиромъ и тогда уже приковалъ къ своей галерѣ. Когда съ возвращеніемъ здоровья я началъ собираться съ духомъ и помышлять о свободѣ, узналъ я что самъ ханъ будетъ въ Кафѣ — какъ любимый Турками человѣкъ. Въ день назначенный для его пріѣзда, я просилъ у янычара за нами смотрѣвшаго, чтобы онъ позволилъ мнѣ упасть къ ногамъ хана и просить позволенія искать выкупа. Янычаръ ничего не отвѣчалъ, но въ ту же ночь насъ всѣхъ сняли съ каторги и заперли въ погребъ съ угрозою: немедленно быть утопленными въ морѣ, если хотя однимъ словомъ кому

нибудь скажемъ о себѣ. Въ такомъ ужасномъ положеніи я прожилъ еще дней двадцать и умеръ бы съ горя и голоду, если бы милосердое небо не послало мнѣ спасителя.

«Въ степяхъ надъ Бугомъ я познакомился съ однимъ старикомъ, простымъ чабапомъ, человѣкомъ весьма замѣчательнымъ, который, сознаюсь теперь, предсказалъ мнѣ мою участь... Онъ просилъ меня, въ случаѣ несчастія, могущаго легко случиться въ этихъ опасныхъ пустыняхъ, дать ему знать о себѣ по обычаю здѣшнему, какимъ нибудь условленнымъ *слѣдомъ*. Я сначала было и забылъ объ этомъ. Когда гайдамаки вывели меня изъ своей берлоги, то я узналъ что это былъ островъ Мигея на Бугѣ, къ западу отъ Гарду; почувствовавъ свѣжій воздухъ, отъ изнеможенія я упалъ на землю и пролежалъ съ полчаса, не смотря на толчки моихъ тирановъ. Тогда я вспомнилъ о старикѣ и лежа на травѣ, шпорою, которую не знаю какъ оставили па моемъ сапогѣ, сдѣлалъ глубокіе слѣды на землѣ. Разбойники ничего не замѣтили, а только когда я тою же шпорою зацѣпился за лубья отъ татарской кибитки, громко смѣялись и назвали меня *когутомъ* (пѣтухомъ). До самаго Перекопскаго вала я былъ сильно стрегомъ и крѣпко привязанъ и все что я могъ сдѣлать, было то, что я нѣсколько красныхъ снурковъ, бывшихъ на моей кампанейской свиткѣ, сорвалъ зубами и бросилъ на дорогѣ; слабые слѣды для такого безмѣрнаго края, гдѣ бури и вѣтры привольно бушуютъ весь почти годъ! Но у рва, гдѣ есть родъ башни или мостоваго укрѣпленія, Ногайцы, зная что уже нечего бояться

Русскихъ, и даже козаковъ, отвязали меня и положили на землю. Я всю дорогу замѣчалъ что Ногайка, не смотря на свою отвратительную наружность, часто на меня поглядывала и даже съ участіемъ, хотя крошечныя ея глазки и выдавшіяся скулы дѣлали ее всегда звѣрообразною. Не смотря на то она давала мнѣ чаще воды въ жару́, или трубку. Воспользовавшись минутою свободы, я попросилъ табаку и огня, она мнѣ подала собственную коротенькую трубочку... и я...»

«Мой стражъ пришелъ — зоветъ съ крикомъ на работу, наша галера повезетъ какого-то гостя изъ Ялты въ Кафу... Когда-то я кончу мое письмо?...

XII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

ПИСЬМА СТРАШКОВА ИЗЪ ПЛѢНУ.

II.

«Мой ангелъ моя Селестина, — самъ Богъ умилосердился надъ нами; — гости которыхъ мы везли въ Кафу были консулы: Польскій г. Заблоцкій — человѣкъ военный и весьма пріятной наружности — и Русскій, Путивльскій купецъ Алексѣй Шестаковъ. Сего послѣдняго Татары боятся, хотя онъ съ виду очень похожъ на того кучера, который былъ въ крѣпости, помнится у князя Волконскаго, этого молодаго офицера что со мною ходилъ въ церковь. Теперь я имѣю два дня отдохновенія по случаю какого-то поста у Турокъ и я оканчиваю мой разсказъ.

«Получивъ трубку, я оторвалъ часть моей свитки,

совершенно изорванной грабителями на Мигеѣ и зажегши ее, положилъ въ кустъ ковыля, который тутъ называется *бурьяномъ* и *курдели*. Къ радости моей огонь скоро воспламенился и пошелъ по вѣтру. Степь и такъ уже сухая, начала горѣть какъ солома и еслибы противный вѣтеръ не подулъ отъ Сиваша (это «Гнилое» или грязное море такъ называется) пожаръ зашелъ-бы далеко. Татаринъ весьма удивлялся откуда начался огонь, Ногайка же хотя и догадалась и страшно улыбнулась глядя на меня, но молчала. До Кафы уже я бѣжалъ, или шелъ за лошадью Татарскою и ничего сдѣлать нельзя было. Правда что еще разъ самъ господь помогъ мнѣ; верстахъ въ двадцати отъ моста на какомъ-то засохшемъ болотѣ[1]) въ страшной и глухой степи, Татаринъ поссорился съ прохожимъ чабаномъ за молоко, за которое нехотѣлъ платить. Разгнѣванный чабанъ побѣжалъ за нимъ, но не имѣя возможности отомстить Татарину, сорвалъ съ меня шапочку, кажется драгунскую, накинутую на меня гайдамаками, которая вся была изорвана во время моей болѣзни. Повѣришь ли милая, что эти четыре ничтожныя обстоятельства: — слѣдъ или «тесьма,» какъ ее называютъ, эти клочки спурка разнесенные вѣтромъ, этотъ пожогъ бурьяну и наконецъ шапочка доставшаяся чабану, уже на полуостровѣ, дали возможность моему избавителю отыскать меня. — Здѣсь, мой ангелъ выкупъ легокъ, — особенно Русскаго чело-

---

[1]) «Каменный-мостъ» на «Черной-долинѣ,» въ Перекопскомъ уѣздѣ, на вершинахъ р. Калапчака.

вѣка — такъ боятся насъ Татары, но труднѣе всего отыскать ясырей, особенно у Турокъ, которые себя считаютъ владыками міра, а насъ презираютъ полагая важнымъ символомъ своей вѣры, держать въ рабствѣ «нечестивыхъ» или «Назареевъ.» Чабанъ мой знакомецъ, всю жизнь прокочевавшій въ степяхъ, сей часъ попалъ на мой слѣдъ. Онъ зналъ про нашу экспедицію, съ сотнею другихъ пастуховъ и табунщиковъ слѣдовалъ за ея движеніями и легко узналъ что я попалъ въ руки разбойниковъ. Онъ то и уговорилъ стараго Татарина купить меня, не смотря на болѣзнь и изнеможеніе, но при покупкѣ не былъ, опасаясь встрѣчи съ Мамаемъ. Бросивъ стадо своимъ помощникамъ, онъ пошелъ по тясьмѣ и добрался до Перекопа; одинъ, безъ денегъ и почти безъ пищи — безопасный только своею нищетою, — у самаго рва онъ нашелъ пожогъ ковыля. Это ему придало бодрости; за Перекопомъ, скитаясь цѣлые три дня между своими собратами, Татарскими пастухами, нашелъ онъ сперва снурки занесенные вѣтромъ, а послѣ владѣльца моей шапочки и узналъ дорогу по которой мы ушли. Уже я терялъ силы тѣла и души — когда въ одну ночь, прикованный къ скамьѣ и не владѣя даже руками отъ усталости — я услышалъ вдали заунывное пѣніе, какъ будто знакомое. Это былъ голосъ родины, — Малороссійская пѣснь, начинающаяся если не ошибаюсь, словами :

«Плыви човныкъ до бережка!...»

Если не слова, то напѣвъ я сей часъ вспомнилъ — такъ сильно врѣзался онъ въ моей памяти. Въ горькомъ

рабствѣ, не имѣя не только книгъ, но даже одной минуты уединенія, покоя, я только и утѣшалъ себя что мыслію о прошедшемъ... въ которомъ столько радостей я испыталъ, — хотя не разъ жаловался на судьбу — и которое быть можетъ уже никогда не воротится назадъ! Но къ чему напрасныя сожалѣнія?... Эта пѣснь напомнила мнѣ такъ живо старика моего, что я, забывъ свое положеніе упустилъ изъ рукъ весло — мы тогда буксировали какое-то судно въ портъ. — Рейсъ съ гнѣвомъ бросился на меня и замахнулся, но я успѣлъ поправить скоро свою ошибку. Подъѣхавъ къ берегу, когда лодку увязали къ кольцу у пристани, я просилъ позволенія сойти на землю хотя на полчаса, но меня не пустили, зная, что скоро прибудутъ консулы, — чего я и не зналъ... Горесть такъ сильно сжала мое сердце, что я опустивъ голову на избитыя и изнеможенныя мои руки невольно заплакалъ. Такъ пробылъ я до утра. На зарѣ... холодъ и усталость сломили меня — я бросился на скамью... вдругъ слышу на самой пристани, тихій напѣвъ изъ той же что и прежде пѣсни :

«Гуси мои, гусинята!
Возьмитъ мене на крылята,
Понеситъ мене до батеньки до матеньки!!...»

Я вздрогнулъ; — смотрю : — на берегу, на обломкѣ древней колонны сидитъ старикъ, въ косматой шапкѣ на головѣ и пристально глядитъ на меня. Я сей часъ узналъ моего знакомца чабана, и первый разъ послѣ трехъ мѣсяцевъ рабства, лучь радости, лучь надежды заблисталъ

въ моемъ сердцѣ. Онъ далъ знать рукою чтобы я молчалъ, подошелъ къ рейсу и по татарски просилъ позволенія раздать милостыню галерникамъ. И козачьи и татарскіе чабаны равно одѣваютсл, Турокъ его принялъ за Крымца и позволилъ. Чабанъ далъ по парчкѣ[1]), двумъ другимъ, къ одной скамьѣ со мною прикованнымъ невольникамъ, а мнѣ тихонько подавъ левъ и кусокъ хлѣба въ руку шепнулъ: «жди меня до субботы — пойду къ консулу,» — и сей часъ ушелъ. Я едва не потерялъ головы отъ радости и не началъ кричать за нимъ. Прошло нѣсколько дней... наступила пятница; ввечеру — смотрю, идетъ мой старикъ къ гавани, но такой блѣдный и изнеможенный — что мнѣ жалко его стало. Вмѣсто того чтобы идти ко мнѣ, онъ махнулъ рукою и усѣлся на камнѣ. Весь вечеръ смотрѣли мы другъ на друга, не смѣя и говорить, чтобы не возбудить сомнѣнія въ Туркахъ, а то при малѣйшемъ подозрѣніи немедля послали бы меня въ Требизондъ. Пришла суббота, — утро едва начиналось, какъ явился какой-то карамъ и долго говорилъ съ моимъ рейсомъ и платилъ ему деньги... Рейсъ показалъ ему на насъ; карамъ казалось долго выбиралъ, щупалъ насъ, мѣрилъ, наконецъ выбралъ троихъ; — насъ сковали и сдали ему на руки. Въ первый разъ очутился я внѣ судна и съ жадностію глоталъ свѣжій береговой воздухъ, — могъ расправить ноги, обрякшія отъ постояннаго

---

[1]) *Пара*, мѣлчайшая Турецкая монета, — Татарскія были еще хуже и Русскіе купцы называли ихъ *парчками*.

пребыванія у весла. Карамъ, какъ мы узнали послѣ, по случаю субботы не могши употребить своихъ работниковъ, а Татары за лѣностью отказались, имѣлъ нужду въ христіянскихъ невольникахъ, для сгруза товаровъ привезенныхъ на лодкѣ съ Румелійскихъ береговъ. Мы шли по берегу до самой башни — той что къ югу отъ порта — тамъ было его судно. Онъ поставилъ двухъ моихъ товарищей на берегу, а меня повелъ на лодку. Лишь только сталъ я на палубу какъ онъ сказалъ мнѣ по Русски: — «Вы Московскій офицеръ?» — я; — «садитесь внизу — тамъ за ящикомъ съ бакаліею — и пишите скорѣе письмо къ консулу; вотъ бумага и моя чернилица... Я показалъ на руки скованные; — «попробуйте отъ того все зависитъ; консула я видѣлъ, но онъ не вѣритъ. А Татары увѣряютъ что у нихъ въ ясырѣ только Польскіе мужики.» — Я легъ на землю и придерживая зубами деревянное Турецкое перо, кой-какъ написалъ къ консулу кто я, какъ попалъ въ плѣнъ и требовалъ именемъ Бога и великой Русской Монархини моего освобожденія. — Карамъ взялъ письмо, роздалъ намъ работу и вечеромъ заплативъ довольно скудно, мнѣ еще подарилъ три лимона и одинъ мѣшочекъ изюму. О какою роскошью показался мнѣ этотъ подарокъ! Прошло еще нѣсколько дней и ни Карама, ни консула не было, но вѣрный мой старикъ всякій день подъ вечеръ приходилъ къ порту и издали посматривалъ на меня. Турки, народъ хитрый, его бы прогнали, подозрѣвая всѣхъ и всякаго, еслибъ кто-то не замѣтилъ что это *Дели*, т. е. сумасшедшій, что у нихъ уважается наравнѣ съ святынею; тогда рейсъ и таможенный писарь не только

не мѣшали ему спдѣть на камнѣ, но пускали на судно и даже давали милостыню. Наконецъ въ минуту, когда я и старикъ теряли всю надежду — нѣсколько янычаръ и ханскихъ сеймановъ прибѣжали въ скачь и объявили что консулъ въ сопровожденіи дыздаря Кефайскаго и переводчика ханскаго, будетъ смотрѣть всѣхъ галерниковъ. Рейсъ считавшій меня, подобно другимъ христіянскимъ невольникамъ, польскимъ мужикомъ, ничего не боялся и позволилъ насъ распрашивать. Консулъ нашъ, богатый купецъ, Алексѣй Шестаковъ, — преважно, переваливаясь съ боку на бокъ, подошелъ къ намъ и спросилъ меня по русски — точно ли я Русскій офицеръ? — Я просилъ чтобъ онъ позволилъ говорить съ нимъ на единѣ. Но консулъ, какъ истинный купчикъ не довѣряя мнѣ, взялъ съ собою переводчика — а при немъ я боялся сказать: откуда я и кто именно, дабы онъ не пересказалъ всего Туркамъ и тогда бы вся моя надежда пропала. Видя мои неясные отвѣты и постоянное смущеніе, консулъ началъ сомнѣваться, даже сердиться и сказалъ съ гнѣвомъ, что на той недѣлѣ, проѣздомъ изъ Ялты, онъ будетъ здѣсь вмѣстѣ съ Польскимъ консуломъ и тогда еще разъ меня допросятъ: «только помни, братецъ, прибавилъ онъ грозя кулакомъ, что если ты солгалъ, то извини и пеняй лишь — на себя, если еще вмѣсто выкупа палками тебя отдуютъ! — Карамъ пришелъ еще разъ, опять взялъ насъ на работу и видя мое усердіе, спросилъ, не можетъ ли онъ еще помочь мнѣ? — Я просилъ чтобы онъ позволилъ мнѣ написать подробное письмо къ друзьямъ моимъ въ крѣпость св. Елисаветы, на Польской почти границѣ

и доставить съ вѣрнымъ человѣкомъ, за что я обѣщалъ ему заплатить въ случаѣ освобожденія щедрою рукою. — «А если не освободишься сынъ мой, — кто возвратитъ мнѣ мои издержки и хлопоты? — Богъ, Богъ милосердый — которому вы, равно какъ и я, вѣрите...» Карашъ почесалъ бритую свою голову и вмѣсто работы позволилъ мнѣ писать, а самъ побѣжалъ совѣтоваться съ однимъ старымъ козакомъ, пріѣхавшимъ изъ Сѣчи, по имени *Высоцкимъ*. Козакъ тотъ пришелъ вмѣстѣ съ нимъ въ портъ, долго на меня смотрѣлъ, выпытывалъ подробно, но я боялся говорить съ человѣкомъ, который наружностью, одеждою и языкомъ, былъ такъ похожъ на гайдамакъ, первыхъ моихъ мучителей. Наконецъ Богъ умилосердился надо мною грѣшникомъ. Оба консула воротились изъ Ялты; Польскій консулъ Заблоцкій имѣлъ съ собою какого-то молодаго человѣка, въ нѣмецкомъ нарядѣ, съ бѣлокурымъ паричкомъ на головѣ — котораго звали *Делакроа* и который былъ драгоманомъ Французскаго консула — тогда бывшаго въ Каушанахъ. Это я узналъ послѣ, отъ этого добраго человѣка, Француза. Когда оба дипломата пришли къ намъ, Заблоцкій, повидимому настоящій дворянинъ, хорошо говорившій по русски, подошелъ къ намъ первый; я увидя предъ собою человѣка благородной наружности и ласковаго — забылъ про свою неволю и поклонился ему не какъ рабъ, а по военному;... стоявшій подлѣ него переводчикъ вскрикнулъ по французски: sacrebleu! celui, c'est un gentilhomme çà! — Oui monsieur, отвѣчалъ я ему на томъ же языкѣ, «un gentilhomme et un militaire.» Французъ удив-

ленный моимъ отвѣтомъ, схватилъ свой парикъ вмѣсто шляпы и такъ мнѣ поклонился, что разсмѣшилъ даже Турокъ, грозно на насъ поглядывавшихъ. Онъ взялъ меня за руку и сказалъ: — touchez là, monsieur, la main sur la conscience, ditez la vérité — je vous promets l'aide de monsieur le consul de France, en cas du refus de votre compatriote[1]). Я разсказалъ ему всю мою исторію, которую онъ передалъ по Латыни Польскому консулу. Тогда началось между ними жаркое совѣщаніе и нашъ консулъ вполнѣ убѣжденный, повелительно требовалъ отъ дыздаря чтобы я немедленно былъ отправленъ въ крѣпость, на его поруки, а рейсу если онъ хозяинъ; сей часъ будетъ выданъ окупъ. Боже мой какую кутерьму подняли Турки! Но глубокое уваженіе къ Шестакову Татаръ, а къ Французскому консулу Турокъ, спасли меня. Вотъ уже больше недѣли какъ я здѣсь въ крѣпости, здоровье мое не много поправилось и я оканчиваю письмо, которое теперь Каранмъ вмѣстѣ съ чабаномъ моимъ, везетъ самъ. Какъ они познакомились между собою, я незнаю.

«Теперь, моя милая, обращаюсь къ тебѣ чтобы ты рѣшила мою судьбу; — отъ твоего отвѣта зависитъ все: — жизнь моя, блаженство всей моей жизни, или вѣчное рабство. Рѣшись спросить твоего отца — согласенъ ли онъ благословить нашъ бракъ или нѣтъ? въ

---

[1]) «Дайте мнѣ руку, и говорите по совѣсти всю правду, я обѣщаю вамъ помощь нашего консула, въ случаѣ отказа вашего соотечественника.»

первомъ случаѣ — который да совершится, молю Бога день и ночь, — попроси коменданта чтобы и онъ писалъ въ Крымъ о скорѣйшемъ освобожденіи меня, на основаніи трактатовъ съ Турціею; — я довольно бѣденъ, но мнѣ слѣдуетъ за шесть мѣсяцевъ кампаніи жалованье, и остались у бригадира кой какія деньги, что составитъ до тысячи рублей или тысячи двухъсотъ здѣшнихъ левовъ, а этого будетъ достаточно и для выкупа и вознагражденія карапма. Старикъ же чабанъ не возьметъ ничего. — Но если — чего сохрани Господи, — отецъ твой по прежнему меня не любитъ, а я частію знаю тому причины; то забудь обо мнѣ и предоставь моей судьбѣ. Даже выпущенный на волю я не вернусь къ тебѣ... и возвращаю тебѣ заранѣе твое обѣщаніе! Еслижь и умру гдѣ-нибудь съ горя — то знай, что умру думая только о тебѣ и благословляя твое имя. Прощай Селестина, я не смѣю писать къ твоему отцу, да и время не позволяетъ. Отъ тогоже не пишу особо и коменданту. Карапмъ хотя человѣколюбивый старикъ, а все таки купецъ и дрожитъ отъ нетерпѣнія и страха Татаръ. — Да сохранитъ Господь тебя — моей или нѣтъ, — но да сохранитъ въ счастьи и покоѣ!»

«Твой вѣрный
«Gabriel.»

Что чувствовала бѣдная дѣвушка читая это длинное послапіе — похожее болѣе на духовное завѣщаніе умирающаго человѣка, нежели на письмо любезнаго? — описать трудно. Надобно быть Французскимъ писателемъ

чтобы анализировать смѣло чувства : горести, гнѣва, или страстной любви, которыхъ то даже лице, которое ихъ ощущаетъ описать не можетъ. Но вся ея прежняя бодрость возвратилась ; вся Германская мечтательность, все оцепѣпеніе духа исчезли какъ дымъ и она сдѣлалась достойною дщерью несчастной страдалицы, славянки : образцомъ самозабвенія — изъ любви къ избранному другу. Уже было утро когда она окончила письмо своего жениха, писанное казалось кровью и слезами. Она покрыла его тысячью поцѣлуевъ, помолилась усердно Богу и разбудила Сусанну уснувшую на стулѣ.

— Сусанна, другъ мой, — дай мнѣ мою шубу и приготовь поскорѣе кофе.

— Что вы барышня? — такъ рано — куда вы пойдете? лучше прежде позавтракайте, а послѣ пойдете.

— Боюсь опоздать — скорѣе, скорѣе шубу. — Господи! боюсь чтобъ не было и такъ поздо. —

Служанка подала каррокъ подшитый какимъ-то сѣрымъ мѣхомъ, надѣла ей теплые сапожки на ноги и капоръ на голову, — прибавляя : — ой! ой молодость! изъ чего бьется! а все бы пришло само собою; такъ пѣтъ, надобно мучиться и терзаться! Вотъ я напримѣръ : когда мой покойный Фрицъ сватался за меня я и смотрѣть не хотѣла на него, пока онъ не нанялъ домишку, не купилъ кровати и стола и посуды, да не записался въ цѣхъ; — правда онъ скоро погибъ въ дракѣ за честь древности слѣсарскаго цѣха, а я опять осталась одна! — Ахъ я бѣдная сирота... отъ такъ и моя барышня теперь сирота — а я еще ее осуждала!... прости Господи!

Между тѣмъ Селестина не шла, а бѣжала по глубокому снѣгу вдоль замерзшаго Ингула, до самой церкви, выстроенной на скорую руку въ крѣпости. Тамъ стояла чистая, хорошо выбѣленная мазанка, съ сѣрою окраскою внизу и около окошекъ; ставни были выкрашены разными цвѣтами въ видѣ шахмата, а посрединѣ намалеваны большія корзины съ такими плодами, какихъ природа никогда не производила, а какіе могъ выдумать только какой-нибудь *цыкавый* Малороссійскій маля́ръ. Двери уже были отворены и справедливо спѣшила красавица, у самыхъ дверей встрѣтила она хозяина, съ посохомъ въ рукѣ, въ высокой какъ башня мѣховой шапкѣ и мѣшечкомъ подъ рясою.

— Господи помилуй — дѣвойко моя, ку́да-тако?

— Батюшка Петръ, останьтесь на минутку и дайте мнѣ свое благословеніе.

— Всегда и вездѣ благословеніе Божіе и мое, — недостойнаго раба Божія — да будетъ надъ тобою! Но я спѣшу къ одному больному и неимущему, — не можешь ли подождать не много въ моей избѣ, тамъ тепло.

— Не могу — дѣло мое касается не только бѣднаго страдальца, но невольника христіанскаго, въ рукахъ невѣрныхъ пребывающаго.

— Съ нами крестная сила! во имя св. Іоанна Сучавскаго! прости́ намъ Господи! Что такое мое дѝтятко? — вòйдемъ, вòйдемъ скорѣе домой! —

Старикъ священникъ, Петръ Буличь, еще дурно говорившій по русски, но искренно любившій Россію и Русскихъ, поспѣшно вошелъ въ комнату, снялъ шапку,

помолился предъ образомъ и посадивъ дѣвушку на низкой деревянной скамьѣ, покрытой бѣднымъ болгарскитъ ковриком, сказалъ :

— Душа моя, говори скорѣе, что сѐ случило? —

Селестина начала довольно бодро, но подвигаясь въ разсказѣ стала такъ сильно плакать, что благородный священникъ, привыкшій въ Турціи дѣлить съ славянскою паствою чаще горести, нежели радости, принялъ въ ней живѣйшее участіе. — Что жъ хочешь тѐперь дѣлать, дѣвойко моя?

— Хочу собрать все что имѣю, — а мы слава Богу не бѣдны — и пойду искать моего будущаго господина, круглаго сироту среди невѣрныхъ.

— Что ты? что ты? опомнись! — Тебѣ ѣхать въ такую даль и еще къ такимъ нечестивымъ, которыхъ господь терпитъ въ наказаніе насъ грѣшныхъ.

— Да, мой долгъ велитъ; — я знаю онъ попалъ въ это бѣдствіе изъ любви ко мнѣ и я хочу сама искать ему спасенія, или погибнуть съ нимъ.

— Но моя милая — ты вѣдь дѣвица еще : — тебѣ не прилично искать мужчины.

— Онъ теперь христіанскій плѣнникъ, рабъ и жертва поганцевъ... къ томужъ отецъ и мать благословили меня на бракъ съ нимъ. Я для того и пришла сюда чтобы испросить ваше согласіе и благословеніе на дорогу.

— Охъ дурно, дурно это; видно твоя головка все еще набита нѣмецкими бреднями; для дѣвушки, ея *долгъ* есть подвигъ терпѣнія и ожиданія, а не бѣготня по бѣ-

лому свѣту; — не могу согласиться на твою просьбу — грѣхъ мнѣ будетъ.

— Батюшка, ради Бога! — вы одинъ въ мірѣ остались у меня — я умру отъ тоски... а кто знаетъ съумѣютъ ли чужіе люди помочь ему тамъ?

— Но я согрѣшу предъ господомъ Богомъ, если благословлю тебя на этотъ путь; — не лучше ли послать вѣрнаго человѣка.

— Я имѣю вѣрнаго человѣка въ виду — но боюсь всѣхъ; самъ тотъ проводникъ, который обязанъ намъ жизнію измѣнилъ ему; кому повѣрить? а время бѣжитъ. И такъ цѣлый мѣсяцъ прошелъ уже, какъ онъ запертъ въ крѣпости. Турки люди хитрые и кровожадные.

— Знаю милая, охъ, знаю очень хорошо! Но какъ идти столь далеко — а гайдамаки, а грабители, а козаки?

— Ихъ я не боюсь, мой планъ сдѣланъ; — но ради Бога несердитесь; если я грѣшу, то Богъ проститъ мнѣ ради всѣхъ мукъ, которыя я уже перенесла. Но къ вамъ есть еще просьба... Новаго коменданта я не знаю, говорятъ большой баринъ и гордецъ, а безъ его письма и свидѣтельства, что г. капитанъ точно въ службѣ Русской находился, консулъ, очень добрый человѣкъ, но простой купецъ, недовѣрчивый поневолѣ, ему не поможетъ. Страшковъ, т. е. графъ Остроміровъ содержиться въ Кафѣ, гдѣ много греческихъ священниковъ — нельзя ли получить письмо и отъ архимандрита Софронія — вашего соотечественника, къ какому нибудь православному священнику въ этомъ городѣ, который бы меня тамъ пріютилъ.

— Все это легко сдѣлать, только я не могу рѣ-

шительно позволить на эту поѣздку. Но подожди меня часа чрезъ три, приготовь мнѣ супу, я приду къ тебѣ обѣдать, а то у меня кажется нечего сварить сегодня. Я подумаю и дамъ тебѣ рѣшительный отвѣтъ. О молодость! молодость!

— Да, отче святый, молодость способна ко всему, но жаль въ ранней молодости пасть подъ ножемъ Татарина, или подъ бичемъ какого-нибудь турецкаго рейса на галерахъ!

— Правда твоя, правда, я самъ видѣлъ въ молодости много христіанъ, такъ именно терпѣвшихъ отъ Турокъ — о еслибъ не старость!... Да прощай, а то мой бѣднякъ страдаетъ безъ меня.

— Что это вы несете? позвольте я помогу.

— Тяжело тебѣ будетъ, — сказалъ смутившись Буличь, — это не много крупъ и хлѣбца, да куска три стараго стула для разведенія огня.

— Батюшка! а вы и не говорите мнѣ — я вить теперь такъ богата — возьмите, ради Бога возьмите эти деньги, я было ихъ приготовила для вашей церкви.

— Хорошо, милая, хорошо, — церковь Божія есть казнохранилища и кормилица неимущихъ, — ну до свиданія. —

XIII.

Когда Селестина воротилась домой, уже нашла въ комнатѣ карапма, чинно стоявшаго у огня, съ шапкою на головѣ и четками въ рукахъ, съ закрытыми глазами, по обычаю своего народа; а, въ сѣняхъ, не смотря на морозъ и вѣтеръ, какой-то старикъ, въ самыхъ ужасныхъ лохмотьяхъ, смѣси кожи, мѣдныхъ пуговицъ и сукна изъ верблюжей шерсти, стоялъ прислонясь къ стѣнѣ. Она догадалась что это былъ добрый чабанъ — утѣшитель и избавитель ея милаго — и насильно втащила его въ комнату. Старикъ съ удивленіемъ осматривался кругомъ, но увидя образа, палъ ницъ и нѣсколько минутъ пробылъ на колѣняхъ, съ благоговѣніемъ поглядывая на лики Божіей Матери и святыхъ Божіихъ угодниковъ — вѣроятно давно имъ не виданные.

— О другъ мой, любезный старикъ, какъ я тебя благодарю.

— Нема за що — но пора ѣхать.

— Сегодня же уѣдемъ, — но я жду бумагъ къ консулу.

— Добре, — то я подожду тамъ въ сѣнцяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ останься здѣсь — пагрѣйся, пообѣдай.

— Я такъ давно не былъ въ хатѣ, что мнѣ душно; — мнѣ все кажется что этотъ сволокъ на голову надаетъ.—

Сусанна смотрѣла на чабана выпуча глаза, но узнавъ, что такая важная персона, какъ протопопъ Петръ, будетъ обѣдать, металась по дому и въ кухнѣ какъ угорѣлая.

Караимъ между тѣмъ разсуждалъ съ Селестиною о средствахъ достиженія Крыма. Онъ ручался за безопасность въ Татарской и Ногайской землѣ, лишь бы имѣть ярлыкъ отъ Русскаго пограничнаго коммисара. Но до «Никитина-перевоза»[1]) безъ конвоя, особенно русскаго, достичь трудно.

— Какъ кому — пани ласкава, а я такъ дойду хоть до Варшавы, а Варшава не то что Крымъ.

— Дружокъ — подхватила Селестина — скажи мнѣ правду: — могу ли я идти съ тобою?

— Чемужъ нѣтъ, пойдемъ.

— Но вѣдь надобно взять денегъ.

— То берпть.

— А насъ не ограбятъ?

— Насъ? а какой чортъ, съ позволенія сказать,

---

[1]) «Никитинъ-перевозъ», на Днѣпрѣ или Никитино, теперь *Никополь*, Екатеринослав. губер. и уѣзда.

будетъ шукать денегъ въ моихъ... съ позволенія сказать... —

— То возьмижь меня сей часъ съ собою.

— Добре, пойдемъ. — И хотѣлъ уже идти въ дверь. —

— Душа моя, чабанъ-баши, — замѣтилъ караимъ, — паша молодая ханымъ не можетъ такъ идти по степи, зимою, какъ ты; не лучше ли тебѣ идти самому и привесть ясыря сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ѣду непремѣнно; старикъ проведетъ меня туда благополучно.

— Добре, а есть у васъ хоть коняка?

— Нѣтъ, но купить легко — я имѣю деньги.

— Ну то дайте мнѣ десять рублей, а я куплю коняку и биду [1]).

— Только десять рублей! — возьми больше.

— А на что? Только харчей возьмить на дорогу, а то теперь отарей и чабановъ въ степу нѣтъ, и мы пропадемъ съ голоду. Выбачайте, иду на базаръ. —

Онъ ушелъ, а Селестина бросилась на помощь къ Сусаннѣ, чтобы приготовить обѣдъ, достойный вполнѣ духовной особы и еще столь уважаемой, какъ Буличь. Кукушка хриплымъ голосомъ простонала двѣнадцать часовъ, а священника еще не было. Сусанна какъ хорошая кухарка была въ отчаяніи; она достала было щуку, начинила ее изюмомъ и кашею стертою съ яйцами; облила какимъ-то сафрановымъ соусомъ, вѣроятно выдуманнымъ еще до

---

[1]) *Бида*, одноколка.

потопа, какимъ-нибудь голоднымъ Нѣмцемъ — и опасалась что столь золотое блюдо перестоится на огнѣ. Между тѣмъ дѣвушка, видя что все въ хозяйствѣ ея готово, пошла въ кабинетъ отца, со смерти его постоянно запертый... Съ благоговѣніемъ очутилась она опять между предметами, напомнившими ей и лица, столь дорогія для сердца и столько несчастій... Помолившись у кровати, на которой столь долго страдалъ полковникъ и столь внезапно умерла ея мать, она отворила завѣтный сундукъ отца и пересчитала готовыя деньги, оставленныя въ домѣ, послѣ отсылки главнаго капитала въ Вѣну. Она нашла еще до двухъ-сотъ золотыхъ и до тысячи серебренныхъ монетъ, русскихъ, австрійскихъ и турецкихъ.

— «Этого будетъ слишкомъ довольно чтобы его выкупить... а послѣ пусть онъ самъ располагаетъ нашею общею судьбою» — но тутъ ужасная мысль поразила ее какъ громомъ — мысль страшная, уничтожившая всѣ ея планы и указавшая все безразсудство ея предпріятія. — «Боже, Боже мой — Боже! — вскричала она хватаясь за сердце, которое сжалось въ судорогахъ, — я и забыла что онъ теперь не сирота безпріютный, не бѣдный офицеръ, а графъ Остроміровъ, внукъ богатаго вельможи и придворнаго господина. Онъ, не зная участи блестящей, которая его ждетъ тамъ въ столицѣ, могъ еще думать обо мнѣ, а теперь захочетъ ли соединиться и на всю жизнь, съ безвѣстною нѣмецкою дѣвушкою? — Да и родные его согласятся ли на этотъ *неровный* бракъ? Не буду ли и я страдать, какъ страдала моя бѣдная мать во всю свою

жизнь? — Я хотѣла летѣть въ Крымъ спасать его, не думая о его званіи; а кто знастъ, не счелъ ли бы онъ моего поступка желаніемъ сдѣлаться богатою — когда узнастъ, что Глѣбовъ извѣстилъ уже насъ о его настоящемъ положеніи!» — Несчастная дѣвушка въ слезахъ повергласъ у ложа отца и горячо молилась, но сломанная какъ деревцо столь долгими скорбями, — она лишилась чувствъ, здоровья и памяти на долгое время.

Когда протоіерей, весь измученный и почти замерзшій постучалъ въ двери, Сусанна напрасно ожидавшая Селестину приняла его сама и просила хозяйничать по прежнему; но долго невидя своей барышни она рѣшилась идти въ кабинетъ, полагая весьма естественно, что она тамъ на молитвѣ. Тамъ нашли они ее полумертвую, съ холоднымъ потомъ на челѣ, посинѣвшими губами и всѣми признаками самой опасной горячки. Благородная дѣвушка перенесшая мужественно столько ударовъ, ниспосланныхъ ей провидѣніемъ, не могла устоять противу одной мысли: что ея женихъ сочтетъ ее способною искать почестей и богатства.

Болѣзнь открылась быстро и дѣйствовала съ такимъ ожесточеніемъ, что много дней прошло прежде, нежели докторъ призванный изъ крѣпости, могъ сказать съ точностію о ея положеніи и подать настоящую помощь. Но память ея долго еще боролась съ какими-то видѣніями и врачь переставъ бояться за ея жизнь, началъ опасаться за ея разсудокъ. Бѣдная Сусанна не отходила отъ нее день и ночь, добрый священникъ посѣщалъ ее тоже довольно часто. Селестина безпрестанно терзалась какою-то

мыслію, вѣчно старалась отдалять ее, но напрасно. Докторъ, какъ человѣкъ болѣе другихъ образованный и зная отчасти исторію прекрасной сироты, могъ лучше понять тѣ образы, которые ей представлялись въ горячкѣ и которые ее, казалось, сильно мучили. Днемъ обыкновенно она считала себя въ дорогѣ, распоряжалась, пряталась казалось отъ холода и непогоды, требовала лошадей и нѣжно просила кого-то, вѣрно своего стараго проводника, не утруждать себя, не подвергаться морозу и холоду. То опять воображала, что море бьетъ о самыя окна и люди работаютъ веслами такъ близко отъ нея, что она съ плачемъ и трепетомъ прятала свою голову въ подушки и затыкала уши. Иногда, напротивъ, прислушивалась какой-то музыкѣ или пѣнію, и сама въ сильной задумчивости начинала какую-то пѣсеньку, грустную и заунывную; какую? — никто понять не могъ. Но лишь только приходила ночь, она съ крикомъ и даже нѣкоторымъ ужасомъ подымалась съ постели, требовала свѣта и пищи, безпрестанно спрашивая: «что усталъ? что тяжело? отдохни! ахъ какъ тамъ темно, какъ ты можешь выдержать эту темноту» — и тому подобное.

Раза два или три старый чабанъ, по просьбѣ священника пробирался до самой ея спальни: докторъ думалъ что его видъ приведетъ ее въ память, но бѣдняжка его не узнавала. Старикъ кивалъ головою, вздыхалъ, и разъ схвативши руку священника, долго что-то съ нимъ совѣтовался; призвали Сусанну, шептались и съ нею и наконецъ рѣшились... Взяли у нея ключи, бывшіе прежде у Селестины, добыли деньги изъ большаго сундука, сколько и на что? —

Сусанна даже не спрашивала, такъ знала довѣріе своей барышни къ священнику и столь была занята единственною мыслью о ея болѣзни. Старикъ послѣ того не являлся больше въ домъ.

Между тѣмъ и генварь и февраль 1761 года прошли, болѣзнь все еще оковывала члены и память Селестины, припадки бреда продолжались. Едва къ концу зимы докторъ замѣтилъ что ея пульсъ становился чище и ровнѣе, и что она чаще требовала пищи, хотя по всему видно было, что не понимала даже что ей подаютъ. Наконецъ мартъ начался — ранняя оттепель внезапно явилась въ степяхъ, и весна оживила все и всѣхъ. Третій мѣсяцъ проходилъ со дня ея болѣзни, и она похожа была на скелетъ, двпжущійся только по волѣ одного какого-то сильнаго чувства, безъ котораго онъ бы давно обратился въ прахъ. Лишь только воздухъ сдѣлался теплѣе, докторъ приказалъ выносить Селестину къ обрыву, подъ вербы, чтобы она могла дышать теплотою начинающейся весны, надѣясь что ея силы, подобно силамъ природы, оживутъ вмѣстѣ съ появленіемъ вешняго солнца, — въ чемъ и не ошибся. Первые два раза, когда она почувствовала себя на открытомъ воздухѣ, ее объялъ непреодолимый сонъ, и къ радости ея друзей, сонъ тихій, безъ терзаній и видѣній. Это подало большую надежду на будущее. Въ третій разъ, — день былъ неимовѣрно теплый, ледъ провалился въ разныхъ мѣстахъ и Пигулъ забушевалъ по обычаю, — лишь только больную вынесли въ креслахъ и поставили на виду широко разлившейся и рокотавшей

рѣки, она какъ бы очнулась отъ сна и схвативъ свою больную голову, прошептала :

— Сусанна! Сусанна — или я сплю, или мнѣ кажется что Ингулъ шумитъ какъ весною?

— Да барышня, это Ингулъ.

— Неужели онъ не замерзъ?

— Нѣтъ уже онъ тронулся.

— Ахъ слава Богу; — а что о. Петръ вернулся? —

Сусанна остолбенѣла, она поняла что Селестина переноситъ себя въ тотъ же день, въ который ждала священника къ обѣду. Но вскорѣ сонъ по прежнему овладѣлъ больною дѣвушкою и ее внесли въ домъ. Честный докторъ едва не прыгалъ отъ радости и въ восхищеніи поцѣловалъ старуху въ обѣ щеки.

— Наша взяла! ура! — теперь все пойдетъ хорошо. Лишь бы только что-нибудь *тамъ* не случилось? —

Прошло еще недѣли двѣ; шумъ Ингула, пѣніе жаворонковъ между вербами и теплота ранней весны такъ оживляли Селестину, что она могла даже стоять на ногахъ; но память все еще съ трудомъ возвращалась. Она все еще ожидала о. Петра Булича къ обѣду, а почью терзалась какими-то видѣніями, гдѣ тюрьма, Турки, убійцы, поперемѣнно были на ея глазахъ и языкѣ. Однажды она вдругъ позвала Сусанну къ себѣ.

— Матушка моя, приготовь мнѣ теплый капотъ и мантильку съ капишономъ.

— А на что вамъ это барышня?

— Хочу пойти въ церковь.

— Вы еще такъ слабы, подождемъ съ недѣльку.

— Нельзя душечка, завтра у насъ гости будутъ.

— Какіе гости?

— Какъ будто ты не знаешь? — сказала она покраснѣвъ, и легкая улыбка пробѣжала по ея устамъ.

Въ ту же ночь необычайная суматоха поднялась въ домѣ Селестины. Сусанна даже чепчикъ надѣть забыла и волосы ея совершенно почти бѣлые развѣвались по вѣтру какъ змѣи; докторъ сердился и угрожалъ выпроводить ее на цѣлую недѣлю изъ дому, если она не успокоится и не умолкнетъ. Какая-то повозка подъѣхала, высадили двухъ пріѣзжихъ и тихонько ввели въ домъ. Одинъ безпрестанно клалъ земные поклоны предъ образомъ, другой прошелъ тихонько вмѣстѣ съ докторомъ къ дверямъ спальни Селестины и долго прислушивался, но къ удивленію обоихъ дѣвушка спала тихо и никакого бреда уже замѣтно не было. Священникъ чуть свѣтъ прибѣжалъ, тоже долго цѣловалъ младшаго изъ путешественниковъ, а старику давалъ руку, которую тотъ сто разъ цѣловалъ, кланяясь низко и приговаривая: «Нехай васъ Богъ милуе, панъ-отче.»

Лишь только солнце ярко освѣтило природу, Сусанна потерявъ почти голову открыла ставни, разбила горшки съ цѣтами, опрокинула столикъ и подошла къ кровати Селестины; красавица все блѣдная и худая, ласково ей улыбнулась, нѣжно поцѣловала и сказала: — а что тепло на дворѣ, Сусанна?

— Тепло барышня, т. е. совсѣмъ не то...

— Сусанна дай мнѣ зеркальцо! — Та подала.

— Какъ я похудѣла въ дорогѣ; но слава Богу что мы уже дома — а баринъ гдѣ?

— Баринъ? — какой баринъ?

— Ахъ ты хитрая! ну давай мнѣ одѣваться, — и къ неописанному удивленію старушки, поднялась съ постели сама и начала искать платья; выбрала бѣлую юпку, черный бархатный корсетъ, немного мѣшковатый на ту пору; повязала бѣлый передникъ съ голубыми ленточками и голубую ленточку хотѣла надѣть на голову, но тутъ замѣтивъ что волосы ея до половины выпали, а остальные такъ сбились въ комки, что безъ чепчика и выйти нельзя было, — съ ужасомъ спросила :

— Сусанна, что это такое? — неужели я была больна?

— Да, барышня, очень больны вы были. Но вотъ и нашъ добрый докторъ.

— Здравствуйте Селестина — какъ вы себя чувствуете?

— Хорошо, очень хорошо — но какъ же я похудѣла докторъ, посмотрите на мою руку.

— Ничего, поправитесь, обыкновенно весенняя лихорадка, но возьмите немного желтка яичнаго, да теплой водицы съ ромомъ — та вымойте свои волосы, подъ чепчикомъ ихъ и не замѣтно.

— Хорошо, но зачѣмъ? для кого одѣваюсь я! — и залилась слезами...

— Ура! ура! — эй братцы скорѣй сюда! —

Двери отворились, священникъ вошелъ первый — Селестина бросилась къ нему и окаменѣла... — За нимъ,

блѣдный какъ мертвецъ, худой какъ она сама, съ радостью неописанною на лицѣ и во взорахъ, стоялъ Страшковъ, въ турецкой курткѣ, широкихъ красныхъ шараварахъ и простиралъ къ ней умоляющія руки.

— Ахъ Селестина!

— Gabriel! — закричала дѣвушка — и упала на грудь его залившись новыми слезами.

— Отецъ Петръ! — жаль что вы духовное лице, а то я бы готовъ, не смотря на мои шестьдесять лѣтъ, протанцовать съ вами козачка!

— Козачка? а пу папе зо мною! — сказалъ входя чабанъ, старый нашъ знакомецъ — и такъ мастерски закивалъ ногами, что Сусанна выбѣжала вонъ изъ комнаты, думая что всѣ рѣшительно сошли съ ума. —

Какъ описывать эту сцену мирной радости и восхищенія? — минуты счастія такъ рѣдки въ жизни. Такую сладкую минуту и я, одинъ только разъ, испыталъ въ своей жизни, — но описать ее не умѣю.

Это неожиданное появленіе человѣка, котораго она столь нѣжно любила и тоска о которомъ, едва не стопла ей жизни, теперь напротивъ остановило ее у самаго края могилы. Священникъ боялся сильнаго дѣйствія на нее этой радости, но докторъ сказалъ: — natura magister — она молода, все пойдетъ хорошо, а мы пойдемъ завтракать; — а ты старичишка не выпьешь ли хоть горѣлки?

— А бо що?

— А то, что я тебѣ дамъ такой запеканки, какая тебя не пекла въ горлѣ во всю жизнь.

— Ну не будетъ она такъ пекти меня — какъ тамъ пекли нашего Мамая.

— Мамая? — а кто его пекъ? развѣ чортъ на томъ свѣтѣ, дидуню.

— Альбо! — не чорты́, а Ляхи́, да и они не хуже нечистаго тамъ расходились.

— Какъ же Ляхи взяли то Мамая?

— А таки такъ, взяли́ да и взяли́.

— Ктожъ имъ дорогу показалъ до логовища этого злодѣя?

— Дорогу? — до чего?

— Ну хоть до вашей Мигеи — гдѣ гайдамаки скрываются.

— На что имъ Мигея, они его взяли въ Голтѣ.

— Неужели? вотъ дуракъ, — лезъ самъ волку въ зубы.

— Какъ бы не такъ — пойдетъ онъ туда самъ; — *мы* его взяли да и отдали Ляхамъ.

— Вы? — вы?

— Я, вашъ панычь, да Степанко.

— Ничего не понимаю — по прежде покушаемъ а тамъ разскажешь — а чу! не брехать. —

— Развѣжъ я пане, *знахорь* (докторъ). —

— Браво! да ты еще шутишь — ну выпей же въ паказаніе двѣ рюмки.

— И четыре теперь выпью. Заплатилъ я добре Мамаю за мого сына.

— Опять Мамай! — ну батюшка благословите яствы,

а то правду сказать Сусанна прижжетъ и колбасу что я принесъ, и придымитъ кофе.

— Извините, сударь, извините, — я не только *вашего* кофе никогда не портила, но еще и *чужого* не прижигала!

— Неужели? вы видите, батюшка, что и у Сусанны есть свой princeps honoris, славная философія; — ба да и нашъ чабанъ тудаже, — смотрите взялъ штофъ съ водкою въ одну руку, а соленую рыбу въ другую и кушаетъ, — онъ вижу практикъ, а не теорикъ, хорошо что хоть икры и колбасы не тронулъ, а то бы мы остались безъ завтрака.

— Quid est ad probandum, докторъ, — замѣтилъ священникъ — и по случаю посту закусилъ мѣлкую рюмку запеканки, хлѣбомъ и пьрою.

XIV.

«Еще одно послѣднее сказаніе и лѣтопись окончена моя» — сказалъ монахъ въ трагедіи Пушкина и мы здѣсь, мѣлкія птички въ сравненіи съ этимъ орломъ Русскаго слова повторимъ тоже. Подобно намъ и Селестина нетерпѣливо ждала объясненія: и тяжкаго своего спа и болѣзни и исцѣленія, и чуднаго какъ въ сказкахъ возвращенія любимаго человѣка.

— Разскажите графъ... начала она сидя у раствореннаго окна въ отцовскомъ кабинетѣ.

— Милая Селестина, я не графъ и по волѣ Божіей не буду графомъ никогда — я останусь Страшковымъ, — лишь бы ты меня называла *твоимъ* Страшковымъ.

— Слава Богу, — Gabriel, — нѣжно пожавъ его руку сказала дѣвушка — а сознаюсь, — я припоминаю теперь, что именно мысль о твоемъ *графствѣ* была причиною моей болѣзни.

— Надѣюсь теперь все прошло. Добрый Глѣбовъ —

ты знаешь онъ теперь важнымъ сановникомъ въ Имперіи,— Глѣбовъ ошибся. Хотя мой дѣдъ и призналъ меня своимъ законнымъ внукомъ, но по стараніямъ и интригамъ моей мачихи, не утвердили перваго супружества моей матери гласно, ибо точно преступный растрига вѣнчалъ ихъ за деньги. Но дѣдъ мой отдѣлилъ мнѣ небольшое помѣстье и дозволилъ — какъ я вижу изъ писемъ здѣсь найденныхъ — располагать собою въ будущемъ, а это главное. Первое употребленіе моей свободы я началъ тѣмъ, что объявилъ въ церкви о нашей помолвкѣ и жду только позволенія изъ полка чтобы все кончить.

— Но скажи мнѣ, какъ ты сюда явился и какъ видно очень скоро?

— Это самая простая исторія и очень похожа на эту басню — что мы когда-то читали съ вами по нѣмецки — гдѣ мышь спасаетъ льва изъ сѣтей... Но если хочешь пойдемъ гулять и я разскажу...

— Ахъ жаль — сказала Сусанна, и я бы желала слышать.

— Ну такъ пойдемъ къ тебѣ въ кухню, сказала Селестина, ты столько просидѣла ночей подлѣ меня больной — что мы можемъ посидѣть у очага для тебя.

— О добрая барышня! — ну такъ и быть я вамъ къ вечеру приготовлю *этихъ* кренделей.

— Только ради Бога къ рыбѣ не давай своего желтаго допотопнаго соуса, изъ сафрану или вохры. —

Бѣдная Сусанна покраснѣла до ушей — и чтобы выпутаться изъ этой деликатной матеріи просила скорѣе разсказывать свою *исторію*.

Селестина взяла катокъ и начала разбивать тѣсто на пирожки, а Страшковъ закуривъ трубку началъ такъ свой разсказъ.

«Вы помните Селестина, — при чужихъ онъ не смѣлъ говорить ей *ты* и называть *своимъ ангеломъ* — о томъ Запорожцѣ Высоцкомъ, который приходилъ смотрѣть на меня по приглашенію карантма, но которому я не довѣрялъ по сходству его наружности и наряда съ гайдамаками, моими врагами. Этотъ Высоцкій былъ однакожъ моимъ спасителемъ, хотя я ему не сказалъ и одного дружескаго слова, хотя онъ не ждалъ никакой награды — и даже спасши меня, не дождался моей благодарности. Сей часъ послѣ перехода изъ галеръ въ крѣпость, Турки начали меня мучить другимъ образомъ, — тѣснотою камеры куда меня перевели и голодомъ. Но меня поддерживала надежда, свобода мыслей въ уединеніи, а этого было много въ такой неволѣ. Такъ прошло болѣе двухъ недѣль и не смотря на заточеніе, здоровье мое начало поправляться. Крѣпость наша была такъ стара, что буквально валилась со всѣхъ сторонъ; — въ моей башенкѣ, т. е. остаткѣ башни, близь самаго моря, сохранилась большая доска съ латинскою надписью, какъ я могъ догадаться, судя по нѣкоторымъ буквамъ ощупаннымъ мною, — зная плохо латынь и не привыкнувъ еще къ темнотѣ, я не могъ разобрать надписи [1]). Однажды зашелъ

---

[1]) Въ Кафской (Θеодосійской) крѣпости помѣщается теперь карантинъ. При ея очисткѣ и разломкѣ піонерами въ 1804 году, найдено было въ стѣнахъ много такихъ надписей.

ко мнѣ одинъ булюкъ-баша съ какимъ-то престрашнымъ господиномъ, блѣднымъ, худымъ, всегда сгорбленнымъ, который не только все разсматривалъ въ этихъ развалинахъ, но буквально сказать, считалъ всѣ камни. — Я сказалъ ему объ этой надписи и сгорбленный старикъ такъ удивился, что потребовалъ свѣчки и началъ бѣгло ее разбирать.

— Это драгоцѣнный памятникъ ага, сказалъ онъ дурнымъ Русскимъ языкомъ — но Турокъ не понималъ и я помогъ имъ объяснится, привыкши на галерахъ говорить не много по Татарски.

— Скажите ему что я дамъ пять червонцевъ за эту доску. — Я растолковалъ это булюкъ-башѣ и тотъ, не ожидая долго, позвалъ двухъ рабочихъ и приказалъ сей часъ же добывать мраморную доску изъ стѣны.

«Зная ветхость зданія — я испугался за себя и за нихъ и умолялъ агу дѣйствовать осторожно, или позволить мнѣ, — знающему немного архитектуру — отбить доску. — Онъ отвѣчалъ одними ругательствами, прибавивъ, что «московъ» или трусъ, или желаетъ вымашить у Фрашка деньги, — но позволилъ мнѣ выйти оттуда прочь. Я воспользовался позволеніемъ и вышелъ въ другое отдѣленіе башни, соединявшееся съ моею тюрьмою низенькою калиткою, которую тогда отперли для входа этого гостя, какого-то Польскаго Іезуита. Работники сильными ударами ломали стѣну и мое предсказаніе сбылось; — стѣна рухнула, рабочіе были задавлены на мѣстѣ, Іезуитъ и ага сильно избиты. Ихъ вынесли почти мертвыхъ изъ крѣпости, а меня перевели въ другую тюрьму съ окош-

комъ на эспланаду, забитымъ рѣшеткою изъ проволоки. Прохожіе, особенно рабочіе, видя меня въ окошкѣ подавали иногда милостыню и такъ я кормился не много лучше, а главное дышалъ южнымъ морскимъ воздухомъ, къ которому было привыкъ на галерахъ. Однажды подбѣжалъ ко мнѣ какой-то оборванный мальчикъ Татаринъ и всунувъ большой татарскій огурецъ въ окошко, сказалъ: — «ѣжь его собака, — по отвѣчай скорѣе!» — Я разкусилъ огурецъ и въ немъ нашелъ цидулку въ которой было написано по русски: «изъ Кіева за тобою пріѣхалъ рейтаръ. — *Высоцкій* К. В. З. Н.» Легко вообразить мою радость... я позвалъ мальчишку, отдалъ ему два аспра полученные въ подарокъ отъ Іезуита и сказалъ: — «душа моя! пусть огурецъ прійдетъ самъ.» — Мальчикъ показалъ мнѣ языкъ и такъ кувырнулся раза три предъ окномъ, что много позабавилъ часовыхъ янычаръ и убѣжалъ. Всю ночь я молился такъ усердно — что почти безъ памяти упалъ на землю... Утромъ только уснулъ но не надолго, стукъ оружія, скрыпъ дверей, дикіе возгласы часовыхъ и какой-то визгъ въ родѣ призыва на молитву, раздавался на внутреннемъ дворѣ крѣпости.

— Вставай, джіауръ — сказалъ мнѣ вошедшій молодой сеймань — дыздарь тебя требуетъ. — Я всталъ и въ сопровожденіи тюремщика и сеймана вышелъ на дворъ. Высоцкій, въ полномъ блестящемъ Запорожскомъ костюмѣ, съ серебреннымъ жезломъ за поясомъ стоялъ, преважно покручивая усы, а подлѣ него въ страшномъ парикѣ сержантъ Гавриловъ, — котораго я сей часъ узналъ — видѣвши его не разъ курьеромъ къ Глѣбову.

— Это твой человѣкъ баба? — спросилъ весьма учтиво дыздарь у курьера, показывая на меня и недождавшись отвѣта :

— Это твой знакомый человѣкъ?— спросилъ онъ у меня.

— Это г. Высоцкій — старшина Запорожскій — а это Гавриловъ, сержантъ изъ Кіева — отвѣчалъ я на оба вопроса.

— Вай! вай! — бѣда на нашу голову! — завопилъ дыздарь поправляя свою шапочку — такъ онъ, разумная голова, точно московскій офицеръ?

— На мою голову эффенди; — сказалъ кланяясь Высоцкій — и мы за него порукою : консулъ и вельможный Кошь войска Запорожскаго Низоваго.

— Вай, вай, баба! — такая бѣда приключилась! — Ну аглумъ, т. е. г. офицеръ — я прикажу повѣсить рейса, а по выбору вашему десяти человѣкамъ Ногаямъ, прикажу отколотить подошвы, или двухъ янычаръ прикажу... —

Я отъ радости говорить не могъ и просилъ Высоцкаго, отлично говорившаго по турецки, объяснить дыздарю, что ни рейсъ ни янычары ни Турки, вовсе не виноваты, и что до «блистательнаго порога» никто съ челобитьемъ не пойдетъ. Рейсъ не зналъ что я офицеръ, а считалъ меня за польскаго мужика — да я и самъ боялся ему признаться, зная что меня увезли бы въ Требизонтъ.

— Правда, правда оглумъ мой! — еще громче завопилъ дыздарь, нѣжно на насъ поглядывая, — и намъ много труда стоило чтобы его успокоить. Высоцкій просилъ поскорѣе меня уволить и отпустить. Дыздарь взялъ конецъ моей заросшей бороды и сказалъ : — «вы видите мои

глаза? да? — такъ вы скоро увидите свой рубежь!» — Тотъ часъ приказалъ одному янычару раздѣться и меня облачить въ его долменъ, ибо я былъ буквально полунагъ, а мнѣ всунулъ мѣлкую серебреную монету, отъ которой я не смѣлъ отказаться, чтобы его не обидѣть.

— Вы почтенный Буткальскій ага, сказалъ онъ Высоцкому по татарски, и вы знатный офицеръ, доложите вашему высокому генералитету и непобѣдимому кошевому что я дыздарь, сей часъ человѣка вашего цѣлостно отпустилъ, что вѣчно мірные трактаты не нарушились и тишайшая дружба между нашими границами и впредъ сохранится — если только это отъ бѣднаго Кефскаго дыздаря зависѣть будетъ.

— Добре, добре — отвѣчалъ Высоцкій — прибавляя по русски: — да колыбъ намъ скорѣе вырваться отсюда. —

«Онъ повелъ меня въ ханъ (гостинницу), гдѣ была его квартира, обмылъ меня, накормилъ и одѣлъ прилично, и по моей просьбѣ послалъ въ подарокъ дыздарю три лисьи шкурки, за что я хотѣлъ дать формальное обѣщаніе все заплатить. Но Высоцкій махнулъ рукою и никакой росписки не взялъ. Уже послѣ узналъ я, что онъ отправляя чабана съ караимомъ въ нашу крѣпость, вручилъ ему письма въ Кошъ и къ переводчику Императорскому въ Никитино, съ вѣстью объ открытіи Русскаго офицера между Крымскими галерниками. — Разумѣется Кошъ сей часъ прислалъ нарочнаго съ грознымъ требованіемъ, — но Коша не послушали увѣряя, что такого ясыра не было, а содержавшійся въ крѣпости умеръ; но хитрый Запорожецъ привыкшій къ татарскимъ плутнямъ, ждалъ терпѣливо

пока посланный изъ Никитина въ Кіевъ гонецъ, не воротился съ рейтаромъ Гавриловымъ, который привезъ письмо отъ генералъ-губернатора Ивана Глѣбова къ хану, и къ пашѣ Ешикальскому. Тогда все перемѣнилось; — Высоцкій могъ узнать гдѣ я содержался и вытребовать меня изъ плѣну. По случаю зимы не смѣлъ онъ сей часъ пускаться въ дорогу за безкормицею, и скрылъ меня у одного карапма въ Кафѣ прося ожидать вѣстей изъ крѣпости св. Елисаветы. Но не прежде февраля честный чабанъ могъ воротиться — и то самъ, пѣшкомъ, бросивъ лошадь въ сугробахъ снѣгу, застигшаго его близь Днѣпра. Я изъ вашихъ денегъ щедро наградилъ дыздаря и рейтара, но Высоцкій уѣхавшій до прибытія моего добраго проводника, кромѣ длинаго чубука ничего взять не хотѣлъ — а совѣтовалъ выкупить еще кого-нибудь; но насъ черпь едва не побила за то камнями, и хотѣла поджечь всѣ домы карапмскіе, только янычары нами подкупленные, того не допустили.

«Чабанъ скрылъ отъ меня вашу болѣзнь, прося еще повременить, чтобы степь оживилась не много, а то легко было погибнуть въ пустынѣ, если не отъ холоду, то отъ голоду и бурныхъ потоковъ таявшаго снѣгу. 20 февраля показались первые цвѣты въ Крыму и мы пустились въ дорогу — но въ Перекопскихъ степяхъ встрѣтила насъ опять зима и мы должны были пробыть цѣлую недѣлю въ лачугѣ одного Армянина, который насъ порядочно обокралъ. 10 марта мы достигли Никитина, а оттуда на отличныхъ лошадяхъ данныхъ намъ по приказанію переводчика, мы поскакали сюда. — О какъ счастливъ я

былъ когда опять сѣлъ на бѣшенаго степняка и могъ разгульно рыскать по своей волѣ, на изумрудныхъ равнинахъ! Когда достигли мы до устья Ингула, чабанъ остановилъ меня и сказалъ:

— А Мамай, пане, такъ и будс?

— Мамай? — а что мы теперь ему сдѣлаемъ?

— Что? отъ больше нежели съ войскомъ; — тогда трубили, барабанили, кричали, тай прокричали Мамая; — онъ дурень что ли?

— Такъ чегожъ ты хочешь?

— Отъ попробуемъ счастія — не возьмемъ ли мы его сами? —

«Признаюсь кровь во мнѣ закипѣла отъ желанія звѣрскаго мщенія; при одномъ словѣ о Мамаѣ, въ ту минуту я забылъ обо всемъ, даже о тебѣ. —

— Изволь сказалъ я, — я готовъ — но убей меня непремѣнно если не успѣемъ, чтобы опять не попасть въ плѣнъ Татарамъ.

— Небойтесь пане, я чабанъ и гайдамакъ добре знаю. —

— Ну съ Богомъ, хоть съ пустыми торбами не прійдемъ.

«Мы переправились чрезъ Бугъ противъ устья Ингула, близь какого-то турецкаго фонтана и довольно хорошаго садика[1]), и быстро поскакали по теченію Буга, до самой переправы, насупротивъ Гарлу Запорожскаго. Тутъ бросили

---

[1]) Тамъ теперь *Спасское*, предмѣстье Николаева (Херс. губ. и уѣзда).

мы нашихъ лошадей, а сами пѣшкомъ, скрываясь въ терпахъ достигли на другой день одного урочища, называемаго *Грушка* или *Грушевка*. Деревья еще были обнажены отъ листьевъ, рѣка сильно бушевала, стадъ еще было не много на степяхъ, вѣрно не прикочевали съ низовьевъ Куяльниковъ и Тилигула, гдѣ было гораздо теплѣе. Тутъ чабанъ остановился.

— Паше, а помните вы Степанка?

— Очень помню — злодѣй, и онъ измѣнилъ намъ!

— Нѣтъ пане онъ не измѣнилъ — онъ не здрайця — а трошки струсилъ, за тожъ онъ намъ поможетъ теперь.

— Какъ поможетъ?

— А вотъ увидите, мы зловимъ Мамая какъ ту куропатку — что видѣли вы какъ я взялъ на гачекъ моего снурочка, — да и поведёмъ на расправу.

— Неужели? — а его шайка? —

— Зимою ни души не идетъ на гайдамацство — я добре знаю. Онъ теперь самъ и Степанко съ нимъ. А знаете пане какъ вы ему ту руку подстрѣлили, то Мамай уже не *Мамаемъ* у насъ сдѣлался. Мы всѣ думали что онъ «характерникъ»... Бывало какъ мы еще козаковали вмѣстѣ — пули такъ и валятъ на него, а онъ ихъ беретъ, покажетъ намъ, да въ кишеню и кладетъ. Такъ, такъ, а какъ вы подстрѣлили его — вѣрно ваша рушница была зачарована, — то наши хлопци его и прозвали *манькутомъ*, т. е. что лѣвою рукою бадается, и познали всѣ, что онъ не характерникъ. Вотъ Котляръ — молодецъ былъ парень — козакъ и лугаръ, да и говоритъ ему: «ну Мамай, когда ты еще *нашъ* Мамай, то

добудемъ что-нибудь, а то у насъ скоро опять голодъ будетъ.» Пошли они въ степь... но я все узналъ; я былъ тогда съ моими хлопцами при отарѣ, а отара была Татарская. — Она ходила вмѣстѣ съ овцами того карайма что вы видѣли; а осень была близко, надобно было сдавать скотъ какъ слѣдуетъ; — я и говорю своимъ: а что пустимъ до насъ харцизовъ или нѣтъ? Хлопци говорятъ всѣ — нѣтъ; — а будемъ биться? — спыталъ я ихъ, — а будемъ, кажутъ хлопцы, — а собаки около насъ такъ и гарцуютъ. Вотъ я съ молодцами да и залегъ въ травѣ, собаки около насъ и, — ждемъ. Ажь бѣгутъ пѣшкомъ, Мамай и съ нимъ пять или шесть человѣкъ, а между ними я узналъ только Степанка, да Герасима Котляра. Собаки наши узнавъ ихъ, нышкомъ, нышкомъ по травѣ да до нихъ — какъ хватятъ кого за голову, кого за свиту — а мы какъ махнемъ съ рушницъ, — да двухъ изъ нихъ чортъ и взялъ; — Котляръ и три другіе побѣжали какъ собаки голодные, а Степана съ Мамаемъ мы взяли, да добре помяли... А Степанъ говоритъ мнѣ тихенько: пустить мене, я вамъ выдамъ Мамая. — «Неправда, ты и такъ обманулъ насъ;» — нѣтъ, я только спугался — пустить мене я вамъ его выдамъ весною; — куда вы его дѣнете теперь? Татаре его пустятъ а васъ еще наши убьютъ! — Отъ я и пустилъ Мамая — да чтобъ ему памятка была, взялъ ножъ да ухо ему лѣвое отрѣзалъ и пошу въ торбѣ. Теперь Мамай со стыда изъ Мигеи ушелъ, и уже на другой сторонѣ (Буга), съ Степаномъ около Грушки скрывается, вотъ тутъ видна она, — смотрите — и тутъ намъ его выдастъ Степанъ.

— Не знаю какъ ты старикъ вѣришь Степанкѣ, который изъ трусости выдалъ почти меня, не смотря на присягу сдѣланную предъ барышнею, на своемъ крестѣ.

— Охъ пане, пане, вы ничего не знаете; а батько ёго Хромой Коваль, — чортъ его знаетъ, чи онъ еще батько его? — что сказалъ, развѣжъ вы слыхали?

— Разумѣется нѣтъ.

— То-тоже — а батько его вѣрно сказалъ ему: «плюнь сынку на тую присягу — то москали, — выдай ихъ Мамаю, Мамай нашъ ватагъ и характерникъ» — а Степанко просто дурень, да и послушался. То! то — смотрите: вотъ кто-то уже и лезетъ. — И въ самомъ дѣлѣ мы замѣтили что изъ одной вертикальной, какъ столбъ, круглой и ровной скалы между порогами стоящей и на аршина два надъ половодіемъ возвышающейся, высунулось что-то; — смотрю голова — послѣ туловище, а тамъ и ноги — а это Степанко!...

— Вотъ Степанко идетъ.

— Чтожъ это такое?

— Это послѣдняя хата Мамая — а скоро и его «домовина» (гробъ) будетъ. А вотъ и знакъ.

«Въ самомъ дѣлѣ Степанъ снявъ свою свитку, повѣсилъ ее на скалѣ. Мой старикъ побѣжалъ назадъ и потащилъ меня къ берегу. — Тамъ нашли мы полуразбитый каючекъ. — Скорѣй, скорѣй пане, — говорилъ онъ мнѣ, забивая какъ могъ щели своею свитою, шапкою и лохмотьями смѣшанными съ глиною. Мы съ трудомъ плыли, но вода была не глубока и я не боялся. Такъ дошли мы до скалы съ другой стороны отверстія — примкнули

къ берегу и едва начали карабкаться на нее, какъ нашъ каюкъ унесла вода и старикъ упалъ въ рѣку.

— Кто тамъ? — отозвался какой-то хриплый голосъ.

— Это я, папе, сказалъ Степанъ — помогите! утопаю.

— Пусть тебя чортъ возьметъ.

— Ой папе! а ктожъ вамъ ѣсть принесетъ — ой помогите!

«Мамай высунулъ голову осторожно — но я былъ готовъ съ другой стороны камня, — Степанъ все кричалъ, а чабанъ барахтался въ водѣ и такъ мы его обманули. Едва вытащилъ онъ себя до половины, какъ Степанъ бросился и повисъ на немъ, чабанъ хватилъ за одну, а я за рукавъ отъ другой, отрубленной руки. Но разбойникъ былъ такъ силенъ, что прижавъ голову Степана къ своему локтю, задушилъ его какъ курицу... несчастный упалъ въ воду, — которая немедленно потащила его между порогами. Видя опасность я вынулъ пистолетъ лѣвою рукою и сказалъ: — сдайся, или я разможжу тебѣ голову. — Увидя меня и узнавъ мой голосъ, злодѣй такъ смутился, какъ бы мертвый съ того свѣта явился ему, — и этотъ храбрый и непобѣдимый доселѣ ватажокъ, почти окаменѣлъ отъ суевѣрнаго испуга. Чабанъ мастерски его связалъ и мы вытащивъ его бросились вплавъ, но плыли не долго, — половодье захватывало далеко берегъ, но было мѣлко и мы легко добрели до Грушки. Жаль мнѣ было Степанка: чабанъ напротивъ былъ радъ, говоря — что онъ былъ два раза измѣнникомъ и лучше что его чортъ прибралъ къ себѣ. Чтобъ скорѣе сбыть нашего плѣнника мы пошли къ западу и скоро добрались до Татарскаго мѣстечка

Голты. Каймакана не было, но Армянскій писарь, большой трусъ, увидя такого грознаго арестанта немедленно согласился пустить насъ на Польскую сторону Буга, особенно когда изъ консульскаго ярлыка увидѣлъ, что я Русскій офицеръ. На границѣ нашли мы большой обозъ *народовой кавалеріи* и намѣстника пана *Витославскаго* регимептаря; извѣстный своею храбростью его поручикъ *Выжга* принялъ у насъ Мамая и тутъ же предалъ его военному суду. Не смотря на все мое желаніе — намѣстникъ упросилъ меня остаться въ обозѣ, пока судъ и неминуемая казнь не совершится, чтобы донесть Русскому начальству какъ Поляки уважаютъ сосѣднюю «порубежную» дружбу. И такъ я видѣлъ зрѣлище, которое вѣчно не изгладиться изъ моей памяти. Мамая какъ польскаго подданнаго, за убійство, грабежи и пожары осудили *на палю*. Мертвому уже отрубили остальную руку и за ноги повѣсили на тотъ же колъ, на которомъ онъ принялъ казнь... Такъ кончилъ жизнь свою страшный злодѣй, но гайдамацтво я увѣренъ прекратилось не надолго. Если не примутъ мѣры самыя строгія на границахъ Запорожья, особенно на Бугѣ, то мы Селестина услышимъ не разъ еще про новыхъ, столь же дерзкихъ «Мамаевъ». —

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Быстро течетъ время даже въ горести, въ неволѣ и тоскѣ, а тѣмъ болѣе въ радости. Здоровье Селестины скоро поправилось и къ свѣтлому воскресенію, она была похожа на самую великолѣпную лилію, рано разцвѣтшую въ нашихъ степныхъ садахъ. Страшкову зачли за службу его пребываніе въ плѣну и онъ перешелъ ротмистромъ въ венгерскій, а послѣ въ *желтый* гусарскій полкъ, сформированный какимъ-то полковникомъ *Жвачикомъ*, который поселяли на степяхъ Новороссійскаго края. Ему, какъ ротному командиру, дали въ собственность большой участокъ земли, а въ команду Ольшанскій шанецъ, гдѣ поселилось много Болгаръ и другихъ задунайскихъ Славянъ. Свадьба ихъ скоро была отпразднована и онъ уѣхалъ въ Ольшанку съ женою и старымъ своимъ сослуживцемъ Бабкинымъ, котораго перевелъ въ свою роту и далъ опять капральскую палку. Чабанъ не хотѣлъ другой награды какъ разводить и пасти его скотъ, особенно тѣ овцы, которыя Страш-

ковъ выписалъ изъ Германіи, по окончаніи семилѣтней войны. Уѣзжая изъ крѣпости, ротмистръ сильно ходатайствовалъ за несчастнаго аудитора Слѣпушкина, котораго осужденіе было неминуемо. Но бригадиръ Муравьевъ былъ неумолимъ, желая дать примѣръ строгости въ столь отдаленной части имперіи, окруженной иностранцами и наполненной бродягами, вѣчными врагами ея, приговорилъ: писаря Трусова прогнать сквозь строй, а Слѣпушкина лишивъ чина и дворянства, запереть въ Кіевскомъ домѣ сумасшедшихъ, — ибо оказалось что онъ почти совершенно лишился разсудка.

Если читатели наши будутъ когда-нибудь на берегахъ Буга, то доѣхавъ до ст. Константиновки, совѣтуемъ вмѣсто почтовой дороги, сѣсть на паромъ и переправиться въ *Богдановку*, имѣніе еще недавно цвѣтущее, а теперь почти въ развалинахъ, основанное когда то княземъ Полиньякомъ. Оттуда къ западу, въ верстахъ 25-ти найдете вы селеніе *Грушевку* или Грушку г-жи *Корбе*, и тамъ на берегу, среди пороговъ увидите камень гдѣ по преданію скрывался Мамай. Какъ онъ могъ тамъ помѣститься, мы никакъ понять не могли. Этотъ камень до сихъ поръ называютъ *колодцемъ* или *кутоловомъ*, и въ немъ, по сказанію народа, скрываются до сихъ поръ зарытыя сокровища. Отверстіе шириною въ аршинъ сохранило круглую свою форму, а въ срединѣ родъ узкаго погребка не болѣе двухъ аршинъ вышины и ширины. Пробравшись между камнями вы дойдете наконецъ до о. Мигеи, т. е. кучи скалъ самыхъ живописныхъ, на которыхъ гг. Скаржинскіе построили мѣльницу, замѣнившую

своимъ плодоноснымъ шумомъ, оклики разгульной толпы разбойниковъ, два сряду столѣтія тутъ пребывавшихъ. Вблизи отъ селенія Миген есть другой островокъ и балка называемые *Кампанейскими,* въ память страшной битвы между Татарами и нашимъ храбрымъ кампанейскимъ полковникомъ Чеспокомъ, бывшей въ десять лѣтъ послѣ описанныхъ нами событій.

О Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и бабъ [1]) обломанныхъ называются *Мамаями;* но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова въ Мошнахъ (Кіев. губ.), но тысячи копій вы найдете во всей Украйнѣ. Молодой козакъ съ торбаномъ въ рукахъ, обритый, съ длиннѣйшими усами и оселедцемъ сидитъ на травѣ и поетъ свои пѣсни; два другіе гайдамаки варятъ кашу, а добрый конь привязанъ въ тѣни деревъ; — но увы! на другомъ деревѣ вы видите тогоже Мамая въ его апотеозѣ, т. е. съ обрубленными руками виситъ онъ на деревѣ, головою внизъ. Такія картины дѣлали поляки въ 1760 годахъ на страхъ другимъ гайдамакамъ и выставляли ихъ по корчмамъ и на ярмаркахъ. Но стихи внизу написанныя, вѣроятно прибавлены послѣ, ибо заключаютъ скорѣе насмѣшку нежели страхъ своихъ судей. Вотъ они:

---

[1]) *Бабами* называютъ древнѣйшіе истуканы изъ камня, находимые на нашихъ степяхъ, изсѣченные въ формы близкія къ древнимъ, но грубымъ Индо-египетскимъ памятникамъ.

«Хочь дывись на мене, хочь не дывись, а не взгадаешь,
Видкиль родомъ и якъ зовутъ, ни чичиркъ не знаешь,
Колы трапилось кому въ степахъ буваты,
То той може прозвище мое вгадаты.
Бо у мене имя не одно, а есть ихъ до ката.
Такъ зовутъ, якъ набѣжишь на якого свата,
Жидъ съ биды за ридного батька почитае,
А Лихъ «милостивымъ добродіемъ» называе...» и проч.

Въ Кіевской губерніи Чигиринскаго уѣзда, въ *Бураковскомъ* лѣсу, по дорогѣ изъ казеннаго селенія Херсонки въ с. Нестеровку есть еще дерево, называемое *Мамаевымъ дубомъ*; стволъ его, необыкновенной толщины, весь избуравленъ отыскивателями кладовъ[1]).

А Селестина! Эта прекрасная Богемка сдѣлавшись совершенно Русскою, — сохранила образованіе западной Европы и въ нашихъ безлюдныхъ тогда пустыняхъ, вмѣстѣ съ Русскою откровенностію и гостепріимствомъ. Не разъ измученные степнымъ зноемъ, голодомъ и дорогою, Русскіе и иностранцы, находили пріютъ въ ея домѣ, на берегу рѣчки Синюхи, и тамъ не разъ дѣдъ мой слышалъ разсказъ о Мамаѣ и его подвигахъ, съ присовокупленіемъ неслыханныхъ прибавленій Сусанны. Она, подъ старость, всѣ разсказы такъ смѣшивала, что не разъ удивленные Суздальцы или жиды, пріѣзжавшіе съ

---

[1]) Сочинительница «Путевыхъ замѣтокъ» Т. Ч. говоритъ, что не разъ посѣщала она этотъ историческій дубъ и отдыхала подъ нимъ, промчавшись нѣсколько верстъ на красивой небольшой степной лошадкѣ.

товарами, узнавали что Мамай былъ ясыремъ въ Крыму, чабанъ женился подъ старость лѣтъ на ея барышнѣ, а капитана посадили на колъ близъ Бугополя, окаянные Поляки. У Страшкова было много дѣтей, которые въ свою очередь были гусарскими и пикинерными офицерами, получали земли, *выводили* людей на поселеніе — заводили *слободы* — но гдѣ и когда? дѣдъ мой хорошо не зналъ и мнѣ не говорилъ. А караимъ не разъ отправляясь на ярмарки въ крѣпость св. Елисаветы, заѣзжалъ по дорогѣ, — а иногда и не по дорогѣ — въ «слободу» Страшкова, чтобы поболтать о прежнихъ временахъ, выпить огромное количество кофе или чаю, выкурить сотню трубокъ и порадовать собраніе краснорѣчивыми восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: «Богъ великъ и милосердъ! — «онъ нашъ заступникъ! — Что страхъ! что бѣда? — Го- «сподь силъ все переломитъ! И Турокъ пропадетъ и «Татаринъ пропадетъ — а Богъ и небо останутся.» — Да да, съ чувствомъ убѣжденія прибавлялъ старикъ караимъ, другъ ротмистръ! скоро, скоро-пріидетъ Мессія и дастъ царство свое намъ правовѣрнымъ — и вамъ эффенди, если будете всегда такъ добры и такъ гостепріимны для бѣдныхъ караимовъ!

КОНЕЦЪ II-й И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ МАМАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I	1
II	13
III	27
IV. Разсказъ чабана	42
V	59
VI	75
VII	89
VIII	104
Разсказъ инженера	113
IX. Разсказъ коменданта	118
X	133
XI	145
Письмо Страшкова изъ плѣну	154
XII. Продолженіе письма Страшкова изъ плѣну	160
XIII	175
XIV	188
Заключеніе	202